

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»

На правах рукописи

Шарапов Сергей Валерьевич

ИДЕОЛОГО-ПРОПАГАНДИСТСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ШАХТИНСКОГО СУДЕБНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
(МАРТ–ДЕКАБРЬ 1928 г.)

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель

доктор исторических наук, профессор

Красильников Сергей Александрович

Новосибирск – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
1. Политико-идеологическая подготовка «Шахтинского дела».....	40
1.1. Согласование политических установок «Шахтинского дела» в партийно-государственном руководстве.....	40
1.2. Внутриполитические задачи и содержание пропагандистской кампании.	65
1.3. Внешнеполитический аспект «Шахтинского дела» в советской пропаганде.....	87
2. Информационно-пропагандистское сопровождение судебного процесса и закрепление его результатов	103
2.1. Процесс как инструмент утверждения образа «вредителя» в советской пропаганде.....	104
2.2. «Шахтинское дело» в ряду мобилизационных кампаний 1928 года.....	135
2.3. Итоги кампании в их восприятии целевыми группами советского социума.....	156
2.4. Влияние процесса на динамику советско-германских отношений (информационно-пропагандистский аспект)	178
Заключение	191
Список использованных источников и литературы	199
Приложение А. Программа контент-анализа номеров газет «Правда» и «Известия» за период с 10 марта по 31 декабря 1928 г.	213
Приложение Б. «Дело» Л. Г. Рабиновича на Шахтинском процессе 1928 г.: сравнительный анализ материалов стенограммы и корреспондентских отчетов газет «Правда» и «Известия»	222

Введение

Актуальность темы исследования. Шахтинский процесс 1928 г. и ряд последующих за ним показательных судов над «вредителями» непосредственно связаны с трансформацией большевистского политического режима на рубеже 1920-х – 1930-х гг. В это время происходил переход к чрезвычайным мерам в сфере управления экономикой, нарастали, в том числе и инспирированные властью, меж- и внутрисоциальные конфликты. Значимость судов такого рода для осмысления исторического перелома рубежа десятилетий определяется их многоцелевым комплексным назначением, способностью оказывать воздействие на идеологическую, политическую, социокультурную сферы жизни общества и государства.

Масштабы организации и проведения таких процессов, как Шахтинский, требовали значительной концентрации усилий и координации деятельности как судебно-следственных, так и партийно-государственных и агитационно-пропагандистских органов. Их взаимодействие обеспечивало одновременную реализацию разнонаправленных мер, в том числе мер социально-мобилизационного характера, нацеленных на вовлечение основных групп / слоев общества в кампании поддержки, одобрения действий власти. Идеолого-пропагандистское обеспечение такого рода процессов играло важную роль. Именно оно призвано было придать судебным процедурам широкий показательный, демонстрационный характер и тем самым достичь максимально возможного целенаправленного воздействия на массовое сознание советского общества в целом и отдельных его групп.

Изучение Шахтинского судебного процесса, проходившего с 18 мая по 5 июля 1928 г. в Москве, имеет высокую значимость для сферы современного исторического образования и просвещения. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. оценка «вредительских» процессов, в том числе и Шахтинского, претерпела инверсию, и ныне в общественном сознании они устойчиво ассоциируются с фальсификациями, не имевшими под собой объективной правовой основы.

Генеральная прокуратура РФ в 2000 г. дала «Шахтинскому делу» соответствующую юридическую оценку, реабилитировав всех осужденных на процессе. Задача исследователей состоит в анализе цели, механизма и технологий фальсификации данного «дела», включая изучение формирования и распространения идеолого-пропагандистской системой тенденциозной, искаженной информации о процессе.

Степень изученности темы. Советский период отечественной историографии по «Шахтинскому делу» отмечен доминированием официальной партийной парадигмы интерпретации процесса как проявления классовой борьбы, «обострявшейся по мере строительства социализма». Шахтинский судебный процесс 1928 г. был возведен в ряд «грандиозных» побед пролетариата над скрытой «экономической контрреволюцией». Обоснованность и справедливость вынесенного приговора не ставились под сомнение. Такая трактовка «Шахтинского дела» господствовала в советской историографии до конца 1980-х гг.

Посвященные Шахтинскому процессу публикации появились в 1928 г. сразу по его окончании. Их авторами являлись как непосредственные акторы процесса (Н. В. Крыленко¹, А. Я. Вышинский², С. Д. Шейн³), так и отечественные журналисты, аккредитованные для его освещения (А. Аграновский, А. Алевич, Г. Рыклин). Брошюра журналистов состояла из уже опубликованных ранее на страницах газеты «Известия» фельетонов и корреспондентских отчетов из зала суда⁴.

В 1928 г. под редакцией государственного обвинителя на Шахтинском процессе Н. В. Крыленко из печати вышел сборник материалов (статей, выступлений и документов), предназначавшийся для ознакомления советской общественности с избранными документами судебного процесса и публикациями

¹ Экономическая контрреволюция в Донбассе (итоги Шахтинского дела). Статьи и документы. М., 1928.

² Вышинский А. Я. Итоги и уроки Шахтинского дела. М.; Л., 1928; Он же. Итоги Шахтинского дела // Революция права. 1928. № 5. С. 4–13.

³ Шейн С. Д. Суд над экономической контрреволюцией в Донбассе. Заметки общественного обвинителя. М.; Л., 1928.

⁴ Аграновский А., Алевич А., Рыклин Г. Люди-вредители. Шахтинское дело. М.; Л., 1928.

в прессе. Издание предварялось вводной статьей Н. В. Крыленко, в которой давалась политическая оценка процесса: «Шахтинское дело по мере того, как развертывалась на суде картина работы вредителей, явилось актом классовой борьбы, ибо, сконцентрировав на себе внимание всех слоев населения обоих классов, оно поставило, в конечном итоге, воочию перед всеми именно эту проблему, – проблему “кто кого”, проблему борьбы, которая велась и ведется буржуазией против СССР»⁵. Трактовка Шахтинского процесса как «акта классовой борьбы» стала фактически директивно-установочной для всей последующей советской литературы, в том числе и для других пропагандистских публикаций 1928 г.⁶

В том же году была издана брошюра, написанная председателем Всесоюзного межсекционного бюро инженеров и техников (ВМБИТ) С. Д. Шейном, представлявшим на судебном процессе общественное обвинение. Во всем следуя официальной обвинительной позиции в духе Н. В. Крыленко, С. Д. Шейн при этом играл роль своеобразного защитника «старой» интеллигенции: его задачей было доказать, что корни «шахтинской заразы» не имеют прочного основания в среде «буржуазных» специалистов. В своей публикации С. Д. Шейн разделил всех отечественных инженеров и техников на три категории: принявших большевистскую идеологию во всей полноте, занимавших нейтрально-колеблющуюся позицию и противников советской власти. Далее делался вывод о немногочисленности антисоветски настроенной прослойки и последовательном росте количества укрепившихся в коммунистической идеологии инженерно-технических работников⁷.

Первые публикации, появившиеся по «горячим следам», являлись одновременно завершающей, итоговой стадией начавшейся в марте 1928 г. пропагандистской кампании и начальным этапом историографии по

⁵ Экономическая контрреволюция в Донбассе (итоги Шахтинского дела). Статьи и документы. М., 1928. С. 5.

⁶ «За что их судят?». Баку, 1928; Сергеев Б., Плесков В. Шахтинцы. История вредительства, суд, приговор. М., 1928; Вышинский А. Я. Итоги Шахтинского дела // Революция права. 1928. № 5. С. 4–13.

⁷ Шейн С. Д. Суд над экономической контрреволюцией в Донбассе. Заметки общественного обвинителя. М.: Л., 1928.

«Шахтинскому делу». В них было сформулировано ставшее общепринятым в советское время политическое обоснование «дела», будто бы «вредительство» вызывалось деятельностью антисоветски настроенных сил внутри страны при содействии внешних «врагов».

Официальная классовая трактовка Шахтинского процесса получила окончательное оформление в историко-партийной литературе 1930-х гг. Во втором томе «Истории ВКП(б)» Е. М. Ярославского «Шахтинское дело» приводилось в подтверждение сталинского тезиса 1928 г. об «обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму»⁸. Вместе с тем утверждалось, что партия извлекла уроки из «Шахтинского дела», реализовав задачи, поставленные объединенным апрельским пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928 г., в частности улучшив трудовое и материальное положение рабочих Донбасса (расширение жилищного строительства, улучшение водоснабжения, введение шестичасового рабочего дня на подземных работах в угольной промышленности)⁹.

«Шахтинское дело» получило свое «каноническое» описание в 1938 г. в известном издании «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс»: «В [...] <1928> году была раскрыта крупная вредительская организация буржуазных специалистов в Шахтинском районе Донбасса. Шахтинские вредители были тесно связаны с бывшими собственниками предприятий – русскими и иностранными капиталистами, с иностранной военной разведкой. Они ставили целью сорвать рост социалистической промышленности и облегчить восстановление капитализма в СССР. Вредители неправильно вели разработку шахт, чтобы уменьшить добычу угля. Они портили машины, вентиляцию, устраивали обвалы, взрывы и поджоги шахт, заводов, электростанций. Вредители сознательно задерживали улучшение материального положения рабочих, нарушали советские законы об охране труда.

⁸ Ярославский Е. М. История ВКП(б): В 2 т. М., 1934. Т. 2. С. 209.

⁹ Там же. С. 210.

Вредители были привлечены к ответственности. Они получили от суда должную кару»¹⁰.

С середины 1960-х гг. произошло определенное расширение предметного поля с активизацией исследований, посвященных истории классовой борьбы и истории формирования советской интеллигенции. Советские историки 1960-х–1980-х гг., хотя и не выходили за рамки установленной парадигмы, начинали осваивать и оценивать другие аспекты процесса: юридический, внешнеполитический, социально-культурный¹¹.

И. Я. Трифонов, отмечая «широкий размах вредительства» 1928–1931 гг., писал, что «Шахтинское дело» «было показателем того, что буржуазия еще далеко не добита, что в стане классовых врагов пролетариата происходит перегруппировка сил, имеющая целью отстоять старое, добиться реставрации капитализма»¹². Автор предложил периодизацию «вредительства» 1920-х гг. В первые годы НЭПа оно ставило своей целью «расширение концессионной практики» – «вредители», действовавшие в интересах дореволюционных владельцев предприятий, «стремились добиться от Советского правительства передачи в концессию и в руки частного капитала важнейших очагов промышленности»¹³. В 1927–1928 гг., когда стало очевидно, что успехи НЭПа не ведут к расширению «концессионной практики», наступила новая стадия в развитии «буржуазного вредительства», характеризовавшаяся созданием широкой разветвленной «контрреволюционной организации», которая делала ставку на скорую вооруженную интервенцию западнокапиталистических государств и плановое «вредительство»¹⁴.

Похожую интерпретацию истории «вредительства» предложили в своей работе, посвященной социалистическому строительству и классовой борьбе на

¹⁰ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б); одобрен ЦК ВКП(б), 1938 г. М., 1946. С. 279.

¹¹ Трифонов И. Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921–1937). М., 1960; Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972; Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1978.

¹² Трифонов И. Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР... С.152–153.

¹³ Там же. С. 154.

¹⁴ Там же. С. 154–156.

Дону в 1920-е – 1930-е гг., В. И. Иванов и П. Г. Чернопицкий. Переход к НЭПу, по мнению авторов, воскресил среди «буржуазной» интеллигенции надежды на перерождение диктатуры пролетариата (так называемая идеология «сменовеховства»). Но с началом периода реконструкции советского хозяйства (1926 г.), когда стало ясно, что режим устойчив, произошла активизация «вредительской» деятельности. История «шахтинской контрреволюции», по мнению авторов, подтверждала тезис о переходе идеологических противников советской власти к активному «вредительству» в середине 1920-х гг.¹⁵ Другой автор, Д. Л. Голиков, в монографии «Крушение антисоветского подполья в СССР», ссылаясь на показания обвиняемых на Шахтинском процессе, утверждал, что переход к активной «вредительской» деятельности в конце 1920-х гг. был вызван успехами социалистического хозяйствования, которые обрушили надежды «контрреволюционеров» на то, что предприятия будут отданы советским правительством в концессии¹⁶.

Исследования И. Я. Трифонова, В. И. Иванова, П. Г. Чернопицкого, Д. Л. Голикова объединяла установка вписать «Шахтинское дело» в историю классовой борьбы периода НЭПа. Следует учитывать, что свои суждения указанные авторы выстраивали на некритичном использовании судебно-следственных материалов «вредительских» процессов 1920-х – 1930-х гг., многие из которых, как и Шахтинский процесс, были политически мотивированы и сфальсифицированы.

В 1972 г. вышла в свет монография С. А. Федюкина, посвященная истории взаимоотношений власти и интеллигенции. С. А. Федюкин рассматривал «Шахтинское дело» в контексте адаптации «старой» интеллигенции к условиям коммунистического режима. Следуя уже установленному в советской историографии канону, С. А. Федюкин утверждал, что в 1920-е гг. шел процесс расслоения, дифференциации интеллигенции, которая самоопределялась: быть ли ей на стороне советской власти или же вливаться во «вредительскую» работу.

¹⁵ Иванов В. И., Чернопицкий П. Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920–1937). Ростов н/Д., 1971. С. 124.

¹⁶ Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1978. С. 619.

Вместе с тем С. А. Федюкин отмечал, что «вредительские» процессы создали в среде интеллигенции весьма нервную, ненормальную обстановку (инженеры и техники чувствовали себя неуверенно на производстве, избегали инициативы, опасаясь быть обвиненными во «вредительстве»). Причинами тому стали «неправильные действия», «перегибы» в отношении интеллигенции, допускаясь на местах. В работе С. А. Федюкина содержится первая, пока еще осторожная, критика партийно-государственной политики по отношению к «буржуазной» интеллигенции в связи с «Шахтинским делом». Автор, впрочем, перекладывал ответственность за «перегибы» на низовых ответственных работников, создававших в обстановке «борьбы с вредительством» невыносимые для работы инженерно-технических кадров условия¹⁷.

Альтернатива доминировавшему в советской историографии классовому подходу появилась в сочинениях А. И. Солженицына¹⁸, Р. А. Медведева¹⁹ и А. Г. Авторханова²⁰, написанных в конце 1950-х – 1980-х гг. Указанные авторы, вопреки утвердившейся в СССР трактовке событий, были убеждены в том, что «Шахтинское дело» от начала и до конца носило сфабрикованный органами ОГПУ характер, и выстраивали свои версии причин его инспирирования. С точки зрения А. Г. Авторханова, процесс был нужен И. В. Сталину для того, чтобы, во-первых, дискредитировать своих будущих противников из числа «правых» оппозиционеров (А. И. Рыкова и Н. И. Бухарина, которые были близки к кругам технической интеллигенции), во-вторых, найти способ публичного уничтожения даже мнимых врагов – в виде той «следственной техники» («конвеерные» допросы, шантаж обвиняемых), которая применялась по отношению к «шахтинцам»²¹. А. И. Солженицын, отмечая неспособность подсудимых и защитников «сместить или отклонить глыбу приговора», пришел к заключению о том, что это был «бесконфликтный судебный процесс (отражающий внутреннюю бесконфликтность строя), где к единой цели стремились дружно и суд и

¹⁷ Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. С. 385.

¹⁸ Солженицын А. И. Собрание сочинений в 9 т. М., 1999. Т. 4: Архипелаг ГУЛаг. 1918–1956. С. 381–382.

¹⁹ Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. М., 1990. С. 226–233.

²⁰ Авторханов А. Г. Технология власти. Frankfurt/Main, 1983. С. 70–72.

²¹ Там же.

прокурор, и защита, и подсудимые»²². Недоступность источников, однако, не позволила авторам с достаточной опорой на факты провести основательную исследовательскую работу, которая бы описывала процесс подготовки и проведения Шахтинского процесса. Тем не менее, ценность этих публикаций (хотя и в виде нелегальной в СССР литературы) заключалась в прорыве информационной блокады, выстроенной вокруг Шахтинского процесса официальной советской пропагандой.

Начавшаяся во второй половине 1980-х гг. перестройка оказала влияние на историческую науку в Советском Союзе, открыв возможность для пересмотра тех устоявшихся канонов, которые сформировались в годы партийного диктата. Исследователи уделяли пристальное внимание репрессивной политике 1920-х – 1930-х гг. На этой волне возник интерес к политическим судебным процессам 1928–1931 гг. В 1989 г. была опубликована статья Е. Ефимова и Ю. Щетинова, посвященная сразу трем «вредительским» процессам – «Шахтинскому делу», делу «Промпартии» и делу «Союзного бюро меньшевиков». В данной статье анализировалась подготовка органами ОГПУ «Шахтинского дела», а также сам характер судебного процесса, краеугольным камнем которого, по мнению авторов, явилась виртуозно развитая впоследствии А. Я. Вышинским теория «царицы доказательств». Следуя ей, формального признания подсудимым своей вины было достаточно для вынесения обвинительного приговора. В завершение авторы статьи пришли к выводу о том, что под прикрытием публичных судебных процессов предпринималась попытка списать хозяйственные трудности в стране на счет «буржуазного вредительства»²³. Этот вывод разделяли практически все авторы, писавшие о «Шахтинском деле» в перестроечной и постсоветской России²⁴.

²² Солженицын А. И. Собрание сочинений в 9 т. М., 1999. Т. 4: Архипелаг ГУЛаг. 1918–1956. С. 381–382.

²³ Ефимов Е., Щетинов Ю. Три процесса над старой интеллигенцией // Политическое образование. 1989. № 6. С. 69–76.

²⁴ Старков Б. А. Об истинных и мнимых врагах социалистического строительства // В поисках исторической истины. Л., 1990. С. 92–95; Куманев В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991; Беляков Л. Н. «Шахтинское дело» // Репрессированные геологи. М.; Л., 1999.

В большинстве исследований середины 1980-х – 1990-х гг. отсутствовал комплексный анализ судебного процесса, имевшего свои стадии подготовки и проведения, идеологическое и политическое содержание. Тем не менее, высказанные авторами суждения не теряют своей научной значимости. В частности, Ю. Щетинов в другой статье заметил, что руководство ВКП(б), инициируя «Шахтинское дело» и другие показательные процессы конца 1920-х – начала 1930-х гг., ставило задачу не только побороть идеологические колебания в среде «старой» интеллигенции, но и ускорить ее отход с позиций некоторой отстраненности от дела строительства социализма²⁵. В других исследованиях середины 1980-х – 1990-х гг. оценивались последствия «Шахтинского дела» для прослойки «буржуазной» интеллигенции. Б. А. Старков отмечал, что прямыми последствиями «Шахтинского дела» явились масштабные репрессии против инженерно-технических работников и других групп интеллигенции, широко развернувшиеся в стране²⁶.

Принципиальной задачей для исследователей, обращавшихся в 1990-е гг. к «Шахтинскому делу», было доказать безосновательность и нелепость обвинений, выдвинутых против «шахтинцев», показать тенденциозность и «театральность» поставленного суда. Так, объясняя мотивы инициирования «Шахтинского дела» желанием И. В. Сталина оправдать политику индустриализации, исследователь В. А. Ковалев писал о том, что суд исходил из презумпции безусловного наличия причинной связи между фактами дезорганизации шахтного производства и деятельностью «вредителей». Вслед за Е. Ефимовым и Ю. Щетиновым В. А. Ковалев отметил, что на процессе не имело значения отсутствие в деле вещественных доказательств, а все усилия сосредоточивались на получении признательных показаний²⁷.

Тем не менее, некоторые авторы все же не считали «Шахтинское дело» полностью сфальсифицированным. Б. А. Викторов, бывший работник военной

²⁵ Щетинов Ю. А. Режим личной власти Сталина // Режим личной власти Сталина. К истории формирования. Л., 1989. С. 56–61.

²⁶ Старков Б. А. Об истинных и мнимых врагах социалистического строительства. С. 92–95.

²⁷ Ковалев В.А. Два сталинских наркома. М., 1995. С. 48–59.

прокуратуры, имевший возможность изучать материалы следствия, отмечая недостаточную доказанность вины «шахтинцев» на процессе, утверждал, что это не был суд над абсолютно ни в чем не повинными людьми, поскольку 17 подсудимых все же признали свою вину. Впрочем, он констатировал, что инициировавшие «Шахтинское дело» чекисты и поддерживавшие их партийные руководители очевидным образом и сознательно «политизировали» хозяйственные преступления²⁸.

Всестороннее научное исследование «Шахтинского дела» было проведено С. А. Кислицыным в опубликованной в 1993 г. монографии, основанной на документах Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) в сочетании с опубликованными в прессе репортажами о ходе судебного процесса и другими материалами. Автор особое внимание уделил вопросам подготовки и организации «Шахтинского дела», а также отношению к нему различных кругов партийной элиты. С. А. Кислицын пришел к выводу, что Шахтинский процесс был инициирован непосредственно сталинским руководством. Независимо от того, какую роль сыграл лично И. В. Сталин в организации «Шахтинского дела», его результаты в полной мере отвечали взятому курсу на форсирование индустриализации. Важной причиной инсценировки Шахтинского процесса, по мнению С. А. Кислицына, стала потребность политического режима дискредитировать не только «старую» интеллигенцию, но и большевистскую умеренно-реформистскую прослойку интеллектуалов во главе с Н. И. Бухариным²⁹.

Ход проведения процесса рассматривал в своей монографии А. А. Есиневич. Подчеркивая сценарно-постановочный характер процесса вынесенной в заголовок формулой «Театр абсурда», автор пошел путем анализа открытых источников – ежедневных корреспондентских отчетов о Шахтинском процессе, публиковавшихся в газетах того времени. Поочередно описывая каждый день заседаний суда, А. А. Есиневич на основе опубликованного в прессе

²⁸ Виктор Б. А. Без грифа «Секретно». Записки военного прокурора. М., 1990.

²⁹ Кислицын С. А. Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов н/Д., 1993.

обвинительного заключения, допросов подсудимых, речей обвинителей и защитников, приговора по Шахтинскому процессу и других материалов выявил характерные черты судебного разбирательства, отличавшегося многочисленными оговорами, отказами от признаний, показаниями, противоречащими логике. Основной задачей процесса, по мнению А. А. Есиневича, было не установление истины, а «обвинение подсудимых специалистов как можно в больших актах вредительства и иных контрреволюционных преступлениях»³⁰.

Описание организационно-следственной стороны «Шахтинского дела» дал в своих исследованиях О. Б. Мозохин. На основе архивно-следственных дел и документов Политбюро ЦК ВКП(б) О. Б. Мозохин реконструировал основные этапы подготовки «Шахтинского дела» специальной комиссией Политбюро³¹, изучил процесс разработки следственного материала и привлечения к суду немецких инженеров, обвиненных в «экономической контрреволюции и шпионаже»³². Являясь исследователем истории советских спецслужб, О. Б. Мозохин обращал внимание прежде всего на роль ОГПУ в борьбе с «вредительством» в 1920-е – 1930-е гг. Автор пришел к выводу, что «Шахтинский процесс» усилил активность ОГПУ в сфере экономики и выдвинул борьбу с «экономической контрреволюцией» на первый план³³. Однако исследователь так и не провел грань в деятельности спецслужб между эффективными мерами пресечения экономических и должностных преступлений и фальсификациями, допускавшимися при этом чекистскими органами.

Важной исследовательской задачей оставалось рассмотрение связи «Шахтинского дела» с усилением в Советском Союзе антиинтеллигентских настроений во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. В ряде исследований,

³⁰ Есиневич А. А. Театр абсурда, или Судебный процесс по Шахтинскому делу. СПб., 2004.

³¹ Мозохин О. Б. ВЧК – ОГПУ – карающий меч диктатуры пролетариата (ВЧК – ОГПУ на защите экономической безопасности государства и в борьбе с терроризмом). М., 2004; Его же. Без вины виноватые: Шахтинский процесс 1928 года // Родина. 2008. № 7. С. 105–110; Его же. Вредительство в народном хозяйстве // Библиотека Гумер [электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/moz_vrnar.php (дата обращения 09.07.2018).

³² Мозохин О. Б. «Замешанных немцев арестовать... Англичан не трогать» // Отечественные архивы. 2008. № 6. С. 84–97.

³³ Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006; Епихин А. Ю., Мозохин О. Б. ВЧК – ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928). М., 2007.

посвященных социальной истории СССР и истории интеллигенции в частности, эта связь была выявлена и тщательно проанализирована³⁴. Общий вывод, к которому приходят исследователи, – «Шахтинское дело» вызвало всплеск гонений на интеллигенцию. Последовавшие за Шахтинским процессом интенсивные проверки ОГПУ промышленных предприятий с целью выявления «вредителей» сопровождалась спровоцированной властью волной пролетарской «интеллигентофобии».

В последние годы наблюдается существенное продвижение в изучении внешнеполитического аспекта «Шахтинского дела», а именно проблем советско-германских отношений, возникших в результате ареста и выведения на процесс немецких инженеров. В статье Р. Р. Пивненко «Шахтинское дело» расценивалось как испытание на прочность рапальских двусторонних взаимоотношений – несмотря на острую дипломатическую полемику по поводу арестованных немцев, обоюдные интересы сотрудничества двух стран все же позволили преодолеть возникший кризис³⁵. К аналогичным выводам о влиянии «Шахтинского дела» на советско-германские экономические отношения пришел О. Н. Каширских³⁶. Периодически появляются новые исследования, посвященные внешнеполитическому аспекту процесса: написанная А. И. Савиным статья посвящена реакции немецкой прессы на предоставляемую в советских СМИ информацию о «Шахтинском деле»³⁷; А. С. Шаповалова рассмотрела советско-

³⁴ Научно-техническая интеллигенция Урала в 20–30-е годы: дела и судьбы. Екатеринбург, 1993; Пыстина Л. И. «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х годов (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск, 1999. С. 97–106; Лютов Л. Н. Политические настроения провинциальной интеллигенции в освещении ОГПУ. 1928–1929 гг. // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 107–119; Андреев А. Л. Российское образование: социально-исторические контексты. М., 2008; Шер О. В. Отношения власти и технической интеллигенции в процессе проведения кампаний по мобилизации специалистов в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, № 1. С. 160–164; Исаев В. И. Эхо Шахтинского процесса в Сибири: жизнь и смерть инженера Жаркова // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2009. № 9. С. 170–182.

³⁵ Пивненко Р. Р. Шахтинское дело 1928 г. и советско-германские взаимоотношения // Вопросы истории Европейского Севера: сб. ст. Петрозаводск, 1995. С. 82–90.

³⁶ Каширских О. Н. Кризис в советско-германских экономических отношениях 1928 года // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 35–48.

³⁷ Савин А. И. «Гнусности немецких корреспондентов были колоссальным затруднением...» (восприятие советской стороной освещения в немецкой прессе «Шахтинского дела») // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2011. С. 85–93.

германские отношения 1928 г. в их трактовке французской дипломатией³⁸; С. Дюллен описывала «Шахтинское дело» в ракурсе дипломатических взаимоотношений СССР и стран Европы³⁹; П. В. Макаренко, подробно описав осложнения в советско-германских экономических переговорах 1928 г., предположил, что «Шахтинское дело» рассматривалось советским руководством как инструмент воздействия на немецкую сторону на их финальном этапе⁴⁰.

Изучение крупных политических процессов раннесоветского периода остается актуальным для российских историков: продолжают публиковаться исследования, посвященные процессам 1920-х – 1930-х гг.⁴¹ Интерес к Шахтинскому процессу в 2010–2011 гг. возрос благодаря проведенной коллективом новосибирских историков и сотрудников московских федеральных и ведомственных архивов большой работе по выявлению и публикации исторических источников, итогом чего стал выход в свет документального двухтомника⁴². На основе введенных в научный оборот документов появились исследования, посвященные различным аспектам «Шахтинского дела». Историческому анализу подверглись как организационный контекст Шахтинского процесса⁴³, так и политический⁴⁴, идеолого-пропагандистский⁴⁵ и социокультурный⁴⁶.

³⁸ Шаповалова А. С. Кризис советско-немецких отношений («Шахтинское дело» глазами французских дипломатов) // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2011. С. 94–102.

³⁹ Дюллен С. Роль международного вопроса в политических процессах в СССР. «Шахтинское дело» и советская внешняя политика // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2010. С. 66–74.

⁴⁰ Макаренко П. В. «Шахтинский процесс» и его влияние на советско-германское сотрудничество // Вопросы истории. 2013. № 10. С. 3–15.

⁴¹ Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние, 1922–1926 гг.: этика и тактика противоборства. М., 2005; Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: Сб. науч. ст. Новосибирск, 2010; Артамонова Ж. В. Московский открытый процесс 1936 г.: механизм организации и политико-идеологическое обеспечение: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011; Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: Сб. науч. ст. Новосибирск, 2011 и др.

⁴² Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. В 2 кн. / Отв. ред. С. А. Красильников. М., 2010–2011.

⁴³ Красильников С. А. Шахтинский процесс 1928 года: предварительное следствие в архивных документах // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 1. С. 59–66.

⁴⁴ Красильников С. А. Шахтинский процесс 1928 г. как феномен охранительной политики // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2011. С. 60–67

⁴⁵ Ушакова С. Н. Идеолого-пропагандистская составляющая Шахтинского процесса // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2010. С. 45–50; Ее же. Положительные и отрицательные образы акторов Шахтинского судебного процесса в фельетонах «Известий» и «Правды» // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2011.

Специального упоминания заслуживает монография С. Н. Ушаковой «Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники». Автор проанализировала ключевые кампании конца 1920-х – 1930-х гг., выделив ряд доминирующих тенденций использования пропаганды политическим режимом. «Шахтинское дело», по мнению С. Н. Ушаковой, наряду с кампаниями, связанными с выборами в Академию наук в 1928 г., «академическим» делом и реформой вузов 1929–1930 гг., являлось частью процесса огосударствления/советизации «буржуазной» интеллигенции⁴⁷.

В отечественной историографии по «Шахтинскому делу» выделяются два этапа. Первый из них, продолжавшийся с 1928 г. до конца 1980-х гг., отличался доминированием в исследованиях классового подхода. Шахтинский процесс описывался как эпизод борьбы советского государства с внутренними и внешними «врагами». Второй период, начавшийся в конце 1980-х гг., отмечен отказом исследователей от доверительного отношения к результатам следствия и суда по «Шахтинскому делу». Основной тенденцией стало объяснение инспирирования Шахтинского процесса политическими мотивами И. В. Сталина и его сторонников. Хотя и до сегодняшнего дня выходят работы, авторы которых склонны доверять итогам судебного процесса, некритично подходя к историческим источникам и исследованиям советского периода⁴⁸.

Зарубежные исследователи изначально с недоверием относились к результатам суда по «Шахтинскому делу». Открытость процесса, допуск в зал судебных заседаний зарубежных официальных лиц и журналистов способствовали формированию взгляда на правовую и политическую сущность «Шахтинского дела, альтернативного официозно-советской точке зрения.

С. 67–76; Аблажей Н. Н. Шахтинский процесс в освещении русской эмигрантской прессы // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2011. С. 46–60.

⁴⁶ Соскин В.Л. «Шахтинское дело» в ракурсе социально-культурного подхода // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 1. С. 50–58.

⁴⁷ Ушакова С. Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. М., 2013. С. 136.

⁴⁸ Жаркой М. Э. Карательная политика Советского государства в области борьбы с экономической контрреволюцией в период НЭПа // Россия и современный мир: вызовы и угрозы политического развития. Сб. ст. по материалам международной научно-практической конференции по политологии. М., 2014. С. 44–58.

Значительное влияние на зарубежную историографию оказала книга воспоминаний американского писателя и журналиста Ю. Лайонса, который, будучи корреспондентом американской газеты «United Press International», с 1928 по 1934 г. находился в СССР и присутствовал на Шахтинском процессе. Ю. Лайонс оставил эмоциональный рассказ о ходе судебных заседаний. Будучи очевидцем многочисленных эксцессов во время процесса (отказы обвиняемых от ранее данных показаний; заявления о том, что эти показания были даны под давлением следователей), он утвердился во мнении, что Шахтинский процесс не соответствовал нормам правовой процедуры. Отмечая карнавальный характер процесса, Ю. Лайонс пришел к выводу, что «Шахтинский процесс» являлся актом «революционного правосудия», сродни правосудию времен якобинского террора⁴⁹.

В дальнейшем западные историки обращались к теме «Шахтинского дела» в разнообразных контекстах при исследовании периода конца 1920-х – начала 1930-х гг. Ш. Фицпатрик рассматривала последствия Шахтинского процесса для культурной политики режима. Автор полагала, что «Шахтинское дело» открыло новый этап «культурной революции», когда культура воспринималась как еще один фронт классовой борьбы. Для подтверждения своего тезиса Ш. Фицпатрик приводила слова А. И. Криницкого, заведующего агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б), на специальном собрании по вопросам культуры, имевшем место во время Шахтинского процесса. А. И. Криницкий заявил о том, что «буржуазные элементы» в Советском Союзе продолжают вести борьбу за свое, чуждое пролетариату, искусство, и «Шахтинское дело» является показателем их активности. При этом Ш. Фицпатрик полагала, что превращение культуры во фронт классовой борьбы являлось еще и способом дискредитации «правых» в партии, защищавших «буржуазную» интеллигенцию⁵⁰.

О «Шахтинском деле» сквозь призму сталинской индустриализации писал Х. Куромия. Шахтинский процесс, наряду с хлебозаготовительным кризисом

⁴⁹ Lyons E. Assignment in Utopia. New York, 1937. P. 114–133.

⁵⁰ Fitzpatrick S. Cultural revolution as Class war // Cultural revolution in Russia, 1928-1931. Indiana, 1978. P. 8-41.

1927–1928 гг., по его мнению, знаменовал отход от политики «классового примирения» периода НЭПа, которая являлась препятствием для проведения в жизнь форсированных планов индустриализации⁵¹.

Биографы И. В. Сталина рассматривали «Шахтинское дело» как значимый эпизод становления сталинского единовластия. Р. Такер пришел к выводу, что «Шахтинское дело» было инспирировано в целях создания видимости военной опасности со стороны западных стран. Исчезновение у людей страха перед войной, как писал Р. Такер, потребовало от И. В. Сталина новых зримых свидетельств, которые подкрепили бы его заявление о враждебности империалистических государств и об их готовности вмешаться во внутренние дела страны. Одно из таких фальшивых свидетельств, сфабрикованное соответствующими органами, стало основой для процесса по так называемому «Шахтинскому делу»⁵².

М. Линоу в исследовании, посвященном культуре периода сталинизма, изучал пропагандистский аспект «Шахтинского дела». Процесс, по мнению М. Линоу, являлся инструментом мобилизации и предохранительным клапаном недовольства рабочей массы. Пропаганда эффективно направляла недовольство рабочих на «буржуазных» специалистов, в некоторых случаях используя гнев пролетариата в адрес «вредителей» в прагматичных целях. Так, к примеру, с целью компенсировать вред, якобы нанесенный «вредителями», советская власть агитировала в 1928 г. в пользу реализации облигаций индустриального займа⁵³.

С. Шаттенберг провела исследование формирования в СССР образа «инженера нового типа» в 1930-е гг. При этом автор изучила процесс искусственной ломки старого образа инженера-специалиста, одним из эпизодов которого стало «Шахтинское дело» 1928 г. С. Шаттенберг исследовала отражение Шахтинского процесса в искусстве, в частности в кинематографе. Советское правительство, по мнению автора, на протяжении 1928–1931 гг. «вело борьбу

⁵¹ Kuromiya H. *Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1931*. Cambridge, 1988. P. 15.

⁵² Такер Р. *Сталин у власти*. М., 1997. С. 69–73.

⁵³ Lenoe M. *Closer to the masses. Stalinist culture, social revolution, and soviet newspapers*. Harvard, 2004. P. 93–97.

против всей культуры старой корпорации инженеров, против их организаций, мировоззрения, методов работы, поведения и одежды»⁵⁴.

С. Коткин считал, что «Шахтинское дело» и сопровождавшая его риторика обострения классовой борьбы были нужны И. В. Сталину для того, чтобы расширить социальную базу режима и получить возможность политического маневра в сторону форсирования индустриализации и коллективизации. И. В. Сталин, по мнению С. Коткина, делал ставку на молодых городских рабочих и партийных активистов, готовых выступить против «буржуазных» специалистов, «кулаков», обюрократившихся коммунистов и составить костяк будущей политики «Большого скачка»⁵⁵.

Зарубежная историография развивалась, расширяя контекстуальное поле исследований и изучая влияние Шахтинского процесса на различные сферы политики, экономики и культуры. В трудах зарубежных историков, равно как и в постсоветской отечественной историографии, «Шахтинское дело» приобрело мультиаспектный характер, а сам судебный процесс стал событием, осуществившим комплексное воздействие на советское общество конца 1920-х гг. Историографический обзор показывает, что в постсоветский период позиции отечественных и зарубежных историков в своей аргументации и оценках данного процесса в значительной мере сблизились на почве отказа от априорных утверждений в пользу более глубокого аналитического изучения процесса и вписывания его в широкий контекст эпохи. Идеолого-пропагандистский аспект «Шахтинского дела», однако, требует более детального анализа в виду недостаточного его раскрытия в современных исторических исследованиях, учитывая особую значимость информационного освещения для судебных процессов открытого и показательного характера.

Объектом исследования в диссертационной работе является Шахтинский судебный политический процесс, проходивший в Москве с 18 мая по 5 июля 1928 г.

⁵⁴ Шаттенберг С. Инженеры Сталина. Жизнь между техникой и террором в 1930-е гг. М., 2011. С. 111.

⁵⁵ Kotkin S. Stalin. Princeton, 2014. Vol. I: Paradoxes of Power, 1878–1928. P. 378–380.

Предметом исследования является идеолого-пропагандистская кампания, развернутая на основе «Шахтинского дела».

Цель работы: раскрытие содержания деятельности органов пропаганды в связи с подготовкой и проведением Шахтинского процесса. Для её достижения необходимо решить следующие **задачи:**

- определить основные идеолого-пропагандистские установки, положенные в основу данного процесса;
- раскрыть формы и методы освещения в советской пропаганде Шахтинского процесса;
- выявить реакцию целевых социальных групп на «Шахтинское дело» (рабочих, управленцев и инженерно-технических работников);
- обозначить место данной пропагандистской кампании в ряду и взаимосвязи с другими массовыми кампаниями 1928 г.;
- выявить черты и особенности ведения внешнеполитической пропаганды в связи с Шахтинским процессом.

Территориальные рамки работы определяются границами СССР, поскольку пропагандистская кампания на основе «Шахтинского дела» велась одновременно в центральных СМИ общесоюзного значения (таких как газеты «Правда» и «Известия») и на региональном уровне.

Хронологические рамки работы охватывают период с 10 марта по конец декабря 1928 г. Нижняя граница определяется публикацией в газетах «Правда» и «Известия» сообщения прокурора Верховного суда СССР П. А. Красикова «О раскрытии контрреволюционной организации в Шахтинском районе Донбасса», что ознаменовало собой начало массивной пропагандистской кампании⁵⁶. Выбор верхней границы обосновывается, во-первых, снижением в течение июля–декабря 1928 г. интенсивности публикации в прессе материалов, посвященных «Шахтинскому делу», во-вторых, сменой приоритетов политического режима. Окончательные итоги кампании были подведены И. В. Сталиным 31 декабря 1928

⁵⁶ Красиков П. От прокурора Верховного суда Союза. Сообщение о раскрытии контрреволюционного экономического заговора // Известия. 1928. 10 марта. № 60. С. 2.

г. на совещании Политбюро ЦК ВКП(б) в выступлении о ситуации в Донбассе после «Шахтинского дела». В дальнейшем происходила переориентация политического режима на преодоление последствий «Шахтинского дела» для социально-трудовых отношений.

Источниковая база исследования состоит из исторических источников разной типовой принадлежности: письменных и изобразительных. В соответствии с видовым делением задействованные в исследовании письменные источники подразделяются на законодательно-нормативные, директивные, делопроизводственные документы и публицистические материалы советской прессы.

В число законодательно-нормативных документов входят Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.⁵⁷, на основании которого формировалось обвинительное заключение по «Шахтинскому делу», и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г.⁵⁸, нормы которого описывали порядок предварительного следствия и судопроизводства.

В корпус использованных в исследовании источников входят директивные документы высших партийных и государственных органов. В первую очередь это постановления Политбюро ЦК ВКП(б) и специальной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по «Шахтинскому делу», касавшиеся подготовки и проведения процесса, а также организации идеолого-пропагандистской кампании. Показательный процесс такого масштаба предполагал сложную организацию, при которой центром, координирующим работу задействованных структур власти (от ОГПУ до НКВД), являлись Политбюро ЦК ВКП(б) и созданная на его основе специальная комиссия. Поэтому их постановления являются важным источником, проливающим свет на вопросы организации Шахтинского процесса и идеолого-пропагандистской кампании на его основе. Указанные документы составляют костяк пяти тематических дел фонда Политбюро ЦК ВКП(б), хранящихся в

⁵⁷ Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. М., 1927.

⁵⁸ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. М., 1923.

Архиве Президента Российской Федерации (дела 328–332)⁵⁹. Дела содержат документы разного институционального происхождения и разной видовой принадлежности, объединенные общей тематикой «Шахтинского дела». Большая часть документов тематических дел была опубликована в первом томе сборника «Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги», составленном коллективом новосибирских историков⁶⁰.

Большое значение в определении направлений деятельности по исправлению недостатков в сфере управления производством и организации производственного процесса имела резолюция апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928 г. Исполнение зафиксированных в резолюции указаний фиксируется в директивных документах иных инстанций – постановлениях и приказах партийных и государственных органов (ЦИК СССР, ЦК ВКП(б)У и др.). Значительная часть подобного рода документов содержится в 331 и 332 делах фонда Политбюро, которые имеют заголовок «Материалы по выполнению решений Пленума ЦК (апрель 1928 г.) в связи с шахтинским делом».

В тематических делах фонда Политбюро ЦК ВКП(б) содержится обширный корпус делопроизводственной документации. Часть материалов делопроизводства составляют документы межведомственной и внутренней переписки партийных (Политбюро ЦК ВКП(б)), государственных и общественных (ОГПУ, НКЮ, ВЦСПС и др.) органов. Это шифротелеграммы, препроводительные письма, записки, ходатайства, информирующие о тех или иных оперативных проблемах, возникавших в связи с «Шахтинским делом», и возможных путях их урегулирования. Например, в тематических делах содержатся материалы переписки дипломатического характера, участниками которой были глава НКВД Г. В. Чичерин, его заместитель М. М. Литвинов и полномочный представитель СССР в Германии Н. Н. Крестинский. Их переписка содержала обмен мнениями по согласованию тактики урегулирования кризиса в советско-германских отношениях в связи с арестами германских инженеров по «Шахтинскому делу».

⁵⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 328–331.

⁶⁰ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. В 2 кн. / Отв. ред. С. А. Красильников. М., 2010. Кн. 1.

Кроме того, руководители НКВД направляли письма и записки как в Политбюро ЦК ВКП(б), так и лично И. В. Сталину, председателю ОГПУ В. Р. Менжинскому, согласовывая проводимую политику.

Другой значимой частью корпуса делопроизводственных источников являются проекты / черновые экземпляры ключевых идеологических текстов, предназначавшихся для рассылки и публикации в прессе. Документы такого рода, например официальное письмо ЦК ВКП(б) «Об экономической контрреволюции в южных районах угольной промышленности» от 7 марта 1928 г., были написаны и отредактированы лидерами большевистской партии (в основном Н. И. Бухариным и И. В. Сталиным). Наличие нескольких черновых экземпляров таких документов на различных этапах согласования позволяет с помощью текстуального анализа проследить, каким образом разнились оценки причин и последствий «Шахтинского дела» среди партийного руководства и как согласовывалась партийная идеологическая линия.

В корпус делопроизводственной документации входят материалы информационного характера (обзоры, докладные записки, сводки). В их числе обзоры ОГПУ по «Шахтинскому делу», в которых были суммированы полученные на предварительном следствии данные. Так, органами ОГПУ было подготовлено два обширных документа: обзор ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю «по делу об экономической контрреволюции в южных районах угольной промышленности» и обзор ГПУ Украинской ССР «Экономическая контрреволюция в Донбассе. Следственное дело “Донуголь”». Эти два обзора послужили основой для составления обвинительного заключения по «Шахтинскому делу». Они же долгое время являлись главным источником информации для партийно-государственных работников и агитаторов. Работа с указанными выше документами специальных служб требует тщательного применения методов источниковедческого анализа ввиду необходимости проверки содержащейся в них информации на полноту и достоверность, выявления искажений и фальсификаций фактов и событий.

Для решения поставленных в исследовании задач привлекались информационные сводки и докладные записки ОГПУ и ГПУ Украины о реакции различных слоев населения на «Шахтинское дело». Документы такого рода, составленные преимущественно весной 1928 г., опубликованы во втором томе сборника документов «Шахтинский процесс...»⁶¹ и других документальных изданиях⁶². В качестве дополнительного источника в диссертации выявлен и проанализирован ряд информационных сводок ПП ОГПУ по Сибирскому краю (главным образом, по Новосибирску и Новосибирскому округу), хранящихся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО)⁶³. Последние обладают определенной ценностью как содержащие информацию о реакции на процесс в далеком от Центра периферийном регионе.

Информационная документация ОГПУ рассматривается исследователями как массовый источник в силу присущих ей характеристик: формулярность, структурированность, периодичность, адресность, целеполагание и т. д. В работе с данным источником учитывалась его специфика, связанная с тем, что сообщаемая информация несла отпечаток выборочности, иллюстративности при характеристике полярных (позитивных или негативных) высказываний и могла либо не касаться массовых настроений в конкретных группах, либо оценивать последние в самых общих терминах. Значение этого источника определяется и тем, что данные сводки выступали индикаторами, своего рода замерами того, насколько управляемой и подконтрольной власти оказывалось общественное мнение тех или иных групп социума.

Помимо материалов ОГПУ задействована и информационная документация иных органов, в том числе региональных, в круг задач которых входило обследование социальной обстановки. Это прежде всего документы партийного происхождения (например, информационная сводка промышленного сектора информационного отдела ЦК ВКП(б) об отношении московских и ленинградских

⁶¹ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. В 2 кн. / Отв. ред. С. А. Красильников. М., 2011. Кн. 2.

⁶² «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). В 10 т. / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2002. Т. 6.

⁶³ ГАО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 9–13.

рабочих к приговору по «Шахтинскому делу»⁶⁴) или профсоюзного (например, информационная сводка заместителя заведующего экономическим бюро ВЦСПС Н. И. Ионова «о состоянии партийной, хозяйственной и профессиональной организаций и о положении рабочих Артемовского округа»⁶⁵). Помимо прочего, весьма ценную для исследования информацию содержат докладные записки М. П. Томского и Е. М. Ярославского, командированных в качестве уполномоченных ЦК ВКП(б) в марте 1928 г. в Донбасс для изучения социальной и производственной обстановки на местах⁶⁶. Разумеется, следует с осторожностью подходить к выводам обследований М. П. Томского и Е. М. Ярославского, которые были отчасти заданы уже имевшейся информацией о «Шахтинском деле», однако уполномоченные ЦК весьма подробно описали картину злоупотреблений на местах, связанных, в том числе, с деятельностью местных партийных, профсоюзных и хозяйственных организаций.

Другой разновидностью задействованных в исследовании делопроизводственных документов являются стенограммы. Привлекались стенограммы пленумов как центральных, так и региональных партийных комитетов, состоявшихся в период ведения пропагандистской кампании. Значительную роль в оформлении партийной линии по преодолению последствий «Шахтинского дела» сыграл пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), проходивший в апреле 1928 г.⁶⁷, а также июльский пленум ЦК ВКП(б) 1928 г.⁶⁸ Стенограммы названных пленумов, опубликованные в отдельных изданиях серии «Как ломали НЭП», являются репрезентативным источником для реконструкции позиций отдельных представителей партийно-государственной элиты по «Шахтинскому делу», а также процесса формирования общей для ЦК ВКП(б) политической линии, отразившейся на проводимой в это время пропагандистской кампании. Помимо материалов пленумов ЦК ВКП(б), ценность для данного исследования

⁶⁴ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 1. С. 629–631.

⁶⁵ Там же. С. 719–771.

⁶⁶ Там же. С. 690–718.

⁶⁷ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 т. М., 2000. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г.

⁶⁸ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 т. М., 2000. Т. 2. Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г.

представляет стенограмма пленума ЦК и ЦКК КП(б) Украины (1–5 ноября 1928 г.)⁶⁹. Материалы пленума украинского ЦК и ЦКК партии, на котором обсуждались социальные и экономические последствия «Шахтинского дела» при участии председателей правлений крупнейших украинских трестов «Донуголь» и «Югосталь» Г. И. Ломова и С. П. Бирмана, позволяют выяснить региональный аспект итогов политической кампании в оценке представителей местных партийных и хозяйственных кругов.

Для изучения идеолого-пропагандистской кампании на основе «Шахтинского дела» важность представляет стенограмма самого судебного процесса, хранящаяся в ГАРФ⁷⁰. Стенограмма судебных заседаний по «Шахтинскому делу» так и не была опубликована в отличие от стенограмм последующих показательных политических процессов («Промпартии» и меньшевистского). Стенограмма не предназначалась для массового тиражирования и распространения, следовательно, стенографическая запись показаний, допросов, речей защитников и обвинителей не подвергалась сознательной правке, искажавшей содержание судебных заседаний. Сопоставление стенограммы с материалами советской прессы, публиковавшей корреспондентские отчеты из зала суда, позволяет выявить несоответствия и искажения в пропагандистских материалах, что, в свою очередь, дает возможность раскрыть приемы и методы репрезентации хода процесса для массовой аудитории.

Тема диссертационного исследования предполагает использование материалов печатных средств массовой информации – газет, журналов, брошюр. Главным историческим источником для реконструкции содержания идеолого-пропагандистской кампании являлись материалы центральной советской прессы (в силу ее доступности для населения и широкого ареала распространения). Привлекались материалы газет «Правда», «Известия», «Экономическая жизнь» за период с марта по декабрь 1928 г., а также общесоюзных журналов «Инженерный

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 17.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 6–43.

труд», «Горнорабочий», «Еженедельник советской юстиции», «Революция права».

В дополнение к материалам общесоюзной прессы привлекалась региональная периодика. Региональные газеты и журналы, согласовывая свою агитационную линию с ее развитием в центральных печатных органах, во многом служили средством адаптации идеолого-пропагандистского материала к местным условиям и специфике. Реалии общественно-политической жизни, сталкиваясь с навязанными им идеологическими стереотипами, порождали порой неконтролируемую реакцию, которая, не попадая в поле зрения центральных СМИ, находила отражение в региональной периодике. Поэтому для выявления региональной специфики ведения пропагандистской кампании привлечены материалы газет «Красный шахтер» (орган Шахтинско-Донецкого окрком ВКП(б)) и «Молот» (орган Севкавказрайкома и Донкома ВКП(б)), имевших хождение в тех регионах, которые были затронуты «вредительством»; а также газеты «Советская Сибирь» (орган Сибкрайкома ВКП(б)), в поле зрения которой находились такие крупные угольные районы страны, как Кузбасс и Черембасс.

Кроме газет и журналов для анализа содержания пропагандистской кампании привлекались публиковавшиеся уже по итогам Шахтинского процесса советские пропагандистские брошюры⁷¹. Являясь, с одной стороны, частью продолжавшейся пропагандистской кампании, начавшейся в марте 1928 г., с другой стороны, они знаменовали собой начальную веху историографии по «Шахтинскому делу».

Газеты, журналы и брошюры включают в себя источники разной видовой принадлежности. Помимо пропагандистских материалов в печатных СМИ имели место и документальные публикации. Так, на страницах газет и журналов публиковались судебные-следственные документы (обвинительное заключение и

⁷¹ Шейн С. Д. Суд над экономической контрреволюцией в Донбассе. Заметки общественного обвинителя. М.; Л., 1928; Экономическая контрреволюция в Донбассе (итоги шахтинского дела). Статьи и документы. М., 1928; Вышинский А. Я. Итоги и уроки Шахтинского дела. М.; Л., 1928; «За что их судят?». Баку, 1928; Сергеев Б., Плесков В. Шахтинцы. История вредительства, суд, приговор. М., 1928; Аграновский А., Алевич А., Рыклин Г. Люди-вредители. Шахтинское дело. М.; Л., 1928.

приговор по «Шахтинскому делу»), резолюции пленумов высших партийных инстанций и другие документы.

Значительно больший объем материалов печатных СМИ занимала аналитическая публицистика: редакционные и аналитические статьи, обзоры и отчеты, речи партийно-государственных деятелей. В аналитических материалах наиболее отчетливо раскрывалось идеологическое обоснование «Шахтинского дела». Особую пропагандистскую роль играли публиковавшиеся в центральной и региональной прессе отчеты о судебных заседаниях по «Шахтинскому делу», имевших скорее аналитический, нежели информационный характер. Посредством газетных отчетов сведения о ходе и содержании судебных заседаний доносились до массовой аудитории.

Интерес также представляют информационно-новостные (сообщения, заметки, информационные сводки и обзоры) и художественно-публицистические (фельетоны) материалы печатной прессы. Фельетоны публиковались во время процесса в дополнение к корреспондентским отчетам. Учитывая то, что форма корреспондентских отчетов не позволяла дать свободную и жесткую оценку подсудимым на Шахтинском процессе, фельетоны предоставляли возможность компенсировать данную жанровую ограниченность отчетов.

Наконец, важное место в корпусе источников для исследования занимают те из них, которые относятся к изобразительным. Характерная черта любой советской мобилизационной кампании состоит в ее визуализации, применении демонстрационных форм и приемов. Наглядность и демонстрационность достигались путем использования в газетно-журнальной периодике изобразительных материалов – от фотографий и зарисовок из зала суда, до шаржей и политических карикатур в отношении «врагов внутренних и внешних». В первом случае фотографии и зарисовки из зала суда имели в большей степени информационное значение, придавая необходимую достоверность судебным заседаниям. «Промежуточное» место занимали фотографии с митингов или групповые снимки трудящихся с осуждением «спецов-вредителей», поскольку здесь фиксировались как сами события (реакция на процесс), так и выражение

позиций групп населения. Другое значение имели шаржи и карикатуры, поскольку носили прямо обличительный характер, призванный усилить негативные черты образов «вредителей» и их зарубежных «хозяев».

Наиболее ярко выраженным пропагандистским потенциалом обладали кинохроникальные выпуски «Союзкино», обязательные к показу во всех советских кинотеатрах. Как правило, здесь преследовалась задача не только усилить информационное сопровождение процесса, но и в концентрированном виде показать конфликт двух миров – советского и контрреволюционного, антисоветского. Линия осуждения «вредителей» перед народом и его властью давалась в противопоставлении демонстрации солидарности и мощи советской системы. Таким образом, визуальные источники выступают в данном исследовании не простым иллюстративным дополнением к письменным, а органичной частью пропагандистской кампании.

Принципы и ход ведения идеолого-пропагандистской кампании вокруг «Шахтинского дела» реконструируются в сопоставлении агитационных материалов СМИ с архивными документами, проливавшими свет на процесс принятия ключевых политических решений по «Шахтинскому делу», согласования спорных вопросов в высших эшелонах партийно-государственного руководства, технологию ведения пропагандистской кампании региональными партийными организациями, общественную реакцию на Шахтинский процесс. Важным аспектом являлось соблюдение правил внешней (определение подлинности, авторства и целей источника) и внутренней (сравнение нескольких копий, вариантов, изданий источников, определение достоверности и значимости информации) критики источника. В целом, комплекс выявленных и проанализированных исторических источников позволяет решить поставленные в исследовании задачи.

Методологическая основа исследования сформирована путем сочетания общенаучного системного подхода с подходами ряда социогуманитарных наук, включая общеисторические подходы и принципы. Выбор методологических

приоритетов, концептуальных моделей и конкретного инструментария определялся предметным полем исследования.

Диссертационное исследование основывается на соблюдении общеисторических принципов *историзма* и *объективности*. Поскольку исследование основано на изучении материалов пропагандистского характера, принцип *объективности* обязывает оценивать данные вне изначально заложенной в них односторонности в подаче событий и освещении фактов. Принцип *историзма* предполагает рассмотрение явлений с учетом конкретной исторической обстановки. Следуя этому принципу, идеолого-пропагандистское содержание «Шахтинского дела» необходимо описывать в контексте общей политической и социально-экономической и социально-культурной ситуации, сложившейся в стране.

На применении *историко-генетического метода*, суть которого состоит в раскрытии свойств, функций и изменений изучаемых явлений в процессе их исторического движения, основано выделение в пропагандистской кампании трех последовательных стадий: предпроцессная (10 марта – 17 мая 1928 г.), стадия проведения процесса (18 мая – 5 июля 1928 г.) и послепроцессная (6 июля – 31 декабря 1928 г.). Использование *сравнительно-исторического метода*, направленного на оценку рассматриваемой реальности путем сопоставления информации различных источников, позволяет раскрывать сущность исследуемых явлений в тех случаях, когда она не очевидна. Так, сопоставление материалов официальной пропаганды с архивными документами дает возможность выявить формы и приемы искажения фактического хода процесса в материалах пропаганды.

Выделение в многообразии явлений общих критериев для разделения их на качественно определенные типы составляет сущность *историко-типологического метода*. На основе данного метода выделяются две тенденции в пропагандистской кампании. Первая, конфронтационная, направлена на культивирование отрицательного отношения получателя информации к объекту, против которого направлена пропаганда. В случае «Шахтинского дела» 1928 г.

роль такого объекта играл собирательный образ «контрреволюционера-вредителя». Вторая тенденция – консолидационная. Цель пропагандистской кампании вокруг «Шахтинского дела» состояла не только в создании образа «нового врага социалистического строительства», но и в определении мер по успешному противостоянию выявленной «опасности», а также предотвращению возможности возникновения аналогичных явлений впредь. Этот позитивно-«созидательный» компонент и обозначается как консолидационный.

Среди специальных методов, использованных в работе, особое место занимает широко применяемый в социологии *метод контент-анализа*, позволяющий оперировать количественными данными в изучении массовых источников, периодики прежде всего. В рамках данной диссертационной работы с помощью названного метода проанализирован массив номеров газет «Правда» и «Известия» за март-декабрь 1928 г. Преимущество его применения при обработке массивов пропагандистских материалов заключается в возможности выявить приоритеты и тенденции в освещении «Шахтинского дела», раскрыть конфигурацию пропагандистских установок, которыми руководствовались СМИ.

Исходная предпосылка диссертационной работы, лежащая в русле системного подхода, заключается в том, что советская агитационно-пропагандистская система, обладая всеми необходимыми признаками (сеть, кадры, материальная база и другие структурно-функциональные характеристики), являлась подсистемой формировавшейся в СССР тоталитарной политической системы. Теория тоталитаризма является базовой для проводимого исследования концепцией. Дискуссии относительно сущности, природы возникновения, разновидностей и характерных черт тоталитарных режимов среди историков и политологов продолжаются до сих пор, однако большинство исследователей сходятся во мнении, что в 1930-е гг. политический режим СССР являлся по своим признакам тоталитарным. Данное утверждение, получившее распространение в

зарубежной историографии в годы «холодной войны», с 1980-х – 1990-х гг. начали разделять и многие отечественные историки⁷².

Являясь феноменом, присущим XX веку, тоталитаризм появился на исторической арене на определенном этапе развития коммуникационных технологий. Тотальный контроль над индивидом и обществом предполагает высокий технический уровень средств массовой коммуникации (печатные СМИ, радио, кинематограф), развитую пропагандистскую сеть и теорию, описывающую возможности влияния на массовое сознание. Специфика тоталитарной пропаганды, по мнению Х. Арндт, заключается в том, что она опирается на идеологию, основанную на внешне непротиворечивой картине мира, согласно которой, ход истории детерминирован универсальными Законами (история воспринимается как арена классовой борьбы или противостояния рас и культур). Их открытие позволяет тоталитарным режимам определять «врагов» и «друзей» на пути к построению «нового общества». Картина мира, конструируемая тоталитарной идеологией, привлекательна простотой и кажущейся непротиворечивостью и способна конкурировать с реальным миром, с его нелогичностью и неорганизованностью: «Непротиворечивость вымысла и строгость организации делают возможным то, что обобщения в конце концов порождают взрыв более специфической лжи – власть евреев после их безропотного уничтожения, зловещий глобальный заговор троцкистов после их ликвидации в Советской России или убийства Троцкого»⁷³. Фальсификация «Шахтинского дела» стоит в ряду случаев специфической лжи, основывавшейся на коммунистической идеологии, в русле которой формировался пантеон «врагов».

Тотальная идеология, всегда рисующая образ лучшего будущего, для достижения которого надлежит сосредоточить все материальные и людские ресурсы, делает возможным интенсивное применение методов массовой социальной мобилизации. Выделение социально-мобилизационных процессов в

⁷² Казьмина М. В. Дискуссия в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. о значении концепции тоталитаризма в осмыслении советской истории 1930-х гг. // Вестник КемГУ: История. 2008. № 1. С. 19–28

⁷³ Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 476–477.

качестве одной из системообразующих черт сталинского режима является одной из современных тенденций в изучении феномена сталинизма. Социальная мобилизация, согласно данной концепции, являлась в сталинском государстве важнейшим режимом взаимодействия институтов власти и общества⁷⁴. Из способа преодоления экстремальных, чрезвычайных обстоятельств социальная мобилизация стала постоянным явлением, характерной чертой режимов тоталитарного типа. Тотальная идеология играла в установлении такого рода социального порядка ключевую роль. По мнению М. Н. Медушевского, мобилизационная идеология, внедрявшаяся большевистским режимом, способна была «контролировать не только социальные, но и когнитивные параметры мотивации человеческого поведения». Саму же сталинскую экономику М. Н. Медушевский называл «мобилизационной / мобилизационно-распорядительной»⁷⁵. Основой мобилизационных технологий являются пропагандистские кампании как форма направленных точечных воздействий на сознание и поведение социальных групп. Данная диссертационная работа исходит из предпосылки, что «Шахтинское дело» явилось основанием для мощной идеолого-пропагандистской кампании, носившей мобилизационный характер. Модель социальных мобилизаций служит теорией среднего уровня для проводимого исследования.

Понятие «идеолого-пропагандистское обеспечение» является базовым для данного исследования. Под ним подразумеваются комплексные и скоординированные действия особых институциональных структур в целях достижения массового участия и поддержки основными группами социума конкретных стратегических и /или тактических программ и установок политического режима. Институциональную основу пропагандистского действия обеспечивают: политическая система (партийные, государственные, общественные инстанции), средства массовой информации, устная пропаганда и

⁷⁴ Красильников С. А. Интеллигенция в большевистской системе социальной мобилизации: опыт и цена 1928 года // Социальная мобилизация в сталинском обществе. Новосибирск, 2011. Вып. 1. С. 132.

⁷⁵ Медушевский А. Н. Сталинизм как метод социального конструирования. К завершению научно-исследовательского проекта // Российская история. 2010. № 6. С. 3–26.

агитация. Организационной формой осуществления пропагандистского действия выступают политические кампании. По своему характеру кампании представляют собой мобилизационные действия, предназначенные активизировать социальный потенциал опорных и союзнических страт социума в интересах поддержки политического режима.

Сильными сторонами идеолого-пропагандистской кампании являются ее системность, интенсивность, масштабность и агрессивность форм и методов осуществления. Слабостями, противоречиями, ограничениями кампании выступают:

- «разрывы» с реальностью;
- узость и ограниченность приемов, методов, технологий пропагандистского воздействия;
- прямолинейность, тенденциозность и фальсифицированность, искажение производимой и распространяемой информации;
- ограниченность распространения и влияния пропаганды.

Другим методологическим основанием исследования является теоретический аппарат имагологии. Имагология – сфера междисциплинарных исследований, объектом которых являются зафиксированные в культуре и повседневности представления о «другом / ином / чужом». Появившись в 1950-е гг. как ответвление сравнительного литературоведения, имагология вскоре стала частью и исторических исследований. Большинство проведенных в сфере имагологии исследований посвящено изучению национальных образов, стереотипизированных представлений одного народа о другом⁷⁶. Однако в настоящее время появляются такие специфические разновидности имагологии, как потестарная имагология (изучение образов власти)⁷⁷ и религиозная

⁷⁶ См., например: Шепетов К. П. Немцы глазами русских. М., 1995; Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока. СПб., 1998; Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000; Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Новгород, 2004.

⁷⁷ Власть и образ: очерки потестарной имагологии: Сб. ст. СПб., 2010; Санников С. В. Потестарная имагология и семиотика: «образ власти» как междисциплинарный феномен // *Universum: филология и искусствоведение*. 2017. № 2. С. 21–23.

имагология (изучение образов иноверцев / иноверия)⁷⁸. Указанная дифференциация позволяет утверждать, что предметная область имагологии расширяется и включает уже не только национальные образы, воспроизводимые в культуре и истории целых народов, но и образы, репрезентируемые отдельными большими и малыми социальными сообществами (политической элитой, религиозными группами и т. д.). Базовой для исследований в рамках имагологии является дихотомия «мы / они» или «свой / чужой». Имагология исходит из допущения, что представления о «своих» и «чужих» является универсальным стереотипом для коллективного, массового мироощущения⁷⁹. При этом в условиях конфликта образ «другого» может трансформироваться в образ «врага».

Образ «врага» как идеологический и социально-психологический фактор советской действительности активно изучался в исследованиях как историков, так и социологов. В нашей стране данная тематика получила развитие в 1990-е гг. в условиях, когда становились доступными закрытые ранее архивные документы, а также расширились возможности свободного выбора концептуальной основы и тематики исследований. Образ «врага» в советской истории закономерно активно изучался в контексте исторических событий, связанных с внутренними и межгосударственными конфронтациями, войнами и революциями: Первой мировой войны, Октябрьской революции, Гражданской войны, Великой Отечественной войны, «холодной войны» и т. д.⁸⁰ Однако и относительно мирные периоды предоставляли исследователям материал для его изучения. Не является исключением и период сталинской форсированной модернизация конца 1920 – 1930-х гг. Применительно к 1930-м гг. феномен «врага» изучали Л. Д.

⁷⁸ Андрейчева М. Ю. Религиозная имагология: предмет и задачи нового историко-имагологического направления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11–2. 2016. С. 37–40.

⁷⁹ Панина М. Е. Понятийно-терминологические системы и методологии анализа образа «другого» в художественно-публицистических текстах // Известия Восточного института. 2015. № 2. С. 80–89.

⁸⁰ Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; Колоницкий Б. И. Антибуржуазная пропаганда и антибуржуазное сознание // Анатомия революции, 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 188–202; Кринко Е. Ф. Образы противника в массовом сознании советского общества в 1941–1945 гг. // Российская история. 2010. № 5. С. 74–89; Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954. М., 1999 и др.

Гудков⁸¹, С. Н. Ушакова⁸², Н. Б. Арнаутов⁸³. Исследование образа «врага» как важнейшего фактора социальной мобилизации способствует дальнейшему углубленному изучению технологий его формирования и использования на конкретно-исторических примерах, в том числе на примере «Шахтинского дела» 1928 г.

Положения, выносимые на защиту.

1. Образ внутреннего врага («контрреволюционера-вредителя») являлся политическим отображением социального антагонизма. Пролетарская интеллигентофобия («спецеество») стала основой соединения и совпадения интересов политических верхов и настроений социальных низов в определении причин и виновников ухудшения социально-экономического положения рабочих. Идеология и пропаганда являлись важнейшими инструментами обеспечения социально-политической кампании, направленной на преодоление кризиса власти и доверия к ней общества. На протяжении всех трех стадий подготовки и осуществления процесса (предпроцессной, процессной и послепроцессной) имело место сохранение и воспроизводство в пропаганде основных политических установок, что не исключало внесения некоторых коррективов в пропагандистское обеспечение Шахтинского процесса.

2. Освещение хода процесса в центральной и региональной прессе осуществлялось в соответствии с политико-идеологическими задачами: очевидно тенденциозная технология подачи информации сопутствовала специфике самого процесса, опиравшегося на социальную память «низов», рабочих, прежде всего. Результативность пропагандистского воздействия на массовое сознание базовых групп социума (рабочие, крестьянство, служащие, специалисты) имела свои границы, связанные с соединением в пропаганде конфронтационных и

⁸¹ Гудков Л. Д. Идеологема «врага»: «враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. М., 2005. С. 64–65.

⁸² Ушакова С. Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. Новосибирск, 2009.

⁸³ Арнаутов Н. Б. Образ «врага народа» как стереотип массового сознания // Вестник КЛИО: Тр. гуманит. фак-та. НГУ. Сер. 2. Новосибирск, 2006. С. 72–80; Его же. Образ «врага народа» в контексте проведения «Больших московских процессов» 1936–1938 гг. // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2010. С. 85–9; Его же. Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (декабрь 1934 г. – ноябрь 1938 г.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010.

консолидационных начал, «разрывами» пропагандистского контента с социальной реальностью.

3. Конструирование на основе «Шахтинского дела» образа «внутреннего врага» состояло из двух фаз. Первая, заключающаяся в декларировании политического конфликта, определении его классовой подоплеки, была проведена на предпроцессной стадии (путем публикации речей партийных лидеров, резолюций, официальных обращений партийных и иных инстанций), вторая – представление «образа врага» через фигуры «шахтинцев», формирование образа, наделенного характерными социально-психологическими чертами, осуществлялась во время судебного процесса (главным пропагандистским ресурсом в данном случае были корреспондентские отчеты из зала суда, публиковавшиеся в центральной и региональной прессе). Имевший политическое обоснование «образ врага», несмотря на весь его конфронтационный потенциал, ограничивал переход спецедексских тенденций в стадию неконтролируемого взрывного роста. Образ «контрреволюционера-вредителя», хотя и соотносился с пролетарскими стереотипами о «буржуазной» интеллигенции, все же был основан на политическом конфликте, предполагавшем индивидуальное предательство отдельных представителей социальной прослойки при официально признаваемой добросовестности основной массы.

4. Интенсивная и агрессивная кампания вокруг «Шахтинского дела» достигла своей прямой приоритетной цели – вызвать социально-политический активизм в среде рабочих и направить его на «борьбу с экономической контрреволюцией». Однако эта конфронтационная установка входила в явное противоречие с создаваемой пропагандой моделью «позитивной мобилизации», направленной на повышение массового трудового активизма и конструктивного развития социально-трудовых отношений. Вызванные интеллигентофобией конфликты и противоречия на производстве, агрессивное «спецедексство», ослабляли и блокировали реализацию позитивных установок в производственной сфере и, шире, в социуме в целом.

5. Дипломатические осложнения в советско-германских отношениях вызванные арестами по «Шахтинскому делу» нескольких германских инженеров, сопровождались информационным противоборством, развернувшимся в прессе обеих стран. Советская сторона выстраивала картину реакции иностранной прессы на «Шахтинский процесс» в соответствии с пропагандистским курсом, рассчитанным на внутреннее потребление, последовательно транслируя упрощенную бинарную картину «друзья / враги», исходя из которой, кризис советско-германских отношений трактовался как результат влияния антисоветски настроенных капиталистических сил внутри Германии.

Научная новизна диссертационной работы определяется разработкой темы влияния агитационно-пропагандистских установок на структуру и практику производственно-трудовых взаимоотношений, определением не только политического, но и социально-экономического содержания кампании, развернутой в советских СМИ. Идеолого-пропагандистское обеспечение Шахтинского процесса представлено как сочетание негативных (конфронтационных) и позитивных (консолидационных) установок, имевших противоречивые последствия для различных сфер жизни общества и государства.

Применение в работе метода контент-анализа массивов газет «Правда», «Известия» дало возможность, опираясь на формализованные, количественные данные, получить новую информацию о том, как «процессная» кампания использовалась для решения прагматических задач (интенсификации и рационализации трудового процесса, стимулирования различных форм политического активизма рабочих и др.).

На основе сопоставления ранее не вводимой в научный оборот стенограммы Шахтинского процесса и репортажей о ходе процесса, помещаемых на страницах советской прессы, проведен анализ тех пропагандистских приемов, которые использовались отечественными СМИ для искажения фактической стороны показаний и допросов обвиняемых и свидетелей. Это позволило расширить знания о технологиях пропагандистского воздействия на примере «Шахтинского дела».

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты проведенного исследования имеют значение для дальнейшего изучения феномена судебных политических процессов в СССР в 1920-е – 1930-е гг. В диссертации анализируется специфика работы советской системы агитации и пропаганды, связанная с информационным обслуживанием и сопровождением Шахтинского судебного процесса, что способствует углублению исторических знаний о функционировании управляемой политической пропаганды в раннесоветский период. Результаты исследования могут быть использованы в научной сфере для написания смежных по тематике или обобщающих работ, посвященных репрессивной политике советской власти в довоенный период, а также в образовательной сфере при составлении школьных и вузовских курсов по отечественной истории.

Степень достоверности результатов исследования. Диссертационное исследование опирается на достижения современной отечественной и зарубежной историографии. Достоверность результатов исследования обеспечивается привлечением обширного круга исторических источников, а также применением общенаучных и общеисторических методов исследования.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были изложены в виде докладов на международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2008–2009; 2011), коллоквиуме стипендиатов Германского исторического института в Москве (Москва, 2011), научно-практической конференции «Новосибирская область: история и современность», посвященной 75-летию НСО (Новосибирск, 2012).

Публикации по теме диссертации. По материалам диссертации опубликовано 10 работ, в том числе 3 статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

1. Политико-идеологическая подготовка «Шахтинского дела»

Подготовка к проведению Шахтинского процесса велась на уровне руководящей партийной инстанции, Политбюро ЦК ВКП(б). Именно в Политбюро происходило согласование политико-идеологического обоснования дела, сроков и механики проведения процесса. Решение партийного руководства сделать процесс публичным было принято в непростой обстановке. Страна находилась в ситуации хлебозаготовительного кризиса, и перед партией стояла задача определить пути выхода из сложного социально-экономического положения. «Шахтинское дело» потенциально могло стать фактором обострения социальной напряженности, поскольку главными фигурантами дела были «буржуазные» специалисты. Учитывая «спецедеческие» настроения, распространенные среди пролетариата, социальная агрессия по отношению к прослойке «старой» интеллигенции могла выйти из-под контроля. На основании материалов советской пропаганды надлежит разобраться, каким образом выстраивалась стратегия ведения агитационно-пропагандистской кампании в условиях потенциально конфликтной социальной обстановки.

В первой главе исследуются методы ведения кампании в советских СМИ на этапе подготовки Шахтинского процесса. Исследование основано на последовательном описании трех аспектов пропагандистской кампании. Первый аспект – согласование основных идеологических установок в Политбюро и ЦК ВКП(б). Второй аспект – динамика и идеологическое содержание пропагандистской кампании. Третий аспект – отражение в пропаганде кризиса в советско-германских отношениях, вызванного арестами немецких инженеров.

1.1. Согласование политических установок «Шахтинского дела» в партийно-государственном руководстве

В течение 1928 г. в партийно-государственном руководстве нарастали противоречия по ключевым экономическим и социальным вопросам. В итоге они

привели к расколу внутри партии и обвинению группы влиятельных большевиков в «правом уклоне». Среди исследователей распространено мнение, что инициированием Шахтинского процесса И. В. Сталин наносил превентивный политический удар по позициям сторонников социально-реформистского пути развития советского государства⁸⁴. Осуждением группы «буржуазных» специалистов, обвиненных во «вредительстве», И. В. Сталин дискредитировал «правых», настроенных на продолжение и углубление сотрудничества со «старой» интеллигенцией. С. А. Кислицын писал, что для И. В. Сталина «было жизненно необходимо запугать оппозиционную часть технической интеллигенции и заставить умеренных большевиков из числа последователей Бухарина и Рыкова подчиниться воле сталинского большинства»⁸⁵. Необходимость объяснялась С. А. Кислицыным тем, что идеи «прагматического крыла советского руководства» являлись препятствием для «антинаучного волюнтаризма» И. В. Сталина⁸⁶.

Действительно, «предательство» инженеров Донбасса актуализировало проблему нового отношения ко всей «буржуазной» интеллигенции. Однако она не привела к открытой конфронтации в кругу партийных руководителей высшего звена весной-летом 1928 г. Был ли тогда в действительности достигнут политико-идеологический консенсус, или же за внешним показным согласием существовали принципиальные политические разногласия – вопрос, который требует детального рассмотрения.

Обсуждения в Политбюро «Шахтинского дела» происходили на фоне хлебозаготовительного кризиса и усиления нажима на крестьянство. В современной исторической литературе не раз выражалось мнение, что поворот к чрезвычайным мерам изъятия зерна в 1927/1928 гг. вызвал заметные разногласия в кругу партийной элиты. С точки зрения О. В. Хлевнюка, «признаки раскола в Политбюро» обозначились в феврале 1928 г. после возвращения И. В. Сталина в

⁸⁴ См.: Кислицын С. А. Шахтинское дело. Начало Сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов н/Д., 1993. С. 10; Есиневи́ч А. А. Театр абсурда, или Судебный процесс по Шахтинскому делу. СПб., 2004. С. 3.

⁸⁵ Кислицын С. А. Шахтинское дело... С. 62.

⁸⁶ Там же.

Москву из командировки в Сибирь: «Поездка Сталина была серьезным и даже демонстративным вызовом правительственно-хозяйственному аппарату, персонально Рыкову. Теперь партийный аппарат в лице Сталина брал в свои руки решение важнейшей политико-экономической задачи, предъявлял права на фактическое первенство. Это нарушало баланс сил, сложившийся в предыдущие годы в Политбюро»⁸⁷. Более того, И. В. Сталин «изменил саму идеологию причин кризиса»: «Игнорируя формулу об ошибках партийно-советского аппарата (о которых немало говорилось в коллективных директивах Политбюро), он почти целиком перенес акцент на обличение враждебных действий “кулаков” и антисоветских сил»⁸⁸.

Не все представители большевистской верхушки были искренними приверженцами сталинского курса на принятие чрезвычайных мер по отношению к крестьянству. Впоследствии на апрельском пленуме ЦК и ЦКК 1929 г. М. И. Калинин заявил: «За чрезвычайные меры прошлого года голосовало единогласно всё Политбюро, в том числе и я. Однако это не значит, что я тоже был за чрезвычайные меры»⁸⁹. О попытках смягчить нажим на крестьянство свидетельствовала активная деятельность А. И. Рыкова в январе-феврале 1928 г. 20 января 1928 г. Совет труда и обороны (СТО), председателем которого был А. И. Рыков, в постановлении о планах хлебозаготовок снизил планируемый объем в январе-марте на 250 млн пудов. Снижение плана означало снижение давления на крестьянство. Далее А. И. Рыков на заседании Политбюро 9 февраля предложил создать комиссию по подготовке новой директивы ЦК по хлебозаготовкам. Однако вернувшийся к тому времени из командировки в Сибирь И. В. Сталин перехватил инициативу. Несмотря на то, что комиссию, занимавшуюся подготовкой текста директивы, возглавлял А. И. Рыков, ее состав, включавший И. В. Сталина, В. М. Молотова, А. И. Микояна и Н. И. Бухарина, предопределил содержание директивы. В итоге в ее основу был положен сталинский вариант, в котором необходимость применения чрезвычайных мер не

⁸⁷ Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь вождя. М., 2015. С. 153.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Цит. по: Роговин В. З. Власть и оппозиция. М., 1993. С. 18.

ставилась под сомнение. Директива, тем не менее, имела компромиссный характер, поскольку вводила запрет на применение 107 статьи УК (спекуляция хлебными запасами) к хозяйствам с запасом товарного хлеба менее 2 тыс. пудов⁹⁰.

Приведенные данные указывают на обострение политического соперничества в Политбюро во время определения методов и задач ведения хлебозаготовительной кампании в январе-феврале 1928 г. Опасаясь обвинений во фракционности, никто из партийных лидеров не решался демонстрировать открытого разрыва с И. В. Сталиным, что, однако, не мешало копиться внутренним противоречиям. Особенность внутривнутрипартийных взаимоотношений заключалась в том, что после разгрома «объединенной оппозиции» в 1927 г. отсутствие фракционности, единство партии стало провозглашаемой политической ценностью. Нарушить единство и открыто выступить с фракционных позиций означало противопоставить себя партии. По мнению Ш. Фитцпатрик, исключение из партии в конце 1927 г. лидеров левой оппозиции «настолько напугало “правую оппозицию” в 1928–1929 гг., что она так по-настоящему и не сформировалась»⁹¹. Отсюда боязнь открытой и откровенной публичной дискуссии по ключевым вопросам. Н. И. Бухарин признавался, что не вынес свои разногласия с И. В. Сталиным на широкое партийное обсуждение потому, что «ЦК боится дискуссии»⁹².

О. В. Хлевнюк описывал борьбу И. В. Сталина против своих оппонентов как скрытую, постепенную, ведущуюся диверсионными методами⁹³. Делая провокационные жесты, высказываясь за радикальные решения по отдельным экономическим и политическим вопросам, но при этом, декларативно оставаясь сторонником продолжения НЭПа, И. В. Сталин, по выражению В. З. Роговина, «загонял “тройку” Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, М. П. Томского в новую

⁹⁰ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 т. М., 2000. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. С. 16–18.

⁹¹ Цит. по: Тюрин А. О. «Правый Уклон» в повседневной жизни горожан Нижневолжского региона в 1928–1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 12-1. С. 189.

⁹² Цит. по: Роговин В. З. Власть и оппозиция. С. 47.

⁹³ Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь вождя. С. 153.

“оппозицию”»⁹⁴. И. В. Сталин искал опору в радикально настроенной части советского общества, ждавшей «рывка» к социализму. Хлебозаготовительный кризис 1927/1928 гг. объединял вокруг сталинской политики радикально настроенные слои крестьянства, «Шахтинское дело» 1928 г., в свою очередь, готовилось для мобилизации пролетарских слоев. Так или иначе, «Шахтинское дело» фактически ставило вопрос пересмотра условий сосуществования советского режима и «буржуазной» интеллигенции.

Расследование по «делу об экономической контрреволюции в Донбассе» началось в июне 1927 г. С июня по октябрь 1927 г. оперативно-розыскная работа велась исключительно силами Шахтинского окружного отдела Северо-Кавказского полпредства ОГПУ, сотрудники которого не распространяли аресты за пределы Донецко-Грушевского рудоуправления (ДГРУ) Шахтинского района Донбасса. Местные чекисты, ориентируясь на заявления рабочих о многочисленных нарушениях на производстве, провели летом 1927 г. серию арестов среди инженеров и техников ДГРУ, однако в ходе допросов арестованных они не добились каких-либо серьезных результатов. Не удалось получить признательных показаний от основных подозреваемых, как не удалось и связать производственные сбои с «вредительской деятельностью» инженерно-технического персонала.

В целях повышения эффективности следственной работы к «делу» были подключены сотрудники Экономического управления ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Е. П. Еленевич, Борисевич-Луцик и М. Д. Яхонтов. Подкрепление в лице ростовских работников ОГПУ сыграло свою роль. Объединенными усилиями удалось, оказывая психологическое давление на арестованных, получить отдельные признания ряда ключевых для следствия фигур (прежде всего техника В. И. Беленко и заведующего шахтой Н. А. Гаврищенко)⁹⁵. Черета арестов будущих «шахтинцев» продолжалась в ноябре 1927 – феврале 1928 г.: под арест попали еще 11 подозреваемых.

⁹⁴ Роговин В. З. Власть и оппозиция. С. 67.

⁹⁵ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: В 2 кн. / Отв. ред. С. А. Красильников. М., 2010. Кн. 1. С. 23–24.

Активизация оперативно-следственной работы совпала с перенесением ее центра в Ростов-на-Дону в октябре 1927 г.

Следственный материал, по своему потенциалу выходявший за рамки компетенции регионального отдела ОГПУ, нуждался в одобрении политического центра. «Карт-бланш» на дальнейшее расширение следствия по делу об «экономической контрреволюции» в Донбассе и поиск нитей, ведущих из Шахтинского района в Харьков и Москву, был дан И. В. Сталиным и В. М. Молотовым 2 марта 1928 г. по итогам доклада Г. Г. Ягоды, Е. Г. Евдокимова и К. И. Зонова о предварительных результатах проведенной ОГПУ работы⁹⁶.

Интерес, проявленный И. В. Сталиным и В. М. Молотовым к перспективам этого дела, позволил перевести расследование по «Шахтинскому делу» в наиболее активную его фазу, сопровождавшуюся усиленной подготовительной пропагандистской работой в СМИ. Март-апрель 1928 г. – месяцы интенсивного расширения круга арестованных, время начала активной разъяснительной работы, готовившей советское общество к масштабному политическому процессу⁹⁷.

1 марта 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) вынесло решение о разбирательстве «дела» шахтинских специалистов в судебном порядке⁹⁸. Оперативный контроль над ходом подготовки судебного процесса осуществляла организованная 8 марта 1928 г. комиссия Политбюро в составе А. И. Рыкова, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталина, В. М. Молотова и В. В. Куйбышева⁹⁹. Полномочия комиссии распространялись на вопросы курирования следственной работы, ведения агитационной кампании, составления обвинительного заключения, определения состава суда и состава обвиняемых, выводимых на процесс.

10 марта в день публикации в прессе сообщения прокурора Верховного суда П. А. Красикова о раскрытии «Шахтинского дела» советский аппарат агитации и пропаганды начал активную кампанию по подготовке советского общества к Шахтинскому процессу. Ресурсы разветвленной пропагандистской сети

⁹⁶ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 1. С. 163.

⁹⁷ Там же. С. 23–24.

⁹⁸ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936 / Отв. ред. А. Н. Яковлев. М., 2003. С. 147.

⁹⁹ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 1. С. 178.

обеспечивали повсеместное проникновение заранее и тщательно отобранной информации, формировавшей представление о содержании «Шахтинского дела». Эффективность воздействия на массовое сознание зависела от организованности и интенсивности работы многочисленных элементов, входящих в систему агитпропа (от органов прессы до партийных агитаторов на местах).

Советская система агитации и пропаганды, которая формировалась на протяжении всех 1920-х гг., призвана была выполнять целый комплекс функций, включавший в себя пропаганду идей марксизма-ленинизма, формирование положительного отношения к внутренней и внешней политике Советской власти, мобилизацию социальной базы режима. При этом формы пропагандистского воздействия были многообразны. Особое значение для большевистской пропаганды имели устные формы агитации (достаточно вспомнить один из первых лозунгов партии: «Каждый большевик – агитатор!»)¹⁰⁰. Пропагандисты, это могли быть как рядовые члены партии, так и беспартийные активисты, работали на митингах, собраниях, в низовых ячейках, выполняя в системе агитпропа важнейшую функцию адаптации пропагандистских сообщений для различных социальных групп, отличающихся уровнем образования и потребностями¹⁰¹. В качестве мест проведения устной агитационно-пропагандистской работы могли использоваться культурно-просветительские учреждения: клубы, библиотеки, избы-читальни, пункты по ликвидации безграмотности и т. п.

Основой большевистской агитационно-пропагандистской системы были печатные СМИ, материалы которых чаще всего служили методическим ориентиром для устной агитации. Создание разветвленной газетно-журнальной сети являлось одной из приоритетных задач советского режима в 1920-е гг.¹⁰² Несмотря на начало активного использования в агитационно-пропагандистских

¹⁰⁰ Чогандрян М. Г. Методы, способы и приемы советской пропаганды в 1920–1930-е гг. // Теория и практика общественного развития: История. Исторические науки. 2013. № 4. С. 182.

¹⁰¹ Гурьев А. И. Как закалялся агитпроп. М., 2011. С. 313.

¹⁰¹ Kenéz P. The birth of the propaganda state (Soviet methods of mass mobilization, 1917–1929). Cambridge, 1985. P. 234.

¹⁰² Грабельников А. А. Массовая информация в России: от первой газеты до информационного общества: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 73.

целях радиовещания и кинематографа, печатные СМИ, как наиболее доступные для населения, определяли сущность и границы публичного политического дискурса. В период НЭПа советская газетно-журнальная была сформирована и состояла из совокупности центральных и региональных органов прессы, как правило, подразделяемых институционально (т. е. органы печати были привязаны к тем или иным институтам советской партийно-государственной системы: партии, СНК, комсомолу, профсоюзам, пионерской организации и т. д.). Газета «Правда» как орган ВКП(б) была самой массовой в СССР. Это была единственная газета, главным редактором которой, назначили влиятельного политика общесоюзного масштаба Н. И. Бухарина. В газете большое внимание уделялось теоретическим вопросам социалистического строительства, партийным дискуссиям, публиковались программные редакционные статьи, выступления партийных лидеров. При этом, как отмечают историки, существовало своеобразное разделение труда между «Правдой» и «Известиями», органом СНК, второй по влиянию газетой в Советском Союзе, которая в отличие от «Правды» большее внимание уделяла внешнеполитическим сюжетам¹⁰³.

Характерной чертой советского агитпропа было использование массированных пропагандистских кампаний для направленной мобилизации тех или иных групп населения с целью решения поставленных политико-экономических задач. Агитационно-пропагандистские кампании являлись комплексной формой пропагандистского воздействия на население, включавшей в себя весь набор методов и инструментов ведения пропаганды: интенсивную разъяснительную работу агитаторов, публикации в прессе, использование кино и радио, выступления лидеров и агитаторов, митинги, собрания и демонстрации, выступления агитбригад, беседы, стенгазеты, выставки и др.¹⁰⁴

Идеологическое обоснование «Шахтинского дела» в силу его политического значения осуществлялось на высшем уровне партийно-государственного руководства. Не вызывает сомнения, что А. И. Рыков,

¹⁰³ Kenez P. The birth of the propaganda state. P. 240.

¹⁰⁴ Гурьев А. И. Как закалялся агитпроп. С. 338.

Н. И. Бухарин и М. П. Томский как члены Политбюро не только были знакомы с материалами предварительного следствия¹⁰⁵, но и принимали участие в подготовке самого процесса: А. И. Рыков как член специальной комиссии Политбюро, М. П. Томский как один из уполномоченных ЦК ВКП(б), командированных в марте 1928 г. в Донбасс для проверки работы местных организаций, Н. И. Бухарин как автор и соавтор ключевых публикаций о «Шахтинском деле» для советской прессы.

Первые документы, предназначенные для публикации в прессе и рассылки низовым партийным, профсоюзным и хозяйственным организациям, писались и проходили скрупулезную редакционную правку лидерами большевистской партии (в основном Н. И. Бухариным и И. В. Сталиным). Наличие нескольких проектов / «черновики» этих документов на различных этапах согласования позволяет с помощью текстуального анализа проследить, насколько разнились оценки «Шахтинского дела» среди партийного руководства.

Официальные документы, подготовленные в первой декаде марта 1928 г., с одной стороны, содержали дозированную информацию о промежуточных результатах следствия, а с другой, – давали образец идеолого-пропагандистской трактовки «обнаруженного» в Донбассе «крупного антисоветского заговора». Так, официальное письмо ЦК ВКП(б) «Об экономической контрреволюции в южных районах угольной промышленности» от 7 марта 1928 г., предназначавшееся для рассылки руководителям партийных, профсоюзных и хозяйственных организаций, работникам РКИ и ГПУ, состояло из двух частей: идеологического текста, разъяснявшего классовую подоплеку «Шахтинского дела», и информационно-описательной части, составленной на основе обзора Ростовского ПП ОГПУ¹⁰⁶. Полная версия письма имела гриф «Строго секретно» и предназначалась исключительно для адресной рассылки, тогда как в газете

¹⁰⁵ Предварительные результаты следствия были суммированы в «обзоре» ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю «по делу об экономической контрреволюции в южных районах угольной промышленности», составленном в начале марта 1928 г., и обзоре ГПУ Украинской ССР «Экономическая контрреволюция в Донбассе. Следственное дело “Донуголь”», датированном 1 апреля 1928 г.

¹⁰⁶ Ушакова С. Н. Идеолого-пропагандистская составляющая Шахтинского процесса // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2010. С. 48–49.

«Правда» 10 марта 1928 г. в виде передовицы была опубликована лишь его идеологическая преамбула¹⁰⁷.

Первоначальный рукописный проект идеологической преамбулы официального письма ЦК ВКП(б) был составлен Н. И. Бухариным¹⁰⁸. Написанный им текст И. В. Сталин подверг скрупулезной редакционной правке¹⁰⁹. Документ, который сохранил свою структуру и после редактирования, можно условно разделить на три части: в первой сообщались сведения о составе «преступной организации», направлениях и целях ее деятельности, во второй части критиковались партийные, профсоюзные, хозяйственные организации, РКИ и ОГПУ, которые вовремя не сумели раскрыть «контрреволюционный заговор», третья часть посвящалась извлечению уроков из шахтинской «истории», выработке мер, которые позволили бы не допустить повторения впредь подобных ошибок.

Первая часть итогового варианта, отправленного в печать, имела несколько существенных отличий от «черновика» Н. И. Бухарина. И. В. Сталин, редактировавший текст, внес важное уточнение социально-групповой принадлежности лиц, составлявших костяк «заговорщической организации»:

Черновик Н. И. Бухарина	Опубликованный вариант
Документы чрезвычайно убедительно говорят о том, что в ряде областей враги рабочего класса поставили своей целью срыв всей нашей строительной работы... ¹¹⁰	Документы говорят о том, что в ряде областей угольной промышленности враги рабочего класса, бывшие шахтовладельцы и их антисоветские друзья из спецов, ставшие потом техническими руководителями наших хозяйственных и плановых организаций, – поставили

¹⁰⁷ Об экономической контрреволюции в угольной промышленности // Правда. 1928. 10 марта. № 60. С. 1.

¹⁰⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 328. Л. 16-18.

¹⁰⁹ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 1. С. 166–177.

¹¹⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 328. Л. 16.

	своей целью систематический срыв нашей строительной работы ¹¹¹ .
--	---

Сталинское дополнение представляется существенным, поскольку Н. И. Бухарин, составляя текст, проявлял осторожность в формулировках, избегая тех из них, которые могли бы привнести социальный подтекст в историю шахтинского «вредительства», связать феномен «экономической контрреволюции» с определенной прослойкой советского общества. Подверглось корректировке и описание форм «вредительства»:

Черновик Н. И. Бухарина	Опубликованный вариант
... Эту цель ¹¹² они практически проводили в жизнь путем порчи машин, поджогов, завалов и затопления шахт, приведения в негодное состояние заводов и рудников, преступного и нарочито бесхозяйственного «применения» оборудования, провокационного обращения с рабочими и т. д. ¹¹³	Эту цель они практически проводили в жизнь в продолжение 5–6 лет путем прямой порчи машин, путем поджогов, затопления шахт, приведения в негодное состояние заводов и рудников, преступного и нарочито бесхозяйственного «применения» оборудования, провокационного обращения с рабочими и злого использования практики социалистической рационализации во вред интересам рабочего класса, причем они сумели систематически обходить и обманывать наших хозяйственных, профессионалистских ¹¹⁴ и всяких иных

¹¹¹ Об экономической контрреволюции в угольной промышленности. С. 1.

¹¹² Т. е. подрыв советской промышленности.

¹¹³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 328. Л. 16.

¹¹⁴ Так в публикации.

	рабочников, не встречая, поэтому, соответствующего отпора с их стороны ¹¹⁵ .
--	---

Дополнение И. В. Сталина об «обманутых ответственных рабочих» выводило из-под прямых обвинений в пособничестве «вредителям» хозяйственные, профсоюзные и партийные организации Донбасса. Н. И. Бухарин предлагал более жесткую оценку, прямолинейно написав о «срастании» местных профсоюзных рабочих с администрацией и специалистами, что предполагало возможность их соучастия во «вредительстве», однако данная формулировка была вычеркнута И. В. Сталиным из окончательного варианта:

Черновик Н. И. Бухарина	Опубликованный вариант
Это указывает на крайнюю слабость профсоюзных организаций, на срастание их местных верхушек с администрацией и спецами, на отсутствие элементарной чуткости по отношению к нуждам и производства, и рабочих масс ¹¹⁶ .	Это указывает на крайнюю слабость профсоюзных организаций, на их оторванность от производства, на отсутствие элементарной чуткости к насущным нуждам как производства, так и особенно рабочих масс ¹¹⁷ .

Во второй части документа расхождения между первоначальным и окончательным вариантом становились более явными. И. В. Сталин дополнил изначальный текст абзацем, в котором «близорукость» ответственных рабочих объяснялась притуплением «революционного чутья и коммунистической бдительности». Исправляя бухаринский текст, И. В. Сталин возвел «бдительность и чутье» чуть ли не в ранг главного оружия партии и пролетариата в борьбе против «скрытой контрреволюции»:

¹¹⁵ Об экономической контрреволюции в угольной промышленности. С. 1.

¹¹⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 328. Л. 14.

¹¹⁷ Об экономической контрреволюции в угольной промышленности. С. 1.

Черновик Н. И. Бухарина:	Опубликованный вариант:
<p>Совершенно очевидно, что хозяйственники-коммунисты оказались в значительной мере в плену у спецов, превратившись в молчаливых регистраторов всех планов, предложений, всей политики этих злостных саботажников. То, что вскрывается документами, выходит, однако, за пределы шахтинского района и сигнализирует известную общую опасность. ЦК обращает сугубое внимание руководящих парторганов на необходимость выработки и принятия ряда мер, которые обеспечивали бы действительный контроль хозяйственников коммунистов над специалистами всех видов¹¹⁸.</p>	<p>Совершенно очевидно, что хозяйственники-коммунисты оказались в значительной мере в плену у буржуазных спецов, превратившись в молчаливых регистраторов всех планов, предложений и затей этих злостных саботажников. Коммунисты-хозяйственники, видимо, забыли, что буржуазные спецы и, прежде всего, бывшие акционеры бывших капиталистических компаний представляют чуждую рабочему классу прослойку, что руководить такого рода спецами невозможно без систематического контроля над ними, что систематический контроль над такого рода спецами предполагает известный минимум здорового коммунистического недоверия ко всей этой прослойке, что без такого недоверия коммунист-хозяйственник рискует неминуемо превратиться в хвостик буржуазных спецов¹¹⁹.</p>

Характерно, что в тексте черновика Н. И. Бухарина не употреблялся термин «буржуазные» специалисты, очевидно являвшийся социально-классовым маркером. Итоговый вариант, напротив, был дополнен несколькими отсылками к социально-групповому происхождению «вредителей». В совокупности суть

¹¹⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 328. Л. 17.

¹¹⁹ Об экономической контрреволюции в угольной промышленности. С. 1.

указанных выше сталинских поправок заключалась в выделении целой социальной прослойки «буржуазной» интеллигенции в «группу риска» и рассмотрении ее в качестве среды, из которой «рекрутировались» кадры для «вредительской организации». Третья часть документа, посвященная выработке решительных мер для устранения выявленных недостатков, имела минимальные расхождения между двумя вариантами.

Итак, анализируемый документ готовился к печати в центральной газете «Правда» и должен был ознакомить аудиторию с обстоятельствами раскрытия шахтинской «контрреволюционной организации». Учитывая данные обстоятельства и показательный характер готовившегося процесса, текст должен был сигнализировать об определенных опасностях и возможностях их преодоления. Вариант, подготовленный Н. И. Бухариным, в целом отвечал этим задачам. Формулировалась угроза, возникшая перед советским хозяйством: «контрреволюционеры» действовали не только в угольной промышленности, и партии следует присмотреться к другим отраслям производства, где до сих пор действуют не выявленные «враги». И способы борьбы с этой угрозой: контроль над специалистами, усиление эффективности работы партийных, профсоюзных и хозяйственных организаций, внимательное отношение к нуждам рабочих.

Однако сравнение исходного и окончательного вариантов документа показало, что И. В. Сталин внес ряд смысловых правок, придавших тексту дополнительную политическую остроту. Н. И. Бухарин в написанном им «черновике» не выводил на первый план проблему классовой чуждости «буржуазной» интеллигенции. Он, скорее, обращал внимание на неэффективность работы местных профсоюзных, хозяйственных и партийных организаций и предлагал использовать «Шахтинское дело» для их мобилизации и встряски (например, заставить хозяйственников освоить техническую сторону производства и перестать зависеть от ИТР). Тогда как И. В. Сталин, судя по всему, рассчитывал получить и дополнительный эффект за счет нагнетания настроений интеллигентофобии в социальных низах.

Впоследствии Н. И. Бухарин не только не опротестовал, но и принял намеченные И. В. Сталиным политические выводы из «Шахтинского дела». 13 апреля 1928 г. Н. И. Бухарин выступил на собрании актива ленинградской организации ВКП(б) с докладом об итогах апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928 г.¹²⁰ В докладе Н. И. Бухарин уже в соответствии со сталинскими поправками отмечал, что «партийные органы потеряли классовое чутье по отношению к технической интеллигенции»¹²¹. При этом Н. И. Бухарин по-прежнему рассуждал о «Шахтинском деле» в контексте проблемы неудовлетворительной работы всей системы хозяйствования: «Звезда, гнусная звезда шахтинского дела находится в целом созвездии гнусных дел, которые заставляют нас кое над чем задуматься. У нас было рязанское дело, о котором говорил т. Молотов на XV съезде партии, было артемовское дело, о котором я упомянул, где отдельные партработники насильничали над женщинами, пьянствовали и т. д. У нас недавно вскрылось сочинское дело, где во главе обвиняемых стояли участники гражданской войны (я сам видел одного, который потерял ногу в гражданской войне, но который вместе с другими собутыльниками дошел до того, что секретарь комсомольской ячейки в порядке угождения начальства поставлял ему комсомолок)»¹²². Поставив в один ряд дела, фигурантами которых являлись специалисты, работники партийного аппарата и участники гражданской войны, Н. И. Бухарин указывал на опасность системного характера, отнюдь не вытекавшую только из наличия «врагов» у советского государства.

Не менее интересна публичная реакция на раскрытие «Шахтинского дела» А. И. Рыкова, который, по мнению С. Коэна, пользовался репутацией покровителя и защитника беспартийных специалистов¹²³. Не вызывает сомнения вовлеченность А. И. Рыкова в дело подготовки Шахтинского процесса. А. И. Рыков входил в состав специальной комиссии Политбюро и был прекрасно информирован о ходе

¹²⁰ Бухарин Н. И. Доклад на собрании актива ленинградской парторганизации 13 апреля. Уроки хлебозаготовок, шахтинского дела и задачи партии // Правда. 1928. 19 апр. № 91. С. 4.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

¹²³ Коэн С. Бухарин. Политическая биография 1888–1938. М., 1988. С. 100.

следствия. Более того, А. И. Рыкову было доверено первым из партийно-государственных руководителей выступить на публичной площадке с докладом о раскрытии «заговора». Выступление состоялось на пленуме Моссовета 9 марта 1928 г. Речь А. И. Рыкова была напечатана на страницах центральной прессы 11 марта, т. е. на следующий день после публикации первой официальной информации о «Шахтинском деле».

Выступление А. И. Рыкова, как главы правительства, должно было повысить общественно-политическое значение «Шахтинского дела» и вместе с тем, обозначить обеспокоенность советского правительства явлением «экономической контрреволюции». Действительно, А. И. Рыков констатировал, что вскрывшиеся факты «вредительства» поколебали уверенность государства в том, что «контрреволюция во всех ее видах побеждена и что даже с теми специалистами, которые до настоящего времени пропитаны буржуазным мирозерцанием и навыками, установлены отношения сотрудничества»¹²⁴. При этом речь авторитетного в кругах инженерно-технических работников А. И. Рыкова должна была снизить градус волнения в данной среде: «В связи с разговорами по этому делу ко мне обратился один из специалистов с выражением опасения по поводу того, что разглашение дела, происшедшего в Шахтинском районе, и возможный призыв партии и советской власти к большей настороженности и бдительности не сделали бы позорным само звание инженера, не вызвали бы волны спецедействия. Я ему ответил, что, во-первых, рабочий класс достаточно вырос, чтобы знать, что без специалистов никаких крупных технических улучшений нам не добиться, и что в борьбе со спецедейством мы сможем опереться на возросшую сознательность рабочего класса; во-вторых, что это дело должно еще более сблизить всех честных специалистов с советской властью и, в-третьих, что мы от всех честных специалистов имеем и обязаны потребовать совместной борьбы с этими контрреволюционерами и предателями»¹²⁵.

¹²⁴ Речь А. И. Рыкова на пленуме Моссовета // Известия. 1928. 11 марта. № 61. С. 2.

¹²⁵ Там же.

А. И. Рыков, один из немногих, выступил с критикой пропагандистской кампании в прессе. Этот эпизод имел место на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), прошедшем в апреле 1928 г. На повестку пленума были вынесены два наиболее актуальных вопроса экономической и общественно-политической жизни страны: кризис хлебозаготовок и «уроки» «Шахтинского дела». Основным докладчиком, представлявшим на пленуме комиссию Политбюро по «Шахтинскому делу», был назначен А. И. Рыков¹²⁶. Доклад был посвящен разработке практических мероприятий по ликвидации недостатков в системе управления промышленностью, обнаруженных в связи с «Шахтинским делом». В дополнение к заявленной теме А. И. Рыков, по всей видимости, рассчитывая на развертывание дискуссии, высказал опасения, связанные с неверным, по его мнению, направлением, которое приобрела к тому времени агитационно-пропагандистская кампания. А. И. Рыков подверг критике поставленную перед специалистами в передовице «Известий» от 30 марта 1928 г. задачу «безоговорочно формулировать свое принципиальное отношение к социалистическому строительству в нашей стране»¹²⁷. Он объяснял неправильность выдвинутого требования тем, что «буржуазную» интеллигенцию провоцируют на обман, лицемерную демонстрацию приверженности социалистическому строю. Выступая против грубой дифференциации специалистов на тех, кто «за», и тех, кто воздержался (а значит, следуя логике советской пропаганды, был «против»), А. И. Рыков, безусловно, защищал интересы беспартийной технической интеллигенции¹²⁸. Однако вопрос об отношении партии к «старым» специалистам остался по большей части на периферии обсуждений на заседаниях апрельского пленума. Большинство выступавших обращались в своих речах преимущественно к проблемам функционирования местных партийных и профсоюзных ячеек, реорганизации треста «Донуголь», подготовки новых кадров для советской промышленности, взаимодействия специалистов и хозяйственников и т. д.

¹²⁶ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 1. М., 2010. С. 177.

¹²⁷ Специалисты и Шахтинское дело // Известия. 1928. 30 марта. № 76. С.1.

¹²⁸ Как ломали НЭП... Т. 1: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. С. 165–166.

Некоторое подобие дискуссии по вопросу о «буржуазных» специалистах в ходе обсуждения «Шахтинского дела» на апрельском пленуме все же прослеживается. Позицию А. И. Рыкова поддержал в своем выступлении В. В. Куйбышев, критикуя упрощенный подход к дифференциации специалистов на «врагов» советской власти и ее приверженцев: «Имеются, кроме преданных советскому делу специалистов, еще просто добросовестно работающие и выполняющие свои обязанности. Имеются огромные слои специалистов и инженеров, которые не являются нашими врагами в том смысле, что не состоят ни в какой организации, но работающие просто по-чиновничьи, работающие потому, что наняты советской властью. И нам нужно, имея в виду все эти прослойки, свою политику по отношению к специалистам поставить таким образом, чтобы не только заставить их работать, уже не говоря о том, чтобы не вредить делу, заставить работать не по-чиновничьи, а работать соответственно тому темпу, которым развивается наша промышленность, но одновременно с этим мы должны заставить отвечать их за то дело, которое им поручено»¹²⁹.

Полемизируя с А. И. Рыковым и В. В. Куйбышевым, верный сторонник И. В. Сталина В. М. Молотов высказал убеждение в том, что пролетарское государство не может терпеть пассивности специалистов. Доказательством их пассивности должен был служить тот факт, что «Шахтинское дело» ОГПУ раскрыло без всякого содействия кого-либо из специалистов¹³⁰. В. М. Молотов выдвинул идею о том, что на смену прежнему «буржуазному» методу использования «старых» специалистов, в основе которого лежало материальное поощрение (высокое жалование, премии и т. д.), должен прийти «пролетарский метод», заключающийся «в таком всенародном учете и контроле снизу, который делает неизбежным переход массы специалистов на сторону пролетарского государства»¹³¹.

Таким образом, апрельский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) выявил принявшие теперь уже открытый (хотя и внутриэлитный) характер разногласия по вопросу о

¹²⁹ Как ломали НЭП... Т. 1: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. С. 201.

¹³⁰ Там же. С. 219.

¹³¹ Там же. С. 220.

«старых» специалистах между группами Рыкова – Куйбышева и Молотова – Сталина. А. И. Рыков вместе с В. В. Куйбышевым выступали за более гибкие приемы вовлечения беспартийных специалистов в «общее» дело построения социалистической экономики, принимая во внимание ценность производственно-практического опыта и теоретических знаний «старых» инженеров. Тогда как В. М. Молотову и И. В. Сталину необходимо было добиться политической лояльности технической интеллигенции, готовности принимать любые планы и решения. Учитывая, что большинство участников пленума не занимали никакой принципиальной позиции по этой проблеме, широкой дискуссии не получилось. Впоследствии И. В. Сталин с большим удовлетворением отмечал как достижение партии отсутствие дискуссий на пленуме, отсутствие «фракционных выходов и фракционной демагогии»¹³². Это должно было, по его мнению, благоприятно сказаться на партийной работе, поскольку теперь «партия получила возможность серьезно и вплотную подойти к практическим вопросам»¹³³.

Примечательно, что И. В. Сталин на пленуме не принял участия в полемике между А. И. Рыковым и В. М. Молотовым. Выступление И. В. Сталина на пленуме опубликовано не было, однако основные его выводы были отражены в докладе И. В. Сталина о работе апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК на собрании актива московской парторганизации, опубликованном 18 апреля¹³⁴. И. В. Сталин на пленуме дал новую развернутую классовую трактовку «Шахтинскому делу». «Вредительство» было интерпретировано как попытка «экономической интервенции» западноевропейских антисоветских капиталистических организаций в советскую промышленность¹³⁵. «Шахтинское дело», таким образом, вписывалось в историю борьбы внешних «врагов» против Советского государства: на смену попыткам военной интервенции времен Гражданской войны пришла «экономическая интервенция», изнутри подтачивающая большевистский строй. Уже здесь различима сталинская

¹³² Доклад тов. Сталина на активе московской организации о работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК 13 апреля 1928г. // Правда. 1928. 18 апр. № 90. С. 3.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Как ломали НЭП... Т. 1: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. С. 235.

риторика обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму, задействованная партией для поддержания постоянной тревоги в публичном поле и мобилизации социальных ресурсов.

По всей видимости, на усиление конфронтационных мотивов в речах И. В. Сталина в 1928 г. косвенно повлияли события 1927 г., а именно внешнеполитический кризис, вызвавший массовую «военную тревогу» во всех слоях населения. Социальная реакция на угрозу войны в 1927 г. является хорошо изученной темой в современной историографии¹³⁶. Как отмечает историк А. Я. Лившин, реакция советского общества на слухи о грядущей войне была дифференцированной: «от ура-патриотических до весьма пессимистических настроений»¹³⁷. При этом у части населения, в особенности у молодого поколения, опасность войны вызвала побуждения встать на защиту Советского государства, собраться с силами перед внешней угрозой¹³⁸. В 1928 г. угроза «экономической интервенции» которую сформулировал И. В. Сталин должна была сделать постоянными оборонческие настроения в опорных для советской власти социальных слоях. Те же настроения могли быть использованы для новой трудовой мобилизации, поскольку ареной борьбы с «врагом» теперь являлись и промышленные предприятия, вплоть до каждой фабрики и завода. А. Я. Лившин заметил, что стремление «сплотить советское общество перед лицом внешнего врага на практике приводило к разжиганию классовой борьбы внутри страны»¹³⁹. Приводя в пример письма во власть, А. Я. Лившин показал, что в ряде случаев их

¹³⁶ Нежинский Л. Н. Была ли военная угроза СССР в конце 20-х – начале 30-х годов? // История СССР. 1990. № 6. С. 14–30; Николаев Л. Н. Угроза войны против СССР (конец 20-х – начало 30-х гг.): реальность или миф // Советская внешняя политика, 1917-1945: Учебное пособие. М., 1992. С. 63–90; Симонов Н. С. Крепить оборону Страны Советов («военная тревога» 1927 года и ее последствия) // Отечественная история. 1996. № 3. С. 155-161; Лившин А. Я., Орлов И. В. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002; Голубев А. В. «Если весь мир обрушится на нашу Республику»: призраки войны в советском обществе 1920–30-х годов // Военно-историческая антропология: Ежегодник. М., 2007. С. 111–124; Его же. Советское общество и «военные тревоги» 1920-х годов // Отечественная история. 2008. № 1. С. 36–58; Великанова О. В. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х гг. М., 2017.

¹³⁷ Лившин А. Я., Орлов И. В. Власть и общество: диалог в письмах. С. 182.

¹³⁸ См.: Лившин А. Я. «Военная тревога» 1927 года и общественные настроения в Советском Союзе // Киберленинка [электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-trevoga-1927-goda-i-obschestvennye-nastroeniya-v-sovetskom-soyuze>.

¹³⁹ Лившин А. Я., Орлов И. В. Власть и общество: диалог в письмах. С. 183.

авторы ожидали от советской власти активной борьбы с внутренней «контрреволюцией», якобы действовавшей в интересах внешних врагов.

Выступление И. В. Сталина на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 10 апреля не нашло отражения в резолюции, составленной на основе доклада А. И. Рыкова. Резолюция в целом повторяла выводы, сделанные в обращении ЦК ВКП(б) «Об экономической контрреволюции в угольной промышленности» от 10 марта 1928 г, намечая в дополнение практические меры по ликвидации недостатков в партийной, профсоюзной и хозяйственной работе. Опубликованный 13 апреля доклад И. В. Сталина о работе пленума при этом имел существенное значение для определения дальнейшего хода пропагандистской кампании. Сформулированная в нем новая политическая трактовка «Шахтинского дела» как «экономической интервенции» стала установочной для советских СМИ. И. В. Сталин, отстранившись от дискуссии на пленуме, собственными выступлениями ориентировал пропагандистскую кампанию, понимая, насколько важно было предоставить для массовой аудитории нужное идеологическое обоснование «Шахтинского дела». Личным вмешательством И. В. Сталин последовательно усиливал конфронтационную составляющую пропагандистской кампании.

Вопреки критике пропагандистской кампании на пленуме публичные выступления А. И. Рыкова не выходили за рамки намеченного пропагандистского курса¹⁴⁰. А. И. Рыков говорил о необходимости поставить деятельность «буржуазных» специалистов под бдительный контроль, использовать политическую дифференциацию в инженерской среде, поощряя сознательных сторонников советской власти. Вместе с тем авторитет А. И. Рыкова, равно как и авторитет главы ВСНХ В. В. Куйбышева, выступившего 28 марта на собрании инженерно-технических работников Москвы и губернии¹⁴¹, использовался для того, чтобы заверить основную массу беспартийной интеллигенции в отсутствии поводов для волнений. А. И. Рыков и В. В. Куйбышев должны были убедить

¹⁴⁰ Речь А. И. Рыкова на пленуме Моссовета // Известия. 1928. 11 марта. № 61. С. 2; Речь тов. А. И. Рыкова, произнесенная на сессии 16 апреля // Известия. 1928. 20 апр. № 92. С. 2.

¹⁴¹ Шахтинское дело и проблема специалистов. На собрании инженерно-технических работников Москвы и губернии // Правда. 1928. 30 марта. № 76. С. 3.

аудиторию в том, что политика партии по отношению к «буржуазной» интеллигенции не претерпит изменений.

В первой половине марта 1928 г., когда общественность только узнала о раскрытии «контрреволюционного заговора» в Донбассе, было сложно предугадать, как отреагируют на него различные социальные слои и как суд над инженерами-специалистами Донугля повлияет на производственно-трудовые отношения. Чтобы удостовериться в правильности выбранного пропагандистского курса, было решено отправить в Донбасс для зондирования обстановки на местах группу специальных уполномоченных, членов ЦК ВКП(б). 13 марта решением Политбюро туда были командированы М. П. Томский, В. М. Молотов и Е. М. Ярославский¹⁴². Официальная цель их поездки заключалась в сборе материалов по «Шахтинскому делу» для обсуждения на предстоящем пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1928 г. «Эмиссары» на месте должны были, во-первых, ознакомиться с ходом следствия, во-вторых, в перечень их задач входила оценка ответной реакции представителей различных социальных и профессиональных групп на пропагандистскую кампанию в СМИ, в-третьих, немаловажной задачей была «встряска» местного аппарата управления в соответствии с проводимой в прессе критикой их работы. Каждый из уполномоченных в течение десяти дней, переезжая с места на место, посещал шахты и промышленные предприятия Шахтинского, Луганского, Сталинского и Артемовского округов, встречаясь с рабочими, номенклатурными работниками, руководителями предприятий и работниками ОГПУ. Освещение поездки в советских органах прессы происходило неравномерно. Если в региональные газеты и проникали в небольшом объеме материалы бесед с посланниками ЦК¹⁴³, то публикации в центральных органах прессы не допускались. Официальная позиция заключалась в том, чтобы ограничивать публикацию речей и выступлений специальных уполномоченных, которые могли быть расценены как «определенное давление на судебные органы». Именно этим мотивом

¹⁴² Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 1. С. 650-651.

¹⁴³ Беседа с т. Томским // Красный шахтер. 1928. 25 марта. № 72. С. 1.

объяснялось направленное И. В. Сталиным Е. М. Ярославскому телеграммой от 23 марта 1928 г. решение ЦК не публиковать его речь в Артемовске¹⁴⁴.

В состав уполномоченных ЦК ВКП(б) входил не только явный сторонник И. В. Сталина В. М. Молотов, но и близкий к «правому» крылу партии М. П. Томский. При этом М. П. Томский, занимая пост председателя ВЦСПС, оказывался в неустойчивом положении в связи с зазвучавшей особенно остро после раскрытия «Шахтинского дела» критикой работы профсоюзных организаций. Ведомственное положение М. П. Томского, необходимость считаться с критикой сковывали его работу в качестве уполномоченного ЦК. Во время поездки внимание М. П. Томского было сосредоточено исключительно на выяснении степени виновности в допущении «вредительства» местных организаций «треугольника» (партийных, профсоюзных и хозяйственных органов). В частности, М. П. Томский пришел к выводу, что излишний, по его мнению, централизм Донугля делал управляющих неподконтрольными со стороны партийных и профсоюзных организаций: «Местные организации в большинстве случаев получали готовый ответ: “это не от меня зависит, есть приказ (или план, распоряжение) Донугля”. Создавалась привычка, убеждение, что без Донугля ничего нельзя, что добиться чего-нибудь – значит надо писать в Донуголь, а это штука весьма длинная»¹⁴⁵.

Кроме того, М. П. Томский, единственный из состава комиссии, имел возможность встретиться с местными работниками ОГПУ для ознакомления с материалами предварительного следствия. Ростовским чекистам удалось полностью убедить М. П. Томского (либо М. П. Томский дал себя в этом убедить, пораженный картиной злоупотреблений на местах) в действительном существовании крупной «контрреволюционной организации» среди специалистов Донугля. Убежденность М. П. Томского послужила для колеблющейся части членов Политбюро свидетельством надежности обвинительного материала для предстоящего процесса.

¹⁴⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 331. Л. 12.

¹⁴⁵ Там же.

Докладные записки М. П. Томского и Е. М. Ярославского по итогам поездки (В. М. Молотов не успел до начала апрельского пленума ЦК и ЦКК представить в виде доклада собранные им данные) предоставили богатый материал для обсуждения данного «дела» на пленуме. Результаты командировки, по всей видимости, укрепили убежденность высшего партийного руководства в правильности выбранного курса. Так, в докладной записке Е. М. Ярославского по итогам поездки в Артемовский округ УССР отмечалось: «Авторитет центральных органов в глазах масс очень высок. Сознание того, что местные организации ничего сделать не могут и ничего не делают серьезно, совмещаются с уверенностью в том, что центр иначе смотрит на все эти вопросы, готов исправить ошибки, но что центр слишком оторван, не знает, что делается на местах, не проверяет работы мест, что представители центра слишком редко бывают на местах и мало общаются с рабочими»¹⁴⁶. В заключение Е. М. Ярославский приходит к нужному для И. В. Сталина выводу: «Общая картина того, что дает хотя бы беглое обследование шахт, рудников и других предприятий Артемовского округа, целиком оправдывает первые данные следствия ОГПУ»¹⁴⁷. И Е. М. Ярославский, и М. П. Томский подчеркивали, что никакого всплеска спецедействия за обнародованием информации о преступлениях «контрреволюционеров» не последовало.

Итак, Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и М. П. Томский были активно включены в процесс согласования и обсуждения различных вопросов, связанных с «Шахтинским делом» (ведения пропагандистской кампании, выработки практических мер по устранению дефектов системы хозяйствования, организации судебного процесса и т. д.). Если у «правых» и возникали разногласия по поводу содержания пропагандистской кампании (как в случае с выступлением А. И. Рыкова на апрельском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б)), они не выносились за пределы обсуждения в высших партийных инстанциях. Напротив, создавалась

¹⁴⁶ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн.1. С. 702.

¹⁴⁷ Там же.

видимость единства и сплоченности партии, отсутствия какой-либо фракционной борьбы.

«Шахтинское дело» все же отразилось на позициях глав ключевых ведомств. В связи с тем, что оно определялось как результат недосмотра, возникли вопросы об эффективности работы профсоюзных ячеек, которые якобы оказались слепы к «подрывной работе» шахтинских «контрреволюционеров». Разумеется, критика профсоюзов была по руководителю ВЦСПС М. П. Томскому. В ходе расследования ОГПУ было якобы обнаружено существование московского центра «контрреволюционной организации», представители которого работали в структуре ВСНХ. Глава ВСНХ В. В. Куйбышев не случайно настороженно относился к инициированию Шахтинского процесса, понимая, что его ведомство окажется под пристальным вниманием ОГПУ. Еще 28 февраля 1928 г., когда Политбюро только получило известие от секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А. А. Андреева о раскрытии «заговора», В. В. Куйбышев высказал опасение по поводу организации судебного процесса: «Считаю преждевременной передачу этого дела в руки судебных органов. В этом деле нити ведут в аппарат ВСНХ и Донугля, а с передачей дела в руки судебных органов мы много не сумеем узнать. Лучше оставить пока ведение дела в руках ОГПУ, чтобы раскопать все до конца»¹⁴⁸. Вместе с тем «Шахтинское дело» означало повышение значения ОГПУ в иерархии партийно-государственных органов. ОГПУ, будучи главным инструментом борьбы с «экономической контрреволюцией», расширяло сферу влияния, получив покровительство И. В. Сталина.

Непосредственным инициатором эскалации конфронтационных тенденций в пропаганде был И. В. Сталин. Личным вмешательством И. В. Сталин формировал контуры и структуру пропагандистской кампании, определяя «повестку дня» в связи с «Шахтинским делом». «Правые» были подключены к подготовке судебного процесса и вынуждены были считаться с тем, какой оборот приняла кампания в прессе. Вместе с тем «Шахтинское дело» сигнализировало о ненормальной работе хозяйственных, профсоюзных и других организаций. Для

¹⁴⁸ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 1. С. 45.

распоясавшихся ответственных работников на местах нужна был встряска – в этом нашли согласие как «умеренные» в партии, так и сталинское большинство.

По всей видимости, соучастие Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и М. П. Томского в «расправе» над «вредителями» входило в расчет И. В. Сталина. И. В. Сталин лишал «правых» политического «козыря» покровительства над «буржуазной» интеллигенцией. В известной конспиративной беседе с Л. Б. Каменевым, состоявшейся в начале июля 1928 г., Н. И. Бухарин обвинял И. В. Сталина в политической беспринципности, в том, что тот, прикинувшись «правым», дискредитировал своих подлинных оппонентов. Н. И. Бухарин приводил потрясший его пример обсуждения на закрытом заседании Политбюро вопроса о формуле приговора по Шахтинскому процессу, когда «правые» голосовали за вынесение смертных приговоров, а И. В. Сталин вдруг проголосовал против¹⁴⁹.

1.2. Внутриполитические задачи и содержание пропагандистской кампании

Пропагандистская кампания вокруг «Шахтинского дела» началась 10 марта 1928 г. в день опубликования в центральной прессе первой информации о раскрытии «контрреволюционного заговора»¹⁵⁰. Начавшись за два месяца до открытия судебного процесса, кампания должна была подготовить общественное мнение к показательному осуждению группы инженеров и техников, обвиненных во «вредительстве». Кампания носила конфронтационный характер, формируя и эксплуатируя образ «врага» внутреннего – «контрреволюционера-вредителя», и внешнего – антисоветских эмигрантских кругов и официальных учреждений некоторых европейских стран, связанных с «вредителями»¹⁵¹.

Формирование образа врага в информационном пространстве основывается на конфликте, открытом или латентном, недеklarированном. В случае

¹⁴⁹ Фельштинский Ю. Г. Разговоры с Бухариным. М., 1993. С. 30–38.

¹⁵⁰ Об экономической контрреволюции в угольной промышленности. С. 1.

¹⁵¹ В обвинительном заключении в контексте заграничных связей «организации» упоминались официальные учреждения Франции и Польши.

«Шахтинского дела» о конфликте было заявлено открыто: 10 марта 1928 г. в передовице газеты «Правда» «Об экономической контрреволюции в угольной промышленности» объявлялось, что обнаруженный «заговор» «вскрывает новые формы борьбы со стороны контрреволюции и новые методы этой борьбы»¹⁵².

Образ врага является идеолого-психологической конструкцией и опирается на социально-психологические стереотипы восприятия одного субъекта другим. Следует предположить, что заявленный конфликт (борьба с «экономической контрреволюцией») являлся идеологическим отображением недеklarированных внутрисоциальных противоречий, которые необходимо выявить, для того чтобы понять цели, задачи и механику пропагандистской кампании.

«Шахтинское дело» явилось следствием кризисных тенденций в производственно-промышленной среде. Показатель кризиса – повсеместный рост забастовочных движений, фиксируемый историками с середины 1920-х гг.¹⁵³ По данным, приведенным в монографии О. В. Великановой, количество рабочих забастовок в СССР резко возросло в 1926 г. (зафиксировано 843 забастовки по сравнению с 434 в 1925 г.). В 1928 г. масштабы протестного рабочего движения оставались высокими – 842 случая забастовок за год¹⁵⁴. Весной 1928 г. ситуацию обостряли перебои в снабжении хлебом и возникавшие на этой почве слухи о грядущей войне¹⁵⁵. Для большевиков, пришедших к власти в значительной мере за счет социальных обещаний трудящимся массам, рост протестных настроений грозил серьезными политическими осложнениями. Авторитет ВКП(б) снижался в глазах, казалось бы, социальной опоры большевистской партии – широких слоев рабочего класса

Протестные настроения в среде рабочих вызывались в основном производственно-экономическими причинами: пролетариат был недоволен низкими расценками труда, увеличением нормы выработки, плохими условиями

¹⁵² Об экономической контрреволюции в угольной промышленности. С. 1.

¹⁵³ Скипина И. В., Пастух М. П. Документы о формировании протестных настроений тюменских рабочих в годы НЭПа // Вестник ИГПИ. 2013. № 2. С. 113.

¹⁵⁴ Великанова О. В. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х гг. М., 2017. С. 22.

¹⁵⁵ «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934): В 10 т. / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2002. Т. 6. С. 213.

быта и труда, высокой аварийностью производства и т. д. В сводке материалов о положении рабочих и состоянии партийных, хозяйственных и профессиональных организаций Артемовского округа Донбасса, составленной заместителем заведующего экономическим бюро ВЦСПС Ионовым не позднее 7 апреля 1928 г., собраны многочисленные жалобы и протесты со стороны рабочих. Среди них преобладали жалобы на плохое обслуживание на предприятиях и в общежитиях, обсчеты и недоплаты за отработанные часы, правовые нарушения колдоговоров, невыполнение профсоюзами и партийными ячейками функций защиты интересов рабочих, нажим со стороны администрации (всякая критика подвергалась репрессиям) и т. д.¹⁵⁶ Подобные настроения были характерны не только для Донбасса. О том же свидетельствовали обзоры политического состояния СССР, составленные ОГПУ в первом квартале 1928 г., в которых указывалось, что среди рабочих имелось недовольство на почве низкой зарплаты, умышленного, с их точки зрения, понижения расценок со стороны администрации, отказа профсоюзов от защиты интересов рабочих и т. д.¹⁵⁷

Помимо производственно-экономических требований, протест направлялся против привилегированного положения инженерно-технического персонала и «красных» директоров предприятий. Так, в одном из писем, поступивших в 1928 г. в редакцию газеты «Правда», рабочий бывшего завода «Вена» Рожковский писал: «Говорят у нас ремонтные рабочие – слесари, плотники и маляры: советская власть – власть коммунистов; коммунисты – это новые дворяне. Раньше правил капиталист, теперь коммунист и спец. Нам от этого не легче. Чтобы мы этого не чувствовали, нужно всем платить одинаковое жалованье, тогда только действительно все будут равны...»¹⁵⁸.

Историк С. Б. Ульянова отмечает, что с середины 1920-х гг. промышленные рабочие отождествляли советских хозяйственников с дореволюционными хозяевами предприятий. В связи с этим нарастало отчуждение между

¹⁵⁶ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн.2. С. 719–771.

¹⁵⁷ «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 6. С. 152–207.

¹⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 1643. Л. 60.

пролетариатом и коммунистами-управленцами¹⁵⁹. Данному тезису можно найти подтверждение в информационных сводках ОГПУ разных уровней. Например, в обзоре политэкономического состояния Новосибирского округа за время с 10 по 25 марта 1928 г. приводились соответствующие мнения рабочих об отношениях к хозяйственникам и специалистам: «коммунисты забюрократились», «поехали на шее у рабочего», «у власти опять стоят буржуи, которые загнали нас в землянки и не дают нам работать»¹⁶⁰, «что-то говорят, что власть наша – рабочих и крестьян, а тут выходит наоборот – специалисты нами играют, как палками»¹⁶¹, «рабочие сейчас не являются хозяином производства, всем заправляют коммунисты... даже раньше рабочий лучше жил»¹⁶² и т. д. Коммунисты-управленцы и инженерно-технические специалисты в представлении рабочих отождествляли старорежимный формат отношений господства и подчинения, а положение рабочих на производстве ассоциировалось с положением «эксплуатируемого» класса. О. В. Великанова упоминала, что в 1927 г. в г. Шахты уже наблюдались протестные выступления рабочих под лозунгом «Бей коммунистов и специалистов!»¹⁶³.

Если нападки на ИТР являлись следствием традиционной для пролетарской среды интеллигентофобии, то рабочий протест против коммунистов-управленцев был обусловлен рядом причин. Стала явной дистанция между пролетариатом и назначенными партией управленцами. Коммунисты-хозяйственники являлись в подлинном смысле держателями власти, не соответствуя идеалу выразителей интересов рабочего класса. Докладные записки «эмиссаров» ЦК Е. М. Ярославского и М. П. Томского, обследовавших во второй половине марта предприятия Донбасса, отразили кризисную обстановку в управлении промышленностью на местах. По результатам поездки оба выступили с резкой критикой работы местных «треугольников» (хозяйственных, партийных и

¹⁵⁹ Ульянова С. Б. «То на скаку, то на боку»: массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской / ленинградской промышленности в 1921–1928 гг. СПб., 2006. С. 479.

¹⁶⁰ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 9. Л. 93.

¹⁶¹ Там же. Л. 124.

¹⁶² Там же. Л. 101.

¹⁶³ Великанова О. В. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х гг. С. 21.

профсоюзных организаций). Хозяйственники, как указывалось в докладной записке Е. М. Ярославского об Артемовском округе, «не проявляли достаточной чуткости к указаниям рабочих, не принимали решительных мер к устранению недостатков производства, не контролировали работу специалистов, а шли по линии нажима на рабочих». Профорганы и парторганизации «также потеряли свое лицо, поскольку шли по линии приспособляемости и не принимали решительных мер к защите законных требований рабочих там, где эти требования наталкивались на бюрократизм хозяйственников, администраторов, специалистов»¹⁶⁴.

Местные органы власти (в том числе и хозяйственники) на практике занимали неподконтрольную и всесильную позицию на вверенном им объекте, что приводило к частым злоупотреблениям властными полномочиями. «Шахтинское дело» проходило на фоне громких скандалов, связанных с коррупцией и злоупотреблением властью, фигурантами которых являлись представители местных органов власти. О ряде таких дел упоминал Н. И. Бухарин в докладе на собрании актива ленинградской парторганизации 13 апреля 1928 г.¹⁶⁵

Среда производственно-трудовых отношений являлась потенциально конфликтной не только в Донбассе, но и на крупнейших предприятиях по всему Советскому Союзу. В некоторых случаях дело доходило до требований социального реванша, доведения до конца незавершенной в 1917 г. революции. ОГПУ фиксировало такие настроения. Например, в обзорах политэкономического состояния Новосибирского округа за февраль-май 1928 г. приводились следующие суждения рабочих: «для наших коммунистов нужно устроить еще войну, как была в 1917 году – когда лупили помещиков, да фабрикантов – а теперь нужно коммунистов...»¹⁶⁶, «по всему видно, что без революции нам не обойтись... перебить всю свору, а то позалезла белогвардейщина», «скоро коммунистам будет крышка, если так будет дальше»¹⁶⁷. Нереализованный запрос

¹⁶⁴ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 2. С. 703.

¹⁶⁵ Бухарин Н. И. Доклад на собрании актива ленинградской парторганизации 13 апреля... С. 4.

¹⁶⁶ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 9. Л. 125.

¹⁶⁷ Там же. Л. 246.

на социальный реванш мог привести к эскалации напряженности и окончательной потере авторитета коммунистической партии в среде городского пролетариата. Перед ВКП(б) стояла репутационная проблема, поскольку сомнения в ее верности идеалам 1917 г. были весьма распространены, о чем свидетельствуют региональные материалы ОГПУ.

О нарастании в среде рабочих в течении 1920-х гг. радикальных политических настроений писал исследователь Д. Бранденбергер. Автор подчеркнул, что ко второй половине 1920-х гг. брожение в пролетарской среде «политизировалось и выливалось в более общие жалобы, касающиеся природы советской власти и необходимости смены режима»¹⁶⁸. Д. Бранденбергер привел данные, что уже в 1926 г. органы госбезопасности сообщали о количественном росте в Москве и Ленинграде резко критических по отношению к власти высказываний рабочих: «партия стала против рабочих», «партия душит рабочий класс, требования рабочих не удовлетворяются» и т. д.¹⁶⁹ Автор пришел к выводу о кризисе всей советской агитационно-пропагандистской системы в конце 1920-х гг., которая оказалась не способна привить рабочему классу идею верности партии как авангарду революции¹⁷⁰.

Обстоятельства раскрытия «шахтинского заговора» (работники ОГПУ начали аресты на основании многочисленных жалоб на специалистов, переданных рабочими) указывают на взаимосвязь выявленных внутрисоциальных противоречий и политического решения организовать показательный судебный процесс. Не случайно именно Донбасс оказался местом обнаружения «вредительской организации». Данному региону был присущ высокий уровень социальной конфликтности, чему способствовала историческая роль Донбасса как арены гражданской войны. Нередко рабочие и специалисты, работавшие на одном руднике, в прошлом находились по разные стороны линии фронта. Катастрофа таких масштабов как гражданская война оставляла неразрешенными

¹⁶⁸ Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017. С. 26.

¹⁶⁹ Там же. С. 26.

¹⁷⁰ Там же. С. 31.

многочисленные противоречия, провоцируя дальнейшее накопление социальной агрессии. Существовали и другие факторы, которые делали социальную среду на угольных предприятиях Донбасса конфликтогенной. В докладной записке учетно-осведомительного отдела Луганского окружного отдела ГПУ СССР о настроениях рабочих в связи с «Шахтинским делом» отмечалось, что «условия быта горняка при наличии скверных условий, тяжелых форм работы, неполадок в производстве создают вполне естественную некоторую озлобленность рабочего». Не вызывает удивления, что местное ОГПУ имело в распоряжении многочисленные жалобы рабочих на административно-технический персонал.

Пропагандистская кампания вокруг «Шахтинского дела» являлась примером мобилизационной агитационно-пропагандистской кампании, во время проведения которой был аккумулирован весь аппарат агитпропа для направленного воздействия на массовое сознание. Для того чтобы выявить структуру пропагандистской кампании, в рамках данного исследования был проведен контент-анализ центральных газет «Правда» и «Известия» за период с марта по декабрь 1928 г. (программа контент-анализа изложена в приложении А).

«Заговор» «буржуазных» специалистов в Донбассе с самого начала кампании маркировался в газетных и журнальных публикациях термином «экономическая контрреволюция». Феномен «экономической контрреволюции», актуализированный после раскрытия «шахтинского заговора», был поставлен в ряду других «контрреволюционных» форм сопротивления советской власти. С. А. Красильников выделил несколько разновидностей «контрреволюции», присутствовавших в государственной политике и пропаганде 1920-х гг.: «церковную», «вооруженную», «подпольную», «националистическую», «повстанческую», «белогвардейско-эмигрантскую», «кулацкую» и, наконец, «экономическую»¹⁷¹. Появление «экономической» формы контрреволюции было продиктовано политической потребностью самой партии представить сферу экономики ареной классовой борьбы. Партия, таким образом, открывала для себя

¹⁷¹ Красильников С. А. Судебные политические процессы 1920-х гг. в Советской России / СССР как исследовательский феномен: дискуссионные проблемы // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. М., 2010. С. 12.

возможность объяснять падение уровня жизни основной массы населения происками «контрреволюционных сил». Такая возможность подкреплялась восприимчивостью советской читающей аудитории к поиску и осуждению мнимых виновников экономических неудач, что было выявлено по результатам кампании против троцкистско-зиновьевской оппозиции 1926–1928 гг.¹⁷²

В результате раскрытия «Шахтинского дела» «виновниками» производственных аварий, ошибок рационализации, неустроенности бытовых условий рабочих Донбасса стали 53 инженера и техника, обвинительный материал против которых был использован в агитационно-пропагандистской кампании для выстраивания образа «контрреволюционера-вредителя». В связи с принадлежностью арестованных к социальной прослойке «буржуазной» интеллигенции возникает вопрос, связывала ли напрямую советская пропаганда данную прослойку с феноменом «экономической контрреволюции», указывала ли на нее как на источник «вредительских» кадров? Данные контент-анализа показывают, что количество употреблений термина «буржуазные» («старые», «дореволюционные») специалисты по отношению к членам «вредительской организации» в сравнении с не носящими явной социально-классовой подоплеки определениями в предпроцессный период в газете «Правда» составляет пропорцию 33/67 (%) (24/49 ед.) (рис. 1.1, а), а в газете «Известия» – 26/74 (%) (18/52 ед.) (рис. 1.1, б). Данные свидетельствуют о том, что отнюдь не всегда в прессе присутствовало указание на принадлежность «вредителей» к прослойке «буржуазных» специалистов. Чаще в публикациях допроцессного периода пропагандистской кампании высказывалась мысль о том, что большая часть «старой» интеллигенции все же добросовестно относилась к труду на советских предприятиях¹⁷³.

Представители советского партийно-государственного аппарата в своих выступлениях и докладах, декларативно заявляли, что отношение власти к

¹⁷² Lenoë M. Closer to the masses: stalinist culture, social revolution, and soviet newspapers. Cambridge, 2004. P. 89–93.

¹⁷³ См., например: Обращение ЦК союза горняков // Правда. 1928. 14 марта. № 62. С. 3; Специалисты и Шахтинское дело // Известия. 1928. 30 марта. № 76. С. 1; Врангель и уголь // Известия. 1928. 30 марта. № 76. С. 3.

специалистам не претерпит изменений. Председатель ВСНХ В. В. Куйбышев в своей речи 28 марта на собрании инженерно-технических работников Москвы и губернии, опубликованной в центральной прессе, уверял инженеров в отсутствии предмета для волнений¹⁷⁴. О том же чуть ранее говорил А. И. Рыков в речи на пленуме Моссовета 9 марта¹⁷⁵. Вероятно, политика партии имела несколько иную задачу, нежели добиться радикального политического отчуждения «буржуазной» интеллигенции.

Несмотря на заверения партийно-государственной элиты о продолжении прежней политики в отношении «буржуазных» специалистов, в советских СМИ был поставлен вопрос о необходимости наладить контроль над их работой. Так, первые же газетные материалы на тему «Шахтинского заговора» со всей очевидностью демонстрировали, что арест группы ответственных специалистов Донбасса обернется серьезными последствиями для всей социальной прослойки. Передовица «Известий» от 11 марта 1928 г. под заголовком «Жалкие попытки сорвать наше социалистическое строительство» в качестве новой формы контроля производственного процесса предлагала «при первом признаке неблагополучия» обращать внимание на «лица» инженерно-технического персонала. Это значило, что любые неполадки в первую очередь должны были рассматриваться как результат возможного «злого умысла» непосредственных руководителей производства. Их социальное происхождение при этом становилось важной характеристикой, свидетельствующей о производственной благонадежности: «Гнилые элементы должны быть удалены с производства и заменены красными пролетарскими спецами, как партийными, так и беспартийными»¹⁷⁶.

¹⁷⁴ Шахтинское дело и проблема специалистов... С. 3.

¹⁷⁵ Речь тов. А. И. Рыкова на пленуме Моссовета 9 марта. С. 2.

¹⁷⁶ Жалкие попытки сорвать наше социалистическое строительство // Известия. 1928. 11 марта. № 61. С. 1.

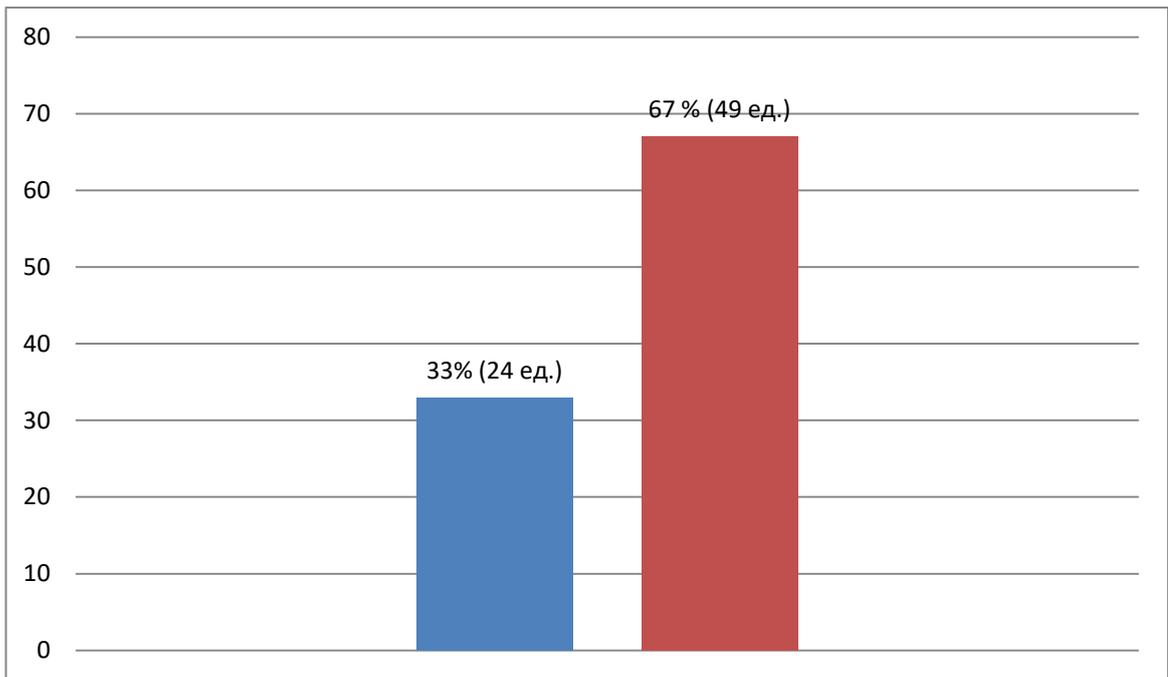
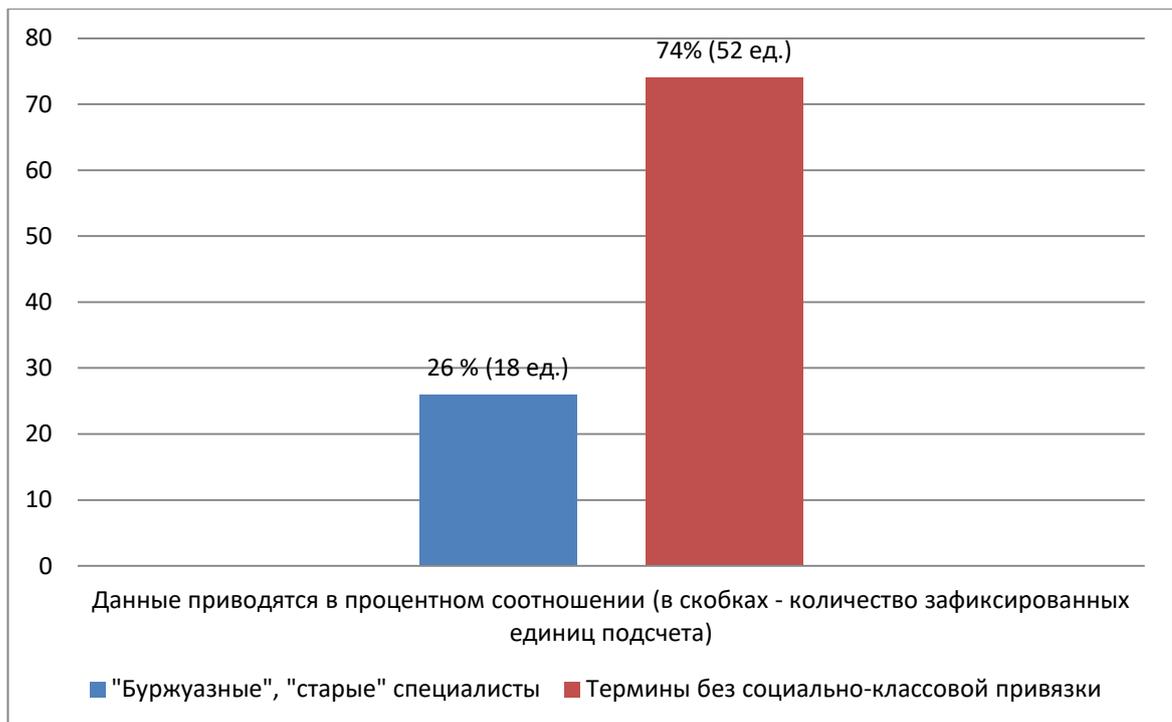
*а**б*

Рисунок 1.1 – Долевое соотношение количества употреблений терминов «буржуазные», «старые» специалисты и нейтральных терминов, не носивших классовой привязки (инженеры, инженерно-технические специалисты и др.) в газетах «Правда» (*а*) и Известия (*б*) с 10 марта по 17 мая 1928 г. (%)

В опубликованном 12 марта обращении ЦК Союза горнорабочих ко всем горнорабочим СССР была предложена новая формула отношения к инженерно-техническим кадрам: «Упорная борьба с саботажниками, но товарищеское отношение к честным специалистам. Борьба со спецедедством, но в то же время контроль и проверка работы специалистов, – такова должна быть линия хозяйственников, союза и рабочих»¹⁷⁷. Эта формула была подхвачена и растиражирована официальной пропагандой. Данные контент-анализа показывают, что процентное соотношение между высказываниями недоверия и декларациями необходимости «товарищеского» отношения к специалистам в предпроцессный период в газете «Правда» составляет приблизительно равную пропорцию 49/51 (%) (27/28 ед.) (рис. 1.2, а), а в «Известиях» – 50/50 (%) (23/23 ед.) (рис 1.2, б).

Объяснение «двусмысленному» на первый взгляд сочетанию «товарищеского» отношения и контроля, можно найти, обратившись к тому, какие способы надзора за деятельностью специалистов, помимо официальных проверок, предлагались советской пропагандой. Еще в передовице газеты «Правда» от 10 марта (авторами которой были И. В Сталин и Н. И. Бухарин) указывалось, что деятельность ИТР следует рассматривать сквозь призму «революционного чутья и коммунистической бдительности»¹⁷⁸. В дальнейшем о необходимости такого подхода писалось в целом ряде публикаций центральной прессы¹⁷⁹. Очевидно, что «революционное чутье и коммунистическая бдительность» не могли служить основаниями для выработки конкретных критериев, которыми должны были руководствоваться контролирующие организации или работники ОГПУ при определении наличия или отсутствия «контрреволюционного» умысла в деятельности ИТР.

¹⁷⁷ Беспощадная борьба с контрреволюционными вредителями социалистического строительства // Правда. 1928. 12 марта. № 62. С. 3.

¹⁷⁸ Об экономической контрреволюции в угольной промышленности // Правда. 1928. 10 марта № 60. С. 1.

¹⁷⁹ См., например: Речь А. И. Рыкова на пленуме Моссовета // Правда. 1928. 11 марта. № 61. С. 2; Обращение ЦК союза горняков // Правда. 1928. 14 марта. № 62. С. 3; Рабочие и техники о Шахтинском деле // Известия. 1928. 15 мая. № 111. С. 3.

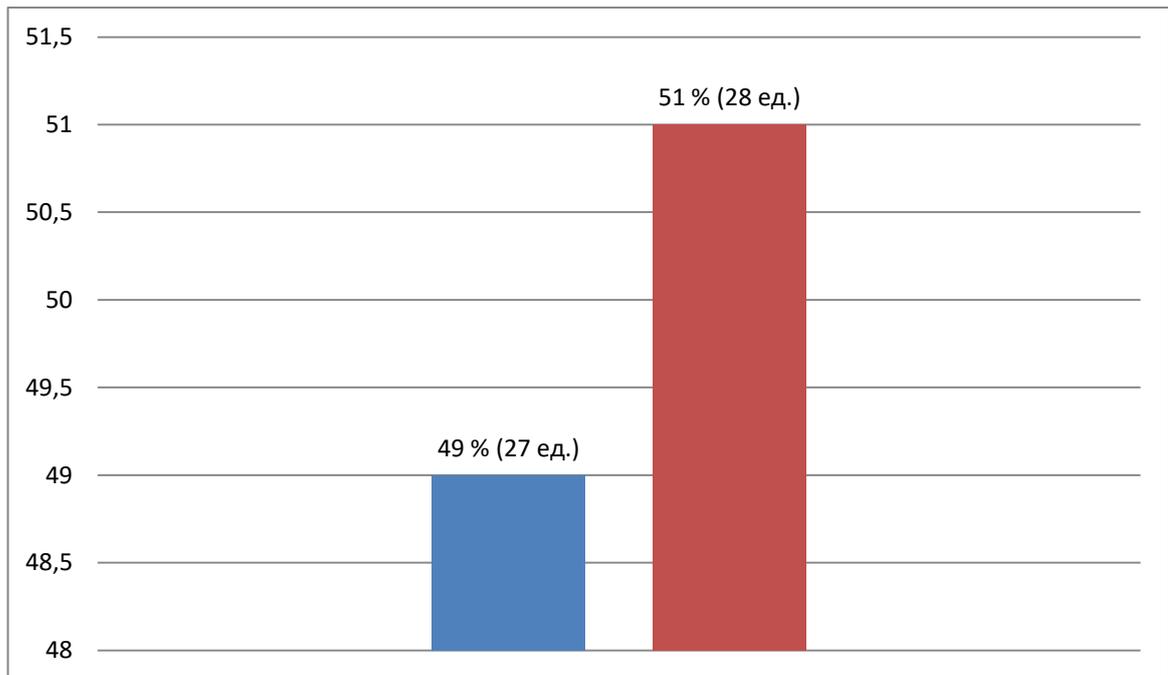
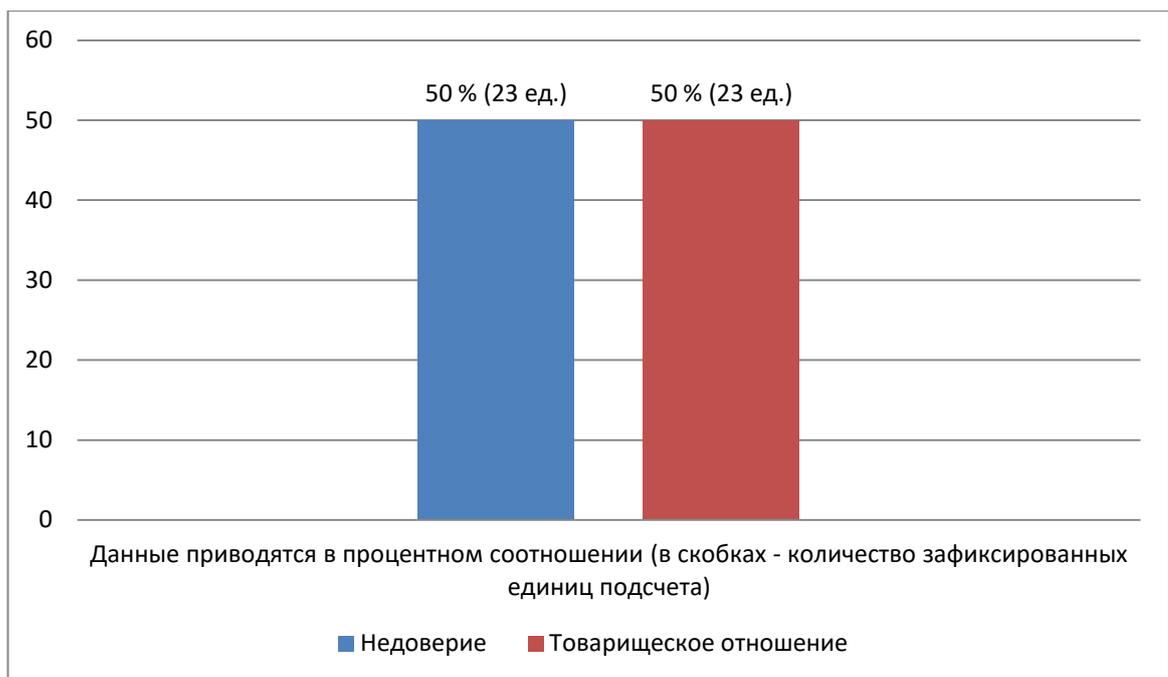
*a**б*

Рисунок 1.2 – Долевое соотношение высказываний недоверия / товарищеского отношения к специалистам в газетах «Правда» (а) и «Известия» (б) с 10 марта по 17 мая 1928 г.

Обладание «чутьем и бдительностью» не зависело от степени компетентности и полномочий индивида и тем более этими «чувствами» не могли быть наделены целые организации. Скорее они представлялись атрибутами «классового пролетарского сознания». Партия, таким образом, заявляя о незыблемости доверительного отношения к технической интеллигенции, делегировала активную роль в поиске «контрреволюционеров» непосредственно участникам производственного процесса, которые должны были, руководствуясь не поддающимися рационализации «чувствами», сигнализировать об актах «вредительства».

Поскольку не существовало никаких критериев, по которым можно было отличить проявление «революционного чутья» от спецедействия, то на деле это означало возможность для рабочих свести счеты с неудобными инженерами и техниками. В этом плане Шахтинский процесс должен был выглядеть не только расправой государства над своими врагами, но и актом осуществления «социальной справедливости».

Также отсутствовали критерии, которые помогли бы отличить умышленное «вредительство» от проявления «халатности». Это во многом запутывало и сами СМИ, которые после обнародования информации о «Шахтинском деле» активно взялись за вскрытие и освещение производственных ошибок, нерациональных технических и управленческих решений и их последствий. Отсутствие четких критериев ставило в тупик корреспондентов, публиковавших в региональной прессе заметки об обнаруженных проблемных ситуациях на производстве. Прежде всего это касалось определения наличия «злого умысла» в составе той или иной хозяйственной ошибки. Так, в заметке о неправильной проходке шахты им. Красина по вине местного маркшейдера, опубликованной 8 мая 1928 г. в газете «Красный шахтер», в заголовок был вынесен практически неразрешимый для ее автора вопрос: «Халатность или преступление?»¹⁸⁰. Аналогично в статье инженера Антонова, опубликованной 7 июня 1928 г. в газете «Советская Сибирь» и посвященной «бесхозяйственности» при разработке угля Прокопьевского

¹⁸⁰ Халатность или преступление? // Красный шахтер. 1928. 8 мая. № 104. С. 3.

рудника Кузбасса в подзаголовке значились те же вопросы: «Случайно это или умышленно? Кто виноват в этой бесхозяйственности? Не следует ли виновных посадить на скамью подсудимых?»¹⁸¹. Сомнения корреспондентов региональных газет доказывают, что отличить на практике умышленное вредительство от непреднамеренной ошибки или «бесхозяйственности» было невозможно, как не существовало критериев отличия «честных специалистов» от потенциальных «саботажников».

Пропагандистская кампания, подогревавшая истерию охоты на «вредителей», по всей видимости, вызывала ожидаемую для ее инициаторов реакцию. В сводках информотдела ОГПУ об откликах рабочих и специалистов Шахтинско-Донецкого округа на раскрытие «Шахтинского дела», составленных в марте-апреле 1928 г., зафиксированы многочисленные выступления рабочих местных предприятий, сигнализировавшие о происшествиях «в духе шахтинского вредительства»¹⁸². Рабочие указывали на недостатки и дороговизну строительства, выписывание ненужного импортного оборудования, простои и брак.

Кампания усиления бдительности в отношении «буржуазных» специалистов также находила отклик в рабочей среде. В сводке информационного отдела ОГПУ реакции рабочих и технической интеллигенции на «Шахтинское дело», составленной в начале апреля, приводятся соответствующие высказывания рабочих: «Надо не ручаться, а надо быть бдительнее к специалистам, тогда только можно быть уверенным»¹⁸³. Подозрительное отношение к работе ИТР распространилась и на регионы. Аналогичные суждения рабочих приводились в обзоре политэкономического состояния Новосибирского округа за март 1928 г.: «у нас, возможно, сидят такие же субъекты, как в Донбассе, их нужно выловить и выбросить»¹⁸⁴; «нужно быть осторожнее и следить за своим производством, так как опубликованные факты о Донбассе заставляют думать – не творится ли

¹⁸¹ Мощные угольные пласты Прокопьевского рудника забыты // Советская Сибирь. 1928. 7 июня. № 130. С. 3.

¹⁸² См.: Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 2. С. 943–954.

¹⁸³ Там же. С. 950.

¹⁸⁴ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 9. Л. 98.

подобное у нас»; «вот мы видим, что спецы наделали в Донбассе, теперь видно, что из себя эти спецы представляют...»¹⁸⁵.

В среде региональной научно-технической интеллигенции с большой настороженностью встретили известие о раскрытии «шахтинского заговора». Согласно сводкам информотдела ОГПУ в Шахтинско-Донецком округе, составленным в марте-апреле 1928 г., инженерно-технический персонал оценивал «Шахтинское дело» как «провокацию», начало «репрессий по отношению к техперсоналу», «отвлечение внимания от экономического кризиса»¹⁸⁶. Фиксировалось распространение антисоветских настроений и даже поддержки «контрреволюционной» деятельности «шахтинцев»¹⁸⁷.

Подобные настроения входили в диссонанс с опубликованными на страницах центральной прессы в марте-апреле резолюциями многочисленных собраний инженеров и техников, единогласно клеймивших «шахтинских» преступников¹⁸⁸. Такое выражение «благонадежности» выполняло очевидную пропагандистскую функцию. Тем самым инженерно-техническая общественность публично признавала официальную пропагандистскую риторику – якобы чекистская версия о предательстве группы «буржуазных» интеллигентов была принята большинством инженеров и техников. В среде ИТР раздавались презрительные отзывы о таких проявлениях лояльности: «это трусы, которые хотят выдвинуться и показать себя, что мы вполне благонадежный элемент и не желаем знаться с контрреволюционерами»¹⁸⁹.

Декларативное «отмежевание» от «преступников», по всей видимости, считалось недостаточным проявлением лояльности, поскольку в советской прессе перед специалистами ставилась задача доказать свою преданность идее социалистического строительства. Не случайно Н. В. Крыленко в интервью представителям ростовской прессы в марте назвал «Шахтинское дело»

¹⁸⁵ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 9. Л. 101.

¹⁸⁶ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 2. С. 940–957.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ См., например: Беспощадная борьба с контрреволюционными вредителями социалистического строительства // Правда. 1928. 11 марта. № 61. С. 2.

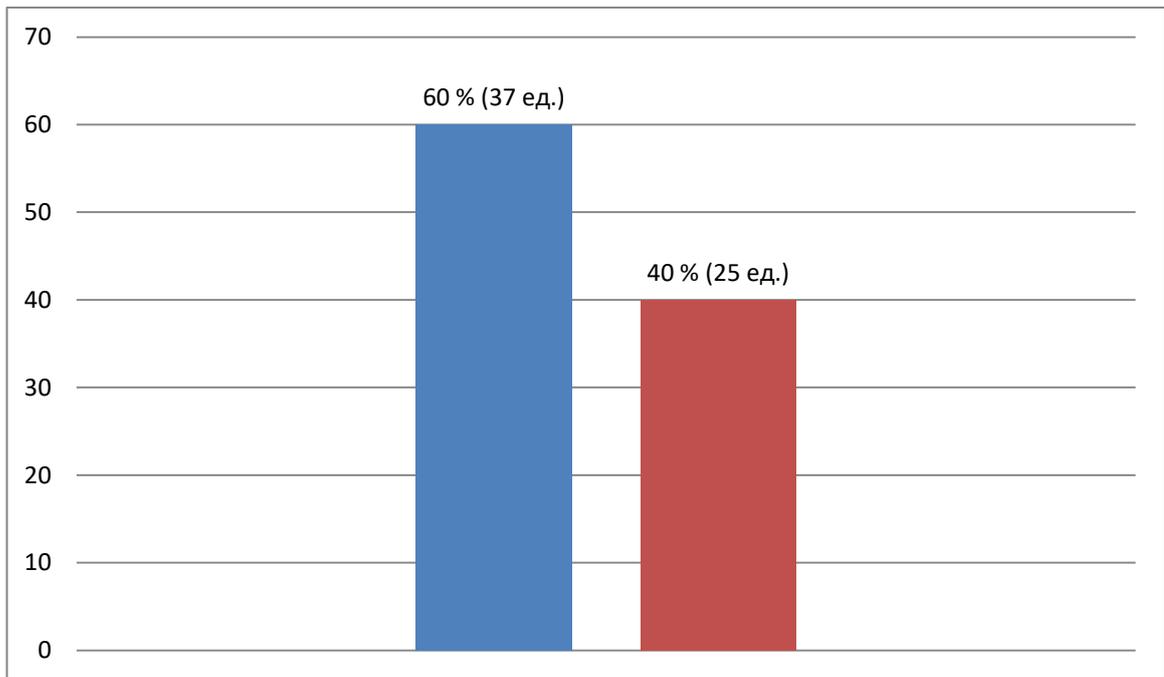
¹⁸⁹ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 2. С. 944.

«политическим экзаменом» для всей массы интеллигенции¹⁹⁰. Речь шла о том, что «инженер-обыватель» должен стать «инженером-общественником», т. е. отбросить «кастовую замкнутость», присущую интеллигентской прослойке, внимательно относиться к нуждам и требованиям рабочих, занимать активную политическую позицию. «Ближе к рабочему классу» – таков был предлагаемый «буржуазной» интеллигенции формат отношений с рабочими на производстве. Данные контент-анализа показывают, что соотношение призывов теснее сплотиться с партией и пролетариатом и призывов отмежеваться от «шахтинских вредителей» в газете «Правда» в предпроцессный период составляет пропорцию 60/40 (%) (37/25 ед.) (рис. 1.3, а), в «Известиях» – 71/29 (%) (23/9 ед.) (рис. 1.3, б) (разница в пропорциях между газетами объясняется тем, что именно в «Правде» публиковалась большая часть резолюций инженеров и техников об «отмежевании» от «шахтинских вредителей»). Преобладание темы «сплочения» как раз свидетельствует о том, что от инженера требовалось большее, нежели заявить о своем возмущении актами «вредительства». Если раньше условия сотрудничества государства и «буржуазных» специалистов выстраивались на капиталистических условиях найма, отныне государство демонстрировало, что правила изменились. В производственной культуре на смену императиву личного заработка должен был прийти императив сознательного участия в социалистическом строительстве.

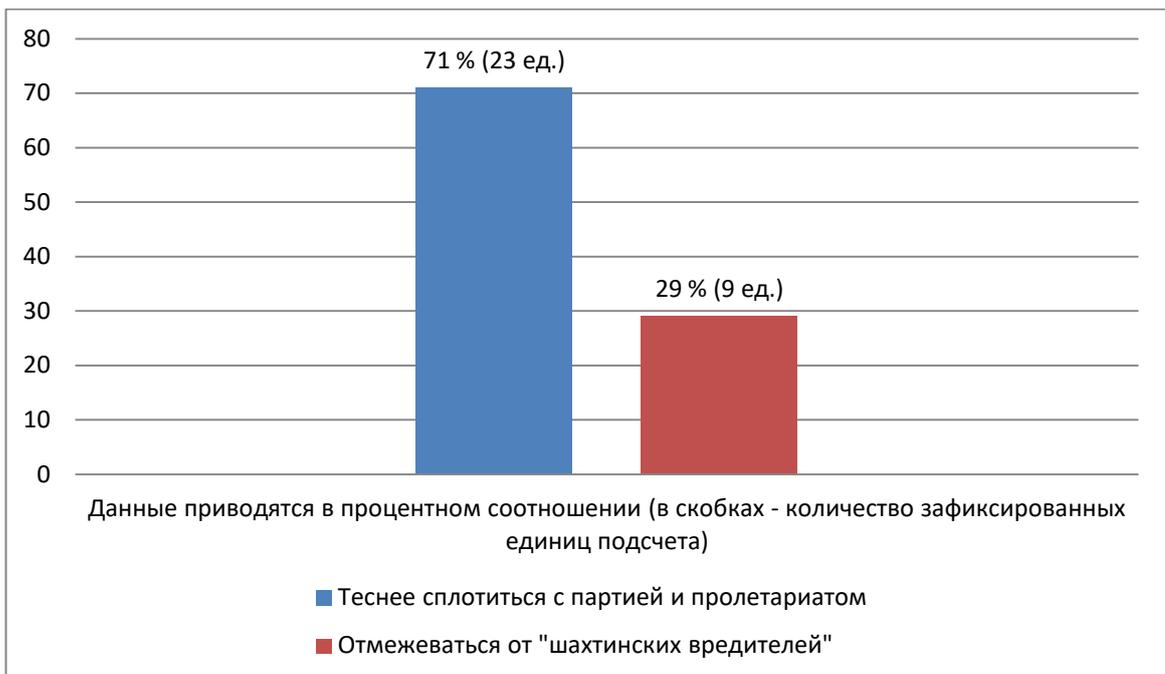
Всесоюзная конференция ВАРНИТСО (Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству), состоявшаяся 23–26 апреля 1928 г., в связи с этим выполняла немаловажную идеологическую роль. 24 апреля в газете «Правда» была опубликована статья Б. Волина, посвященная открытию конференции¹⁹¹. В данной статье автор делит всех инженеров и техников на 3 группы: тех, кто принял большевистскую идеологию во всей полноте, тех, кто занимает нейтрально-колеблющуюся позицию, и тех, кто выступает противником советской власти.

¹⁹⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 328. Л. 208–209.

¹⁹¹ Волин Б. ВАРНИТСО // Правда. 1928. 24 апр. № 95. С.3.

а

б

Рисунок 1.3 – Долевое соотношение призывов к технической интеллигенции теснее сплотиться с партией и пролетариатом / отмежеваться от «шахтинских вредителей» в газетах «Правда» (а) и «Известия» (б) с 10 марта по 17 мая 1928 г.

Исходя из такого деления, ВАРНИТСО, как указывалось в репортаже с конференции, опубликованном в «Правде» 25 апреля, поставила своей целью вовлечь того самого «инженера-средняка», нейтрально относившегося к советской власти, в активное идейное участие в социалистическом строительстве¹⁹². Так, членство в ВАРНИТСО становилось одним из возможных путей для инженеров объявить о своей активной позиции в деле содействия социализму в Советском Союзе.

Вместе с поощрением социально-политического активизма интеллигенции в статьях и выступлениях партийно-государственной элиты ставилась задача не допустить взрыва «спецедеческих» настроений в среде рабочих. Пропагандистские декламации о борьбе со «спецедедством» являлись очевидным популистским жестом в пользу декларированного сохранения статус-кво в отношении к «старым» специалистам. Необходимо учитывать, что вместо «спецедедства» поощрялись идеологически приемлемые формы проявления антиинтеллигентских настроений, основанные на «коммунистической бдительности» и «классовом чутье».

Однако следует еще раз подчеркнуть, что раздражение рабочей массы вызывало не только «привилегированное» положение специалистов, но и бесправие перед коммунистами-управленцами. Советская пресса не допускала суждений о хозяйственниках как о прямых пособниках «контрреволюционеров». Разумеется, нельзя было избежать публичной критики хозяйственников, под носом которых «контрреволюционная организация» несколько лет занималась «вредительством». Коммунисты-управленцы критиковались за неспособность в полной мере овладеть рычагами управления производством, освоить его техническую сторону¹⁹³. Поэтому, следуя логике пропаганды, хозяйственники, как и рабочие, были обмануты технически грамотными «буржуазными» специалистами.

¹⁹² Всесоюзная конференция ВАРНИТСО // Правда. 1928. 25 апр. № 96. С. 6.

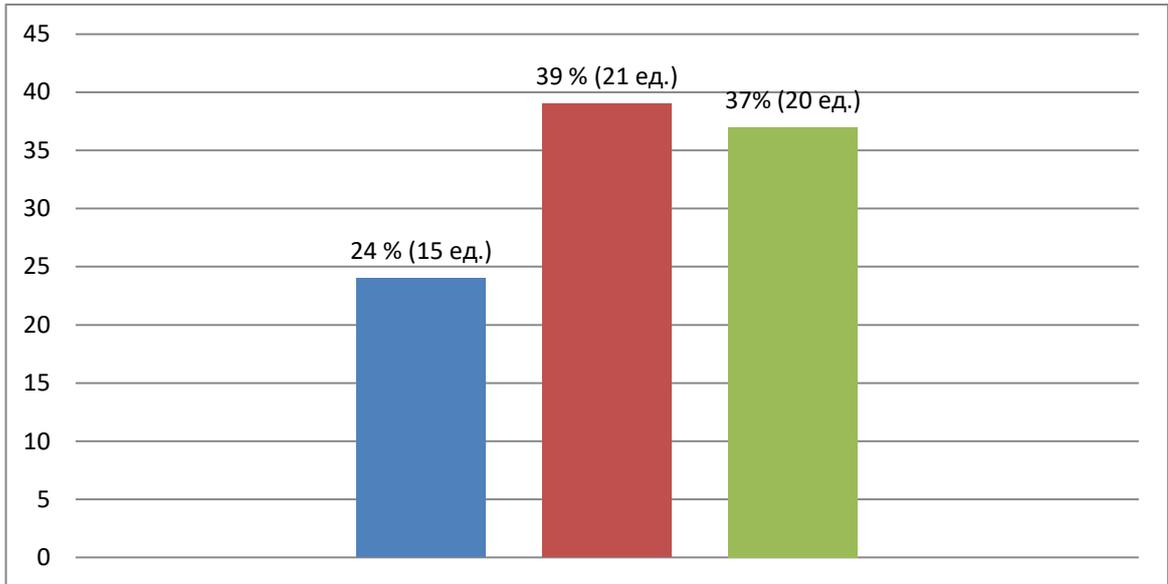
¹⁹³ См., например: Речь тов. А. И. Рыкова на пленуме Моссовета 9 марта. С. 4.

Под острие критики в советских СМИ попали не только хозяйственники, но и вся система низовых организаций, составлявших так называемый «треугольник» (партийные, профсоюзные и хозяйственные органы). Критика проводилась в основном в выступлениях партийно-государственной элиты¹⁹⁴ и редакционных статьях¹⁹⁵. В вину профсоюзным и партийным организациям ставилось невнимательное отношение к нуждам и жалобам рабочих, попустительское действиям специалистов, оторванность организаций от рабочих масс.

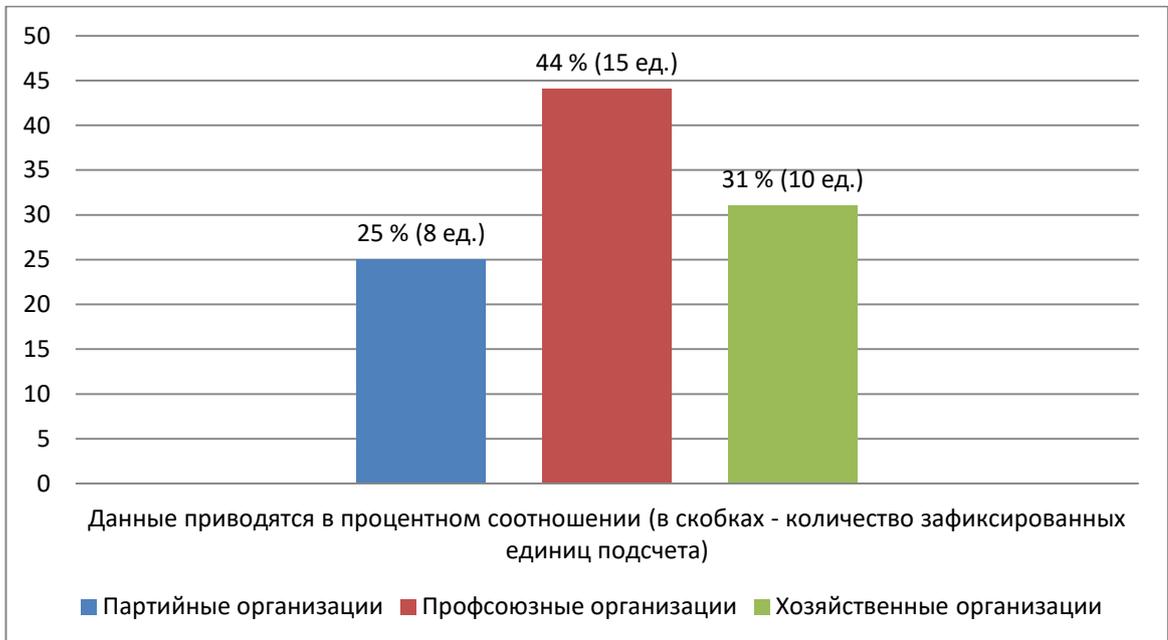
Общее соотношение прозвучавшей в газетах «Правда» и «Известия» критики партийных, профсоюзных и хозяйственных организаций составило в предпроцессный период в газете «Правда» пропорцию 24/39/37 (%) (13/21/20 ед.) (рис. 1.4, а), в «Известиях» 25/44/31 (%) (8/15/10 ед.) (рис. 1.4, б). Как показывают данные контент-анализа, наибольшему прессингу в указанных газетах подверглись профсоюзные органы. Это можно объяснить тем, что «буржуазные» специалисты, в том числе и члены «контрреволюционной организации», находились в составе инженерно-технических секций, поэтому «близорукость» профсоюзных организаций, неспособность их встать на защиту рабочих критиковалась в первую очередь. Кроме того, профсоюзные организации немедленно начали кампанию самоочищения от недостатков, обнаруженных в связи с раскрытием «Шахтинского дела». Так, в апреле 1928 г. состоялись поочередно всесоюзный съезд инженеров-горняков (3–9 апреля) и всесоюзный съезд горнорабочих (20–25 апреля), ход которых освещался в центральной прессе. Отсюда загруженность рассматриваемого периода ведения пропагандистской кампании профсоюзной темой.

¹⁹⁴ См.: Речь тов. А. И. Рыкова на пленуме Моссовета 9 марта. С. 4.; Задачи инженерно-технических работников в новом строительстве СССР (общегородское собрание инженеров и техников). Доклад тов. В. В. Куйбышева // Известия. 1928. 30 марта. № 76. С. 3; Доклад тов. Сталина на активе московской организации о работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК 13 апреля 1928 г. // Известия. 1928. 18 апр. № 90. С.; Бухарин Н. И. Уроки хлебозаготовок, шахтинского дела и задачи партии // Известия. 19 апр. № 91. С. 3–4. и др.

¹⁹⁵ См.: Жалкие попытки сорвать наше социалистическое строительство // Известия. 1928. 11 марта. № 61. С.1; Специалисты и Шахтинское дело // Известия. 1928. 30 марта. № 76. С. 1; Объединенный пленум об уроках Шахтинского дела // Известия. 1928. 14 апр. № 89. С. 1 и др.

а

б

Рисунок 1.4 – Долевое соотношение критики партийных, профсоюзных и хозяйственных организаций в газетах «Правда» (а) и «Известия» (б) с 10 марта по 17 мая 1928 г.

В апреле 1928 г. задача была развернуть уже не только внутрипартийную, но и пролетарскую «самокритику». И. В. Сталин в докладе о работе апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) следующим образом обосновывал ее необходимость: «Речь идет о том, чтобы организовать в порядке самокритики и критики наших

недостатков широкое общественное мнение партии, широкое общественное мнение рабочего класса, как живой и бдительный моральный контроль, к голосу которого должны внимательно прислушиваться авторитетнейшие вожди, если они хотят сохранить за собой доверие партии, доверие рабочего класса»¹⁹⁶. Лозунг «самокритики» был подхвачен советскими СМИ и закреплен на знамени борьбы за очищение управленческого аппарата от бюрократизма и бесхозяйственности. «Самокритика» преподносилась как необходимый элемент рабочей демократии и как средство обучения рабочих управлению¹⁹⁷. Она должна была «поднять политическую культуру рабочего класса, развить в нем чувства хозяина страны и облегчить обучение рабочего класса делу управления страной»¹⁹⁸.

Главным субъектом «самокритики» выступал рабочий класс, который должен был указать «оторвавшейся от масс» управленческой верхушке на ошибки в их работе. Ценность и своевременность «самокритики» заключалась в том, что сам этот термин предполагал единство субъекта и объекта критики. Таким образом, формировалось поле «товарищеской» критики, при которой не действовали императивы поиска внутреннего «врага». Происходило различение критики, основывавшейся на «революционном чутье», и «самокритики», которая не предполагала деления на «своих» и «чужих». «Самокритика», таким образом, являлась каналом, управляя которым, власть могла защитить широкий круг лиц, включая коммунистов-управленцев, от смешивания их с «контрреволюционерами-вредителями».

«Самокритика» использовалась и для контроля над деятельностью партийных, хозяйственных и профсоюзных организаций. При этом пресса призвана была играть исключительную роль, предавая огласке факты обнаруженных изъянов в работе ответственных за производство организаций. Нельзя не отметить, что проблемы прессы и, в частности, рабселькоровского движения (письма и заметки рабселькоров оставались без должного внимания со

¹⁹⁶ Доклад тов. Сталина на активе московской организации о работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК 13 апреля 1928 г. С.3.

¹⁹⁷ Бухарин Н. И. Уроки хлебозаготовок, шахтинского дела и задачи партии. С. 3–4.

¹⁹⁸ Советы и самокритика // Известия. 1928. 15 июня. № 137. С. 1.

стороны редакций газет) стали особенно остры после раскрытия «Шахтинского дела». Под острую критику попала газета «Красный шахтер» как орган Шахтинско-Донецкого окружкома ВКП(б). Так, в передовице ростовской газеты «Молот» от 5 апреля 1928 г. было заявлено, что «Красный шахтер» «несет, наряду с другими организациями, ответственность за несвоевременное разоблачение деятельности шахтинских контрреволюционеров, за отрыв от рабселькоровских масс»¹⁹⁹. Это, в свою очередь, побудило шахтинскую газету заняться «самокритикой». В ответ на размещенную в «Молоте» статью «Красный шахтер» опубликовал 6 мая собственную передовицу, в которой признавались выявленные отрицательные стороны в работе газеты: «Рабкоры писали о недочетах производства, о развившейся экономической контрреволюции, но недостаточно энергично боролись за то, чтобы довести дело до конца, чтобы заставить обратить внимание на творившиеся безобразия. Редакция газеты не обращала внимания на письма рабочих, бездушно, по-казенному относилась к ним и не сигнализировала соответствующим инстанциям о подлой вредительской работе контрреволюционных спецов»²⁰⁰. Такого рода критика фиксировала тенденцию переориентации региональной прессы на задачи чуть ли не «полицейского» контроля над общественно-производственной жизнью на местах. В соответствии с новыми задачами прессы региональные газеты занялись публикацией материалов, в той или иной форме обличавших недостатки работы местных «треугольников» – партийных, профсоюзных и хозяйственных организаций. Такие материалы публиковались в основном в форме заметок рабселькоров, объединенных в тематические рубрики. Так, в газете «Молот» периодически публиковался «Листок РКИ», занимавший, как правило, страницу газетного номера, в котором и помещались заметки такого рода.

Феномен «экономической контрреволюции» являлся политическим отображением социального антагонизма. Под прикрытием защиты пролетарского государства от внешних и внутренних «врагов» готовилась судебная расправа над

¹⁹⁹ Печать и шахтинские уроки // Молот. 1928. 5 апр. № 2005. С. 1.

²⁰⁰ Да здравствует пролетарская печать // Красный шахтер. 1928. 3 мая. № 103. С. 1.

53 инженерами и техниками, действительным мотивом которой было потакание социально-реваншистским тенденциям в рабочей среде. Для руководства ВКП(б) это была возможность подтвердить репутацию пролетарской партии. При этом социальный реванш не должен был поколебать производственно-экономические основы советского государства, поэтому власть обеспечила себя рычагами контроля над стихийным и антиинтеллигентским по своей природе пролетарским протестом. С одной стороны, используя пропагандистские ресурсы, партия частично легитимировала практики, которые ранее считались маргинальными и маркировались как «спецеество», замаскировав их под проявления «революционного чутья» и «коммунистической бдительности». С другой стороны, идеологизированный образ «контрреволюционера-вредителя» служил сдерживающим фактором, поскольку пропагандистская кампания использовала формулу все же не социально-классового отчуждения (когда бы врагом предстала вся «буржуазная» интеллигенция), а скорее политического отчуждения (когда внутренним врагом явились «контрреволюционеры-вредители» как «отщепенцы» своей социальной прослойки, совершившие предательство). Существовала как взаимосвязь между социальным основанием конфликта и его политическим обоснованием (пропагандистская кампания выделяла прослойку «буржуазной» интеллигенции в «группу риска»), так и дистанция между ними, которая позволяла задействовать механизмы регулирования, отбора и отграничения лиц, которых власть позволяла принести в жертву.

1.3. Внешнеполитический аспект «Шахтинского дела» в советской пропаганде

Заграничные связи «контрреволюционной организации», будто бы выявленные ОГПУ, а также арест пяти немецких инженеров 7 марта 1928 г. по обвинению в пособничестве «вредителям» делали Шахтинский процесс не только фактором внутренней политики, но и событием, влиявшим на межгосударственные отношения. Аресты немецких специалистов привели к тому,

что германская сторона 17 марта 1928 г. покинула советско-германскую экономическую конференцию, проходившую в тот момент в Берлине.

Советское руководство вполне осознанно придавало «Шахтинскому делу» международный резонанс. Более того, советская сторона рассчитывала сделать реакцию на Шахтинский процесс подконтрольной, управляемой. Одна составляющая данной работы заключалась в том, чтобы отдел печати НКВД подвергал цензуре телеграммы иностранных корреспондентов в Москве, прагматично полагая, что те не станут излишне рисковать своей аккредитацией в СССР. Вторая составляющая управления информационным потоком, поступавшим из-за рубежа о «Шахтинском деле», заключалась в том, чтобы избирательно подходить к размещению в советской центральной печати материалов зарубежной прессы. Печатались краткие резюме публикаций только тех иностранных газет, которые либо работали на подкрепление официальной советской версии «дела», либо содержали такое альтернативное освещение, которое трактовалось как предвзятое, антисоветское, пригодное для иллюстрации агрессивности буржуазных стран. Таким образом, читателям советских газет предлагалась по сути квазиконтрпропаганда, т. е. реакция на заранее отобранные иностранные отклики на «Шахтинский процесс», которые интерпретировались в соответствии с идеологическим постулатом «классовой борьбы».

Советская сторона крайне внимательно подходила к подаче в СМИ информации о заграничных связях «контрреволюционной организации». Историк С. Дюллен пишет, что «выбор иностранных мишеней “Шахтинского дела” определялся характером отношений СССР с разными странами»: аресты германских инженеров были продиктованы желанием использовать процесс как инструмент давления на Германию в экономических переговорах; в напряженных отношениях с Великобританией, Францией и Польшей, напротив, следовало

проявлять осторожность при выдвижении обвинений в адрес их граждан и структур²⁰¹.

Еще за неделю до начала пропагандистской кампании И. В. Сталин отметил особую важность иностранного следа «вредительства». В письме И. В. Сталина и В. М. Молотова от 2 марта 1928 г. с предложением Политбюро организовать специальную комиссию по «Шахтинскому делу», говорилось о контактах группы «вредителей», во-первых, с бывшими владельцами рудников Донбасса в эмиграции, во-вторых, с немецкими капиталистами и «контрреволюционерами» в Польше²⁰². При этом сюжет, связанный с причастностью немецкого капитала к «шахтинской организации», был помечен как представляющий особый интерес в связи с грядущими в Германии выборами в рейхстаг. Следствие и суд по «Шахтинскому делу» добавили бы политические очки Коммунистической партии Германии, получавшей новый повод для антикапиталистической пропаганды.

Информация о заграничных связях «шахтинской организации» впервые была представлена публично в сообщении прокурора Верховного суда СССР П. А. Красикова «О раскрытии контрреволюционного экономического заговора»²⁰³, напечатанном в центральной и региональной советской прессе 10 марта 1928 г. Соответственно, информация пошла по налаженным каналам и за рубеж. Та часть сообщения прокурора Верховного суда, в которой шла речь об иностранных связях организации не единожды подвергалась исправлению, прежде чем была выработана приемлемая формула, которая пошла в печать. Так, следуя исходному варианту, «организация» якобы имела связи с «некоторыми германскими промышленными фирмами и польской контрразведкой»²⁰⁴. Н. И. Бухарин впоследствии изменил эту формулировку, смягчив ее прежде всего в отношении германских фирм – в итоге констатировалась лишь связь

²⁰¹ Дюллен С. Роль международного вопроса в политических процессах в СССР. «Шахтинское дело» и советская внешняя политика // Судебные политические процессы в СССР и странах Европы. Новосибирск, 2010. С. 71–72.

²⁰² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 328. Л. 8.

²⁰³ Красиков П. От прокурора Верховного суда Союза. Сообщение о раскрытии контрреволюционного экономического заговора // Известия. 1928. 10 марта. № 60. С. 2.

²⁰⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 328. Л. 149.

«шахтинских контрреволюционеров» с их отдельными представителями²⁰⁵. Тем самым первоначальная идея И. В. Сталина связать «шахтинскую организацию» с германскими промышленными фирмами реализовалась в более мягкой формулировке об участии во «вредительстве» лишь отдельных их представителей. Это можно объяснить тем, что в ходе согласований внутри советского руководства восторжествовала более взвешенная позиция, поскольку радикальный вариант грозил потерей уже заключенных контрактов с германскими фирмами.

При этом чекистское следствие, которое активно шло вплоть до начала мая 1928 г. теперь уже в Харькове и Москве, продолжало расширять круг иностранных связей «шахтинской организации». В докладной записке секретаря ЦК КП(б) Украины Л. М. Кагановича И. В. Сталину от 26 апреля о результатах следствия говорилось, что «контрреволюционная организация» якобы была связана с польским и французским посольствами в Москве, польским генеральным консульством в Харькове, французским военным министерством, бюро политической полиции в Берлине и некоторыми правительственными кругами в Германии. Далее делался вывод, что «организация являлась поистине агентом империалистов, заключая также соглашение с французским посольством в Москве о ведении и в пользу французов шпионской диверсионной работы»²⁰⁶. Такое видение заграничных связей «шахтинской организации», будь оно представлено в советской печати, грозило серьезными осложнениями в отношениях со странами, официальные учреждения которых упоминались в числе руководящих сил «организации». Об этом предупреждал нарком иностранных дел Г. В. Чичерин, направив 26 апреля письмо А. И. Рыкову, в котором настаивал на том, что «упоминание в процессе Французского посольства и Польского консульства было бы настолько тяжелым нарушением нормальных отношений, что могло бы иметь самые тяжелые последствия»²⁰⁷. Тем не менее, позднее, в канун процесса, в опубликованном в центральной прессе «обвинительном

²⁰⁵ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 1. С. 190.

²⁰⁶ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД... С. 156–157.

²⁰⁷ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 1. С. 306.

заклучении» констатировалась связь «шахтинцев» не только с торгово-промышленными заграничными и эмигрантскими кругами, но и с официальными учреждениями Франции и Польши²⁰⁸. «Экономическая контрреволюция» предполагала тесную связь «вредительства» внутри страны и внешнего капиталистического окружения, хотя это шло вразрез с прагматичными предупреждениями НКВД.

Несмотря на упоминания о связях «контрреволюционной организации» с официальными организациями Франции и Польши, советские газеты не помещали на своих страницах отклики правительственных кругов и официальной прессы данных государств. При этом французское правительство, как показывает А. С. Шаповалова, проявляло значительное беспокойство в связи с раскрытием «шахтинской контрреволюционной организации». «Шахтинское дело», с одной стороны, воспринималось французскими официальными властями как новый шаг, предпринятый СССР, в сторону ухудшения советско-французских отношений, а с другой стороны, оценивалось как сулящее перспективы для реализации французской системы коллективной безопасности в Европе, к которой могла бы подключиться Германия в случае разрыва ее отношений с СССР²⁰⁹. Очевидный акцент в советской прессе на разборе германских СМИ и отсутствие целенаправленного анализа французской и польской реакции на «Шахтинское дело» можно объяснить тем, что советско-германские взаимоотношения представляли значительно больший повод для волнений. Арест германских инженеров внес разлад в продолжительное сотрудничество двух стран, что имело следствием приостановку экономических переговоров по инициативе немецкой стороны. Шахтинский процесс оказался своего рода политическим испытанием «на прочность» внешнеполитических связей СССР и Веймарской республики. Отсюда акцентированное внимание к освещению реакции немецкой прессы – от

²⁰⁸ Экономическая контрреволюция в Донбассе // Известия. 1928. 12 мая. № 109. С.4.

²⁰⁹ Шаповалова А. С. Кризис советско-немецких отношений («Шахтинское дело» глазами французских дипломатов) // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2011. С. 94–102.

газет германских официальных учреждений до изданий радикально левого и радикально правого толка.

Используя в своих интересах определенный ажиотаж в иностранной прессе вокруг «Шахтинского дела», советская пропаганда афишировала раскол заграничного общественного мнения в связи с арестами «вредителей» в СССР. В статье, опубликованной в мае 1928 г. в журнале «Коммунистический интернационал», главном органе Коминтерна, выходившем на основных европейских языках, отмечалось, что, как только впервые были опубликованы данные о «шахтинском заговоре», «весь живущий политической жизнью мир, раскололся в этом вопросе на два непримиримых лагеря, – явление, ставшее уже общим правилом в последние годы крайне обостренных классовых отношений»²¹⁰. И если, согласно коминтерновской трактовке, в пролетарской среде «прокатилась волна возмущения против шахтинских контрреволюционных вредителей», то «буржуазия и ее социал-демократические подголоски» встали на их защиту и использовали арест для «нового наступления на СССР»²¹¹.

Арест немецких инженеров вызвал всплеск антисоветских настроений в общественном мнении Германии, нашедший отражение в прессе. Как отмечает исследователь А. И. Савин, негативное влияние на германское общественное мнение оказали сделанные А. И. Рыковым и П. А. Красиковым задолго до начала процесса заявления о виновности арестованных немцев, после которых суд по делу «шахтинцев» не вызывал особого доверия в Германии²¹². На враждебный настрой германской прессы влияли и другие факторы: желание немецких журналистов защитить арестованных соотечественников, сомнение части политических и промышленных кругов Германии в перспективности заключения новых экономических соглашений с СССР. Как пишет А. И. Савин, «немецкие газеты заполнились резкими выступлениями, в том числе относительно скудности

²¹⁰ Шахтинское дело // Коммунистический Интернационал. 1928. № 21. С.3.

²¹¹ Там же.

²¹² Савин А. И. «Гнусности немецких корреспондентов были колоссальным затруднением...» (восприятие советской стороной освещения в немецкой прессе «Шахтинского дела») // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2011. С. 87.

информации о судьбах арестованных и предъявленных им обвинениях, предоставляемой советской стороной»²¹³.

Информация о реакции германских СМИ на «Шахтинское дело» передавалась либо через агентство ТАСС, либо посредством корреспондентов советских изданий (например, «Известия» пользовались услугами собственного корреспондента в Германии Л. Кайт). В обзоре «Известий» от 17 марта 1928 г. германская пресса, которая с точки зрения советской идеологии выражала интересы того или иного класса, представлялась расколовшейся на два лагеря²¹⁴. С одной стороны, «буржуазные» (либеральные и националистические) издания (например, «Дейтше Альгемейне Цейтунг» и «Берлинер Тагеблатт») и социал-демократическая газета «Форвертс» выражали недоверие к информации о «Шахтинском деле», сообщенной советской стороной, а с другой стороны, коммунистическая «Роте Фане» и печатные издания левого крыла социал-демократической партии («Социальдемократише Прессебиндст», «Хемницер Фолькштимме») поддерживали борьбу СССР с «экономической контрреволюцией»²¹⁵. Исключение составляли газеты немецких официальных учреждений (например, орган германского МИД «Дейче Дипломатиш-Политише Корреспонденц»), которые, по оценкам советской прессы, занимали осторожную позицию, отказываясь от огульного осуждения советской политики как в отношении арестованных немцев, так и в отношении организации и проведения Шахтинского процесса²¹⁶.

Разделение германской прессы на два лагеря («врагов» и «друзей») лишь отчасти отражало противоречивость позиций германских элит по «Шахтинскому делу» и перспективам дальнейшего экономического сотрудничества с СССР. Часть немецких торгово-промышленных кругов оказывала сопротивление дальнейшему развитию экономических контактов с СССР. П. В. Макаренко, изучавший влияние «Шахтинского дела» на советско-германские отношения,

²¹³ Савин А. И. «Гнусности немецких корреспондентов были колоссальным затруднением...»... С. 89.

²¹⁴ Советско-германские экономические переговоры прерваны // Известия. 1928. 17 марта. № 65. С. 1.

²¹⁵ «Роте Фане» о раскрытии контрреволюционного заговора в Донбассе // Правда. 1928. 15 марта. № 63. С. 1.

²¹⁶ Германский официоз о приостановке экономических переговоров // Правда. 1928. 17 марта. № 65. С. 1.

отмечал отрицательное отношение части промышленников и банков к вопросу о предоставлении СССР крупных кредитов, обсуждавшемся на экономических переговорах²¹⁷. К тому же арест инженеров немецких фирм подрывал уверенность германских промышленников в безопасности находящихся на территории Советского Союза специалистов, а также в выполнении советской стороной заключенных контрактов. Наиболее резкой была реакция «АЕГ» («Всеобщая электрическая компания»), чьи инженеры подверглись аресту. «АЕГ» угрожала отозвать из СССР всех служащих и прервать любое дальнейшее сотрудничество с советским правительством. О такой позиции председателя совета директоров «АЕГ» Ф. Дейча писал посол Германии в СССР У. Брокдорф-Ранцау в телеграмме рейхсминистру иностранных дел Г. Штреземану 12 марта 1928 г.²¹⁸

Позже, Г. Штреземан в телеграмме У. Брокдорф-Ранцау от 14 марта 1928 г. упомянул, что фактором приостановления экономических переговоров являлся отказ предпринимателей-членов немецкой делегации участвовать в предстоящем финальном раунде. При этом сам Г. Штреземан выразил надежду на возобновление переговоров после урегулирования инцидента с арестами немецких инженеров²¹⁹. По всей видимости, германское правительство, заинтересованное в продолжении сотрудничества, действительно зависело от занявших «позу» промышленников. О давлении на правительство со стороны деловых кругов свидетельствовал тот факт, что Союз промышленников Германии 30 марта потребовал от германского правительства принять активные меры против преследования немецких подданных в Советском Союзе²²⁰.

Советские предположения о причинах демарша против экономических переговоров СССР и Германии были изложены в сообщении ТАСС, опубликованном в газете «Правда» 24 марта 1928 г. Для немецкого торгового капитала и легкой промышленности (производящей готовые фабрикатy) политика индустриализации существенно ограничивала возможности сделок с Советским

²¹⁷ Макаренко П. В. «Шахтинский процесс» и его влияние на советско-германское сотрудничество // Вопросы истории. 2013. № 10. С. 3–15.

²¹⁸ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 2. С. 846.

²¹⁹ Там же. С. 850.

²²⁰ Макаренко П. В. «Шахтинский процесс»... С. 7.

Союзом из-за государственной монополии на внешнюю торговлю в СССР. Также и некоторые представители тяжелой промышленности пытались выстроить путем соглашения с западноевропейскими государствами единый фронт против монополии внешней торговли²²¹. При этом, не описывая детально реакцию английской и французской прессы на приостановление экономических переговоров в Германии, советские газеты характеризовали ее как восторженную, поскольку открывалась перспектива присоединения Германии к антисоветскому блоку.

Позиция, согласно которой причиной срыва экономических переговоров считался принцип государственной монополии на внешнюю торговлю в СССР, связывала противоречия советско-германских взаимоотношений с борьбой социалистического и капиталистического принципов построения экономики. Более того, в советской прессе высказывалось мнение о сознательном использовании арестов немецких инженеров для продуманной политической атаки против СССР. В статье И. Горкина, опубликованной в «Известиях» 6 апреля, утверждалось, что арест немецких инженеров явился только удобным предлогом для осуществления некоторыми германскими кругами давно готовившейся враждебной демонстрации, подлинные причины которой лежат значительно глубже поверхностных официальных объяснений. Эти причины И. Горкин предлагал искать в белоэмигрантских и иностранных империалистических влияниях, а также в тех социально-экономических противоречиях, которые характеризуют современное состояние германского хозяйства²²².

В ракурсе советской пропаганды само возникновение и деятельность «шахтинской контрреволюционной организации» трактовались как проявление капиталистической политики по отношению к СССР: «Шахтинский процесс есть непосредственная тяжба между строящимся в СССР социализмом и мировым капитализмом, который стремится всевозможными преступными средствами

²²¹ Советско-германские отношения // Правда. 1928. 24 марта. № 71. С. 2.

²²² Горкин И. Союз германских промышленников и внешняя политика Германии // Известия. 1928. 6 апр. № 82. С. 2.

помешать индустриализации СССР, – сорвать эту индустриализацию и в то же время скрыть эти преступления от глаз миллионов пролетариев всего мира и внушить им мысль, что пролетариат, осуществляя свою диктатуру, никогда не способен будет овладеть производством»²²³. Соответственно, германский капитализм сквозь призму советской идеологии воспринимался как враждебная сила, активность которой и вызвала к жизни «шахтинскую контрреволюцию». Германское же правительство в соответствии с марксистским пониманием буржуазного государства как выразителя интересов господствующего класса расценивалось как проводник влияния капиталистических кругов: «Правительство буржуазного блока Маркса – Штреземана под нажимом империализма Антанты и все усиливающихся империалистических вождельней германского империализма проводило политику сближения с Антантой. Эта политика стимулируется конкретными империалистическими надеждами германского капитализма, которые он пытается осуществить путем сближения с Западом, и опирается на иллюзии значительных слоев населения, связанные с Лигой Наций, с Локарно и т. д.»²²⁴. Накануне выборов в рейхстаг, как отмечалось в журнале «Коммунистический Интернационал», правительство не решилось заключить с СССР новый экономический договор и использовало повод «Шахтинского дела» для свертывания переговоров²²⁵.

В совокупности советская пропагандистская кампания следовала трем установкам: во-первых, не соотносить приостановление советско-германских экономических переговоров с арестом немецких инженеров по «Шахтинскому делу»; во-вторых, возлагать ответственность за кризис в переговорах на германскую сторону; в-третьих, связывать причины возможного срыва переговоров с неприятием советского принципа государственной монополии на внешнюю торговлю.

²²³ Шахтинское дело // Коммунистический Интернационал. 1928. № 21. С. 11.

²²⁴ Контрреволюционный заговор в Донском бассейне и наступление на СССР // Коммунистический Интернационал. 1928. № 12. С. 3.

²²⁵ Там же.

Однако тот факт, что органы прессы официальных германских учреждений попадали при оценке реакции на «Шахтинское дело» в отдельную категорию, говорит и о некотором политическом прагматизме советских СМИ. Советской прессой были с воодушевлением приняты высказывания официальных кругов Германии о намерениях сохранить тесные контакты с СССР. По опубликованному в «Правде» 17 марта сообщению из Берлина, орган германского МИДа «Дейче Дипломатиш-Политише Кореспонденц», комментируя приостановку советско-германских экономических переговоров, выразил от имени правительства «надежду на быстрое разрешение конфликта», а также заявил о том, что германское правительство не намерено принципиально изменять курс своей политики по отношению к СССР, «а скорее стремится только к тому, чтобы не дать возникнуть вокруг этих и без того не простых и не легких переговоров такой атмосфере, могущей, благодаря понятному возбуждению всех участвующих в переговорах хозяйственных кругов, повредить окончательным результатам переговоров, которые, по всей вероятности, будут удовлетворительными»²²⁶. В ответ советская пресса декларировала взаимную надежду на возобновление прерванных экономических переговоров²²⁷.

Такая позиция советских СМИ объяснялась стремлением облегчить НКВД дипломатическое урегулирование возникшего конфликта. Тем более, что советское руководство шло на уступки Германии. Так, спустя десять дней после сообщения об аресте было принято решение освободить двух германских инженеров, Ф.-М. Гольдштейна и Г. Вегнера. По официальной версии советской стороны, ОГПУ не нашло достаточного обвинительного материала против указанных лиц²²⁸. Освобождение Ф.-М. Гольдштейна и Г. Вегнера, вполне вероятно, было продиктовано дипломатической целесообразностью, поскольку фигура Ф.-М. Гольдштейна, авторитетного 55-летнего инженера «АЕГ», с трудом вязалась с инкриминируемой ему «нелегальщиной» и будоражила общественное мнение в Германии. По крайней мере, полномочный представитель СССР в

²²⁶ Германский официоз о приостановке экономических переговоров // Правда. 1928. 17 марта. № 65. С. 1.

²²⁷ Излишние волнения. // Известия. 1928. 17 марта. № 65. С. 1.

²²⁸ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 1. С. 215.

Германии Н. Н. Крестинский в шифротелеграмме, отправленной 14 марта 1928 г. в НКВД, настаивал на том, что необходимо освободить Ф.-М. Гольдштейна для успокоения общественного мнения Германии²²⁹. Г. Вегнер был отпущен вместе с Ф.-М. Гольдштейном, по всей видимости, для демонстрации «независимости» досудебного следствия, которое вели сотрудники ОГПУ, от политического влияния.

Некоторые послабления допускались и в отношении немцев, продолжавших находиться под арестом. По сообщению агентства Вольфа, переданному в газете «Правда», германская сторона потребовала, чтобы генеральному консулу в Харькове было разрешено посетить арестантов²³⁰. Требование изначально натолкнулось на отказ Москвы, апеллирующей к тому, «что, по законам русского права, до окончания собирания обвинительного материала и следствия даже гражданам СССР не разрешается поддерживать какую-либо связь с арестованными»²³¹. Однако позднее все же удалось достичь соглашения – в апреле сотрудник посольства Германии в Москве М. Шлипп встретился в Бутырской тюрьме с обвиняемыми немцами, проведя 10-минутную беседу с каждым²³².

Особое возмущение советской прессы вызвало отношение к арестам немецких специалистов главного органа германских социал-демократов газеты «Форвертс». Данные об арестах, представленные ОГПУ и опубликованные в советской печати, «Форвертс» объявила «басней», «новым номером советского Бедлама», заявляя о том, что любому специалисту, приехавшему в СССР, любому, кто решится вкладывать в советские предприятия свой капитал, «угрожает определенная опасность оказаться в любой момент козлом отпущения за неспособность советских русских хозяйничать и в результате поплатиться не только свободой, но и жизнью»²³³. Газета «Правда» выпад «Форвертса» назвала «омерзительным», а сам ЦК СДПГ обвинялся в инициировании антисоветской

²²⁹ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 1. С. 207.

²³⁰ Советско-германские отношения. Переговоры приостановлены // Правда. 1928. 17 марта. № 65. С. 1.

²³¹ Там же.

²³² Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 2. С. 899.

²³³ Советско-Германские отношения // Правда. 1928. 18 марта. № 66. С. 1.

кампании в Германии²³⁴. По версии «Известий», ЦК СДПГ исходил из опасения, что прогресс социалистического строительства в СССР приведет к «полевению» рабочих масс в Германии и других странах²³⁵. Между тем СДПГ была главным конкурентом КПП в борьбе за голоса немецких рабочих. Учитывая приближавшиеся выборы в рейхстаг, обвинения в адрес СДПГ могли дать дополнительный повод для агитации немецких коммунистов против своих оппонентов.

20 марта в «Правде» появилось сообщение ТАСС, в котором говорилось, что германское правительство и официальная печать решили занять выжидательную позицию до получения обвинительного материала и окончания досудебного следствия²³⁶. Несмотря на поднявшуюся в прессе обеих стран волну взаимных обвинений, государственные интересы Германии и СССР заставляли обе стороны идти на постепенное ослабление напряженности в отношениях. После решения германского МИДа во второй половине марта занять выжидательную позицию информационное противостояние в советской и германской прессе в апреле – начале мая на время утихло.

Результатом арестов немецких инженеров стало обострение советско-германских отношений, несмотря на то, что обе страны на протяжении 1920-х гг. находились в тесном сотрудничестве. «Шахтинское дело» являлось проверкой на прочность Германии в этом сотрудничестве – как поведет себя партнер в условиях ужесточения внутренней политики в СССР. Встав на защиту арестованных соотечественников и приостановив экономические переговоры, германское правительство заняло все же выжидательную позицию, демонстрируя надежду на объективность советского суда и оправдательные приговоры для немецких граждан.

Для антисоветски настроенных германских газет «Шахтинское дело» являлось информационным поводом для усиления антибольшевистской

²³⁴ Советско-Германские отношения // Правда. 1928. 18 марта. № 66. С. 1.

²³⁵ Разногласия в германских промышленных кругах по вопросу об экономических отношениях с СССР // Известия. 1928. 24 марта. № 71. С. 2.

²³⁶ Советско-Германские отношения. Выжидательная позиция правительства и печати // Правда. 1928. 20 марта. № 67. С. 1.

пропаганды с весны 1928 г. Советская пропагандистская система обладала за рубежом поддержкой гораздо менее влиятельных изданий, куда помимо изданий Коминтерна, имевших ограниченное распространение, входили подконтрольные большевикам коммунистические газеты, такие как «Роте Фане». Но они не могли оказать заметного воздействия на формирование общественного мнения в европейских странах. И в то же время отечественная пропаганда достаточно умело использовала тщательно отобранные из информационного потока западных изданий публикации с целью иллюстрации борьбы и противостояния двух миров – западного и советского.

Выводы по главе 1

Проведенная реконструкция причин, форм и механизмов организации подготовительного этапа пропагандистской кампании вокруг «Шахтинского дела» позволяет сделать следующие выводы.

К весне 1928 г. партийно-государственная система находилась в условиях кризиса доверия и нараставшего социального недовольства, которое охватывало деревню и распространялось на город. Производственно-экономические требования, выдвигаемые рабочими, накладывались на массовые представления о несправедливости социального и имущественного расслоения, наблюдавшегося спустя десятилетие после революции. Проявлялось разочарование в коммунистической партии, распространенным становилось мнение о том, что революционные социалистические идеалы всеобщего равенства утрачены большевиками. Проблема утраты репутации и потери массового доверия привели власть к необходимости предпринять действия по удержанию своего авторитета. «Буржуазные» специалисты стали удобным объектом для нацеливания на них массового недовольства рабочих, учитывая распространенность в пролетарской среде еще с дореволюционной эпохи настроений интеллигентофобии («спецеества»), усиленных желанием реванша за сохранявшийся более низкий социальный статус в сравнении со специалистами.

Сталинская трактовка «вредительства» как проявления новой формы классовой борьбы не встретила серьезного отпора в верхнем эшелоне большевистского руководства. Часть его (Н. И. Бухарин и его сторонники), хотя и не спешила порывать с привычной социальной риторикой «сотрудничества» власти со «старыми» специалистами, приняла сталинскую установку на то, что «союзоспособностью» этой группы как ценностью для власти следует пожертвовать. В условиях кризиса власти, падения ее авторитетности представлялось логичным перенаправить протестные настроения трудящихся от власти в сторону «буржуазной» интеллигенции, взвалить на последнюю вину за экономические неурядицы, изобразить «Шахтинское дело» закономерным проявлением обострившейся социальной борьбы «нового» и «старого» миров.

Функции пропаганды, подготавливающей информационный фон под «вредительский» процесс, определяются следующим образом. Первая заключалась в использовании и легитимации тех социальных практик и форм мышления, которые ранее считались вредными «пережитками». Речь идет о «спецеестве», которое получало новое «марксистское» переосмысление в терминах «революционного чутья и коммунистической бдительности» рабочих. Вторая функция заключалась в трансформации социально-производственных конфликтов в конфликты мировоззренческого, политического характера, где рабочим противостоял замаскированный враг в образе «контрреволюционера-вредителя», подрывающего экономику страны. Третья функция пропаганды заключалась в том, чтобы добиться управляемости проводившейся кампании, выдерживая баланс между тенденцией осуждения «вредителей» и выявления скрытых «шахтинцев» на производстве и линией поддержки лояльной, советизированной части специалистов.

За два месяца до начала судебного процесса советский пропагандистский аппарат уже действовал в мобилизационном режиме, осуществляя массированное воздействие на общественное сознание тех социальных групп, которые большевики считали своей опорой, – прежде всего рабочих и советизированной массы городских средних слоев. Главная цель данного воздействия заключалась в

формировании такого информационно-психологического фона, при котором весьма условная и гиперболизированная угроза «экономической контрреволюции» начинала трансформироваться для советского социума в некую актуальную опасность. Фактическим же следствием развязываемой кампании становилось «подхлестывание» экономики путем распространения стереотипов и установок классовой борьбы на социально-трудовые отношения.

2. Информационно-пропагандистское сопровождение судебного процесса и закрепление его результатов

Открытый судебный политический процесс над «спецами-вредителями» предполагал выстраивание сложной координации и взаимодействия различных частей партийно-государственного аппарата не только на допроцессной стадии, стадии подготовки судебных слушаний, но в еще большей степени в ходе проведения самого процесса, который продолжался беспрецедентно длительное время (около полутора месяцев). Фактически, речь шла об обеспечении синхронности действий судебной машины и машины идеолого-пропагандистской. Поддерживать конфронтационный дух государственного обвинения необходимо было не только в Колонном зале Дома Союзов, но и за его пределами, в Москве и на периферии. Событийная сторона судебного процесса требовала не простой информационной передачи объективного характера, а ее ценностно-ориентированного преломления с использованием всего имевшегося арсенала средств пропагандистского воздействия, начиная от особым образом препарированного изложения хода судебных слушаний до прямолинейного и гротескного воздействия на читательскую аудиторию посредством фельетонов, шаржей, плакатов и т. п.

Советская пресса не только целенаправленно открыла и вела информационно-пропагандистскую кампанию, рассчитанную на внутреннюю аудиторию, советских граждан, но и проводила при этом определенную контрпропагандистскую работу с целью дезавуировать, нейтрализовать другие, альтернативные точки зрения и оценки проходившего «вредительского процесса». В ходе систематической полемики советской прессы с зарубежными изданиями критиковались «враждебные» установки, которые, по мнению большевистского режима, разделяли и распространяли внешние «враги». В данном разделе исследования предпринят анализ направлений и технологий реализации пропагандистских и контрпропагандистских усилий / действий в ходе процесса и в постпроцессный период.

2.1. Процесс как инструмент утверждения образа «вредителя» в советской пропаганде

Судебный процесс по «Шахтинскому делу» открылся в Москве в Колонном зале Дома Союзов 18 мая 1928 г. На скамье подсудимых оказались 53 инженера и техника, в том числе трое немецких специалистов, обвиненные по следующим пунктам 58 статьи Уголовного Кодекса РСФСР 1926 г. «Контрреволюционные преступления»: п. 3 – сношение с иностранным государством или отдельными представителями с целью склонения их к вооруженному вмешательству в дела республики; п. 4 – участие в организации, действующей в целях совершения преступлений, означенных в статьях 58.1–58.3 (контрреволюционные преступления); п. 6 – участие в организации, действующей в контрреволюционных целях, путем возбуждения населения к массовым волнениям, неплатежу налогов и невыполнению повинностей или всяким иным путем в явный ущерб диктатуре рабочего класса и пролетарской революции; п. 7 – противодействие нормальной деятельности государственных учреждений и предприятий или соответствующее использование их для разрушения и подрыва государственной промышленности, торговли и транспорта; п. 11 – активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных или особо секретных должностях при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны; п. 12 – укрывательство и пособничество контрреволюционным преступлениям. Специальное присутствие Верховного суда СССР на Шахтинском процессе было назначено в составе председательствующего А. Я. Вышинского, членов М. И. Васильева-Южина, В. П. Антонова-Саратовского, донецкого шахтера Н. А. Курченко, московского рабочего С. Е. Киселева и запасных членов Еремина и Соколова. Государственное обвинение представляли Н. В. Крыленко и Г. К. Рогинский, общественное обвинение – инж. С. Д. Шейн, проф. П. С. Осадчий, Г. Ф. Гринько и Г. И. Крумин. Каждому обвиняемому было предоставлено право пользоваться услугами защитника. Ко дню открытия Шахтинского процесса 16 обвиняемых полностью

признали свою вину, 13 признали свою вину частично, 24 себя виновными признавать отказались²³⁷. В силу открытого и показательного характера процесса в зал суда допускались как корреспонденты советских органов прессы, так и представители иностранных печатных изданий и информационных агентств. Наиболее полно на процессе была представлена германская пресса (присутствовали корреспонденты «Берлинер Тагеблатт», «Дейче Альгемейне Цейтунг», «Фоссише Цейтунг» и других авторитетных изданий). Своих корреспондентов прислали печатные органы США, Франции, Австрии, Англии, Польши, Чехословакии, Швеции, Италии, Японии, Индии²³⁸. Международный интерес, проявленный к «Шахтинскому делу», предполагал соблюдение базового правового принципа – состязательности судебного процесса.

Несмотря на внешнее / формальное соответствие принятым в правовых государствах нормам проведения судебных процессов, Шахтинский процесс по своей сути являлся следствием большевистского преломления теории и практики юриспруденции. По мнению П. Соломона, «большевики рассматривали право как исключительно прикладное явление, как инструмент в руках правителей, а не самодовлеющую ценность»²³⁹. В. Н. Кудрявцев и А. И. Трусов трактовали большевистскую систему политической юстиции как инструмент подавления властью своих противников²⁴⁰. Такое понимание открывало возможности для любых практик правоприменения в угоду политической конъюнктуре.

Одними из идеологов и одновременно практиков «революционного» подхода к судебной и правовой системе были А. Я. Вышинский и Н. В. Крыленко, неслучайно подобранные политическим руководством на роли председателя суда и государственного обвинителя на Шахтинский процесс. В докладе Н. В. Крыленко на заседании Народного комиссариата юстиции (НКЮ) 24 мая 1928 г. в качестве ключевой функции классового правосудия называлась функция подавления: «Основной принцип марксизма, рассматривающего общество как совокупность

²³⁷ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 20 мая. № 116. С. 3.

²³⁸ Отклики на Шахтинское дело // Известия. 1928. 19 мая. № 115. С. 3.

²³⁹ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 10.

²⁴⁰ Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 14.

различных классов, рассматривающего всякую систему репрессий как орудие господства и принуждения, при помощи которого действует один класс в отношении другого, не может мириться ни с теорией “вины” и “наказания”, ибо не за что наказывать классовых врагов, ни с теорией исправления, поскольку исправлять классовых врагов, равным образом, не имеет смысла...»²⁴¹. Следуя логике Н. В. Крыленко, в вопросах карательной политики по отношению к «контрреволюционерам» советская юстиция могла не считаться с необходимостью доказательства индивидуальной вины конкретного «классового врага», поскольку сам факт его приверженности враждебной идеологии служил достаточным основанием для репрессии.

Шахтинский процесс выполнял не только функцию подавления «классового врага». Равнозначной карательной выступала идеолого-воспитательная функция: советские граждане приучались, руководствуясь «коммунистической бдительностью», находить следы «контрреволюции» в повседневности социальных, производственных и бытовых взаимоотношений. Теоретически обосновал идеолого-воспитательную функцию советской юстиции уже по окончании процесса А. Я. Вышинский: «Да, советский суд является орудием коммунистической советской пропаганды. Суд нередко учит нас тому, как правильно, с коммунистической точки зрения, делать то дело, неправильное отношение к которому привело того или иного гражданина в суд и посадила на скамью подсудимых. Советский суд сплошь и рядом своим приговором говорит через голову обвиняемого тем или иным группам населения, что не надо или что надо делать, как не надо или как надо поступать в интересах пролетарского государства, и в этом смысле, разумеется, он ставит перед собой и пропагандистские цели»²⁴².

С началом судебного разбирательства пропагандистская кампания в советской прессе приобрела несколько иные формы по сравнению с предпроцессным периодом. Кампания вступила в ту основную фазу, когда ход

²⁴¹ Принципы переработки Уголовного Кодекса РСФСР // Еженедельник советской юстиции. 1928. 16 июня. № 22. С. 642.

²⁴² Вышинский А. Я. Итоги Шахтинского дела // Революция права. 1928. № 5. С. 3.

процесса должен был «говорить сам за себя», а потому первостепенную значимость приобретали содержательные и технологические стороны его освещения в прессе. Центральные и региональные газеты и журналы отводили специальные рубрики для публикации отчетов из Колонного зала Дома Союзов, где проводился судебный процесс. Дело было настолько резонансным, что даже отдаленные от места событий органы прессы, такие, в частности, как газета «Советская Сибирь», публиковали развернутые материалы, освещавшие ход судебных заседаний. Как правило, газеты отводили для отчетов из зала суда целую страницу номера. Вместе с отчетами публиковались авторские фельетоны и сопроводительные сообщения.

Общей для советской прессы являлась изначально заданная «обвинительная» позиция по отношению к «шахтинцам». Она определяла подборку и компоновку эпизодов процесса, характер преподнесения информации, отсеечение тех фрагментов, которые не вписывались в заранее составленный «сценарий» судебного слушания. Обезличенный образ «контрреволюционера-вредителя» должен был наполниться «живым» содержанием путем представления в прессе главных фигурантов Шахтинского процесса. Конфронтационный характер пропагандистской кампании (формирование образа «врага») определял тенденцию к выведению на первый план наиболее отталкивающих черт в облике, характере и поведении подсудимых. Конкретизированный образ «шахтинского преступника» должен был вызывать в массовом сознании отторжение не только в качестве олицетворения «классового врага», но и на личностном уровне.

Основу газетных публикаций составляли корреспондентские отчеты из зала суда, передававшие ход судебных заседаний. В способе преподнесения информации в советской прессе можно выделить несколько общих принципов. Во-первых, органы прессы заранее становились на сторону государственного обвинения, априори принимая факт доказанности вины каждого из подсудимых. Во-вторых, реплики обвиняемых, вопросы защитников и оценочные суждения государственного обвинения нередко вырывались из контекста допроса, тем самым, нарушалось объективное освещение хода заседаний. В-третьих,

приоритетное внимание уделялось показаниям свидетелей со стороны обвинения и показаниям признавших свою вину обвиняемых, поскольку именно аргумент «чистосердечного признания» и свидетельских показаний являлся решающим для доказательства «вредительского характера» деятельности подсудимых.

Подробнее реализация указанных принципов рассмотрена на примере освещения прессой показаний и допросов подсудимого Л. Г. Рабиновича на Шахтинском процессе (приложение Б). Пример Л. Г. Рабиновича показателен для раскрытия приемов искажения реального хода судебного разбирательства в советских СМИ. В данном случае провал предварительного следствия (сжатые сроки подготовки процесса помешали добиться от Л. Г. Рабиновича признательных показаний), предопределивший слабость обвинительного материала на судебном процессе, компенсировался тенденциозным изложением показаний и допросов Л. Г. Рабиновича в прессе. Способ обращения журналистов с показаниями Л. Г. Рабиновича вполне типичен для данного процесса. По характеру публикаций в допроцессный период очевидна была априорная убежденность советской прессы в виновности «шахтинцев», поэтому и в период судебных разбирательств корреспонденты делали все, для того чтобы упрочить позиции обвинения хотя бы в собственных материалах.

Помимо отчетов из зала суда, важной составляющей освещения процесса являлись публиковавшиеся в центральной и региональной прессе фельетоны, посвященные, как правило, поведению подсудимых на суде, эпизодам их биографии и мировоззренческим установкам. Анализ публикаций данного жанра в газетах «Правда» и «Известия» был осуществлен в статье С. Н. Ушаковой²⁴³. Автор справедливо отмечает, что фельетоны «были средством выражения таких оценок происходящего на процессе, которые не могли прозвучать открыто из уст обвинителей и суда или в газетных отчетах»²⁴⁴.

²⁴³ Ушакова С. Н. Положительные и отрицательные образы акторов Шахтинского судебного процесса в фельетонах «Известий» и «Правды» // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2011. С. 67–76.

²⁴⁴ Там же. С. 69.

Задачей центральной и региональной прессы являлось максимально возможное раскрытие полного личностного и мировоззренческого падения обвиненных во «вредительстве» специалистов. С этой целью особенно пристальное внимание уделялось социальному происхождению и имущественному положению обвиняемых, их деятельности и политическим настроениям в дореволюционный период и во время гражданской войны, их отношениям с рабочими на производстве и в повседневной жизни. Нередко даже внешность и манера давать показания подробно разбирались в прессе. Выполняя данную задачу, пресса не могла ограничиться форматом корреспондентских отчетов о ходе заседаний суда. Именно поэтому жанр фельетона удачно подходил для дополнения и сопровождения отчетов.

Фельетоны, как правило, представляли собой портретные наброски, целью которых являлось создание на основе типажей подсудимых на Шахтинском процессе подробного и завершенного образа «контрреволюционера-вредителя». Основопологающей характеристикой этого нового обобщенного образа «промышленного вредителя» была априорно допускаемая неспособность последнего принять социалистические ценности, выйти из оболочки «буржуазного» образа мыслей. Именно поэтому авторы намеренно делали акцент на исторических связях «шахтинцев» с «белогвардейщиной», которые будто бы продолжались и в советское время в форме контактов с бывшими владельцами предприятий Донбасса, финансировавших, по утверждению обвинения, «вредительскую деятельность» из-за границы.

При этом «шахтинцы» не изображались принципиальными идеологическими противниками социалистического государства. Им приписывалось вообще отсутствие какой-либо четкой идеологической платформы. Соответствующий тон был задан уже в освещении событий первого дня процесса. Первым из допрашиваемых на суде, стал технический руководитель Донецко-Грушевского рудоуправления Н. Н. Березовский, признавший свое участие в «контрреволюционной организации». Н. Н. Березовский, начав свои показания с автобиографических данных, отметил, что в студенческие годы стоял в стороне от

политической жизни страны, ставя перед собой единственную задачу «накоплять знания, чтобы накапливать деньги». Этой мировоззренческой позиции подсудимого был посвящен фельетон известного журналиста «Известий» Г. Рыклина «Без фотографии». Обыгрывая нежелание Н. Н. Березовского попасть под объективы фотокорреспондентов, Г. Рыклин пишет, что, несмотря на отсутствие фотокарточки, «политическое лицо инженера Березовского весьма и весьма фотогенично. Это, что называется, типаж»²⁴⁵. Карьеризм, отсутствие четкой политической позиции, вера в неприкосновенность частной собственности – все эти «пороки» привели Н. Н. Березовского к «вредительству»²⁴⁶.

Фельетонист на примере Н. Н. Березовского обыгрывал типаж безыдейного капиталистического обывателя, потерявшего всякую принципиальную позицию, кроме стяжательства. Лишением «шахтинцев» идеологической платформы подчеркивалось, что на процессе советский суд имел дело с «охвостом» старого режима, «вредившим» скорее по привычке, нежели из идейных убеждений. Пропаганда прибегала к чрезвычайно действенной уловке: признаками «контрреволюционности» считались не только приверженность буржуазной или монархической идеологии, но и социальное прошлое (происхождение и статус), и социальное поведение (отношение к труду, к накоплению материальных благ и т. д.). Именно эти акценты превращали абстрактный образ «контрреволюционера-вредителя» в узнаваемый типаж «буржуазного» интеллигента, отвечавший пролетарским представлениям о специалистах как о представителях нарождавшейся прослойки «новых эксплуататоров». Не антисоветская идеология, возможно малопонятная пролетариату, а «буржуазный» образ жизни и поведения «вредителей» придавал последним в глазах рабочих узнаваемый, знакомый облик «эксплуататоров», жаждавших реставрации дореволюционного угнетения трудящихся масс.

Излюбленным приемом советской прессы являлось изображение карикатурного психологического портрета подсудимого. Вот как описывался

²⁴⁵ Рыклин Г. Без фотографии // Известия. 1928. 22 мая. № 117. С. 3.

²⁴⁶ Там же.

инженер П. Э. Калнин в фельетоне М. Левидова, опубликованном в журнале «Горнорабочий» 23 июня: «Калнин кается чуть ли не со слезами. Но не до конца, совсем не до конца. Впрочем, этот человек вряд ли что-либо может делать до конца, ибо не человек это, а так, человеческая слизь...»²⁴⁷. Не трудно представить, что столь эмоциональное описание формировало у читателя предубежденное отношение к личности подсудимого, подкрепляемое даже не логическими доводами, а журналистскими приемами. Социальная чуждость «шахтинцев», обыгрываемая профессиональными журналистами (подсудимых называли в прессе «отрыжкой старого режима», «обер-офицерами капитала»), априорно лишала обвиняемых таких присущих человеку качеств, как трудолюбие, профессионализм, порядочность. Даже способность «контрреволюционеров» к раскаянию советской прессой исключалась. В качестве примера следует привести цитату из фельетона Я. Слонима: «Все эти продажные души, слюнтяи, вьюны стараются уверить суд, что они не только раскаиваются в своих преступлениях, но что они всегда были за советскую власть... Все они распинаются в любви к трижды преданной и проданной ими Советской власти. Кто им поверит?»²⁴⁸

Фельетоны советской прессы, таким образом, не только предоставляли место суждениям, которые не могли быть произнесены на суде. Не менее важно то, что жанр фельетона давал возможность сформировать цельный образ «контрреволюционера-вредителя» во всем его колорите. При этом образ становился узнаваемым, соотносимым с целой социальной прослойкой, поскольку именно «буржуазные» специалисты олицетворяли в глазах рабочих старорежимные порядки и ценности, именно их положение на производстве представлялось рудиментом дореволюционных форм господства и принуждения.

Тенденциозность информационно-пропагандистского освещения хода судебных заседаний в прессе весьма рельефно проявилась в том, какие роли отводились на Шахтинском процессе основным его актерам (подсудимым,

²⁴⁷ Левидов М. Шахтинские вредители перед пролетарским судом // Горнорабочий. 1928. № 23. 23 июня. С. 8.

²⁴⁸ Слоним Я. Шахтинские вредители перед пролетарским судом // Горнорабочий. 1928. № 24. 30 июня. С. 7.

государственным и общественным обвинителям, защитникам и свидетелям). Подсудимые на Шахтинском процессе составляли три категории: полностью сознавшихся во всех инкриминируемых преступлениях, частично признавших свою вину и вовсе отказавшихся признать себя виновными. Подход к информационному и оценочному освещению показаний подсудимых каждой из категорий был дифференцированным.

Допрос обвиняемых происходил, как правило, по принятой схеме. Каждому предоставлялось вступительное слово, в котором обвиняемый излагал суду факты биографии и профессиональной деятельности, имевшие, по его мнению, отношение к рассматриваемому делу. Затем свои вопросы задавали члены Специального присутствия, после чего право допроса переходило к обвинению и защите. Завершающий этап – допрос вызванных сторонами свидетелей. Положение каждого из подсудимых, степень признания вины, от отрицания выдвинутых обвинений до частичного или полного признания, определяли стиль их поведения при даче показаний и на допросах. Линия поведения согласовывалась с защитником из коллегии адвокатов, предоставленным каждому обвиняемому. Тактика «несознавшихся» заключалась в стремлении доказать собственную непричастность к «контрреволюционной организации». К началу процесса из 53 подсудимых отказались признать себя виновными 24. В то же время показаний оставшихся подсудимых и свидетелей со стороны обвинения хватало, чтобы оговорить занявших позицию отказа от «сотрудничества» со следствием.

Способы преподнесения показаний «несознавшихся» в советской прессе имели схожие черты. Данные перед судом объяснения трактовались корреспондентами как «попытки выкрутиться», «запутать» суд. Подчеркивалась неуверенность, путаность показаний. В качестве примера приведем стандартный прием описания допроса подсудимых на Шахтинском процессе, взятый из газеты «Известия» от 12 июня: «Для чего же, – спрашивает тов. Вышинский, – надо было откачивать шахту, если наткнулись на старую выработку? Ведь вы об этом знали. – Я уже тогда не работал, – **пытается оправдаться** (выделено нами – С. Ш.)

подсудимый»²⁴⁹. Этот эпизод допроса И. К. Стояновского на заседании 11 июня иллюстрирует наиболее распространенный пропагандистский прием советской прессы: если подсудимый только «пытался доказать» собственную невиновность, то обвинитель всегда «убедительно доказывал» факты «вредительства». В газете «Правда» показания И. К. Стояновского резюмируются следующим образом: «Категорические отрицания Стояновского звучат очень неубедительно»²⁵⁰. Очевидно, что корреспонденты советской прессы вплетали в пересказ хода допросов и объяснений собственные оценочные суждения, акцентируя и усиливая позиции обвинения.

Перед защитниками «несознавшихся» стояла задача выявить и предать огласке логические неувязки в показаниях других подсудимых и свидетелей, которые могли опровергнуть или смягчить выдвинутые против их подзащитных обвинения. При этом со стороны защиты не было ни одной попытки поставить под сомнение сам факт существования «вредительской организации». По мнению историка С. А. Кислицына, многие адвокаты «понимали политический характер процесса, его предрешенность»²⁵¹, поэтому занимались исключительно индивидуальным «спасением» своих подзащитных. Советская пресса предельно лаконично описывала допросы обвиняемых и свидетелей стороной защиты. Тактика преподнесения выступлений адвокатов не многим отличалась от тактики освещения показаний «несознавшихся». «Защитник стремится уточнить...», «Защитник пытается сделать вывод...»²⁵² – такими шаблонными суждениями предварялись описания работы адвокатов на Шахтинском процессе.

Между тем защитники своей деятельностью создавали реальные затруднения в ходе постановочного процесса. Но именно этот аспект их профессионализма сознательно не передавался официальными газетными сообщениями. Слабость собранных обвинений, построенных исключительно на оговорах и самооговорах, проявлялась в несогласованности признательных

²⁴⁹ Шахтинское дело // Известия. 1928. 12 июня. № 134. С. 3.

²⁵⁰ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 12 июня. № 134. С. 3.

²⁵¹ Кислицын С. А. Шахтинское дело. Начало Сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов н/Д., 1993. С. 65.

²⁵² Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 3 июня. № 128. С. 3.

показаний подсудимых. Показания часто противоречили друг другу. Защитники использовали это в пользу своих клиентов. Так, адвокат Н. Н. Горлецкого В. Н. Малянтович на заседании 23 мая, согласно стенограмме процесса, фактически поставил в тупик подсудимого Н. Е. Калганова, утверждавшего, что Н. Н. Горлецкий участвовал в «контрреволюционной организации». Обвинения Н. Е. Калганова основывались исключительно на разговоре с Н. Н. Березовским, из которого тот будто бы узнал о вовлеченности Н. Н. Горлецкого в «организацию». В. Н. Малянтович вынудил Н. Е. Калганова признать, что производственная деятельность Н. Н. Горлецкого не давала оснований утверждать, что он участвовал в «контрреволюционной организации»²⁵³. В газетном отчете данный инцидент не упоминался вовсе. Подобные эпизоды, регулярно возникавшие на процессе, свидетельствовали о том, что признавшие свою вину «шахтинцы» часто оказывались дезориентированы уточняющими вопросами, не вписывавшимися в составленный под руководством того или иного следователя план показаний.

Не единожды адвокаты других подсудимых «ловили» «сознавшихся» на полном непонимании значения данных ими показаний. В качестве примера приведем эпизод допроса адвокатом М. А. Оцепом, защитником Л. Г. Рабиновича, подсудимого Н. Н. Березовского на заседании 22 мая. Н. Н. Березовский свидетельствовал об известном ему акте «вредительства», заключавшемся в замедлении проектирования шахты им. Скочинского. На вопрос М. А. Оцепа, известно ли ему о том, что замедление происходило умышленно с «контрреволюционной» целью, Н. Н. Березовский ответил отрицательно. Исходя из его показаний, Н. Н. Березовский считал «вредительскими» любые решения, наносившие вред производству безотносительно присутствия «контрреволюционного» умысла²⁵⁴.

Квалификация и профессионализм адвокатуры, наработанный в дореволюционной практике, мешал гладкому проведению суда по сценарию

²⁵³ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 9. Л. 33.

²⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 8. Л. 44.

обвинителей. С. А. Кислицын пишет: «Главным методом защиты был анализ бездоказательных оговоров друг друга подсудимыми, выявление несовпадений в показаниях, внутренних противоречий свидетельств»²⁵⁵. Поэтому адвокаты представлялись в фельетонах советской прессы «антигероями», мешавшими советскому суду выяснить вину каждого из подсудимых²⁵⁶.

Мотивация тех обвиняемых, которые полностью или частично признали свое участие во «вредительстве», очевидна – они рассчитывали на послабление обвинительного приговора в обмен на сотрудничество со следствием. Некоторые из них предпочитали согласиться со всеми пунктами обвинения, оговаривая себя и других и одновременно демонстрируя свое раскаяние. Освещение в советской прессе показаний 16 «сознавшихся» имело свою специфику. В силу того, что именно на основании «чистосердечного признания» строились все обвинения на Шахтинском процессе, допросы этой группы подсудимых транслировались прессой наиболее полно. В противовес «попыткам выкрутиться» подсудимых, не шедших на сотрудничество со следствием, показания «сознавшихся», в особенности главных акторов «организации» из числа руководства треста «Донуголь», представлялись пропагандой наиболее последовательными и достоверными. Ярче всего это прослеживается в эпизодах их допросов адвокатами других подсудимых, пытавшимися найти неточности и несоответствия в их показаниях. Так, воспроизводя допрос подсудимого А. Б. Башкина на заседании 2 июня, корреспондент газеты «Правда» прибег к следующему описанию: «Башкин подвергся при этом настоящей атаке со стороны защитников, и, надо сказать, он эту атаку выдержал, подтвердив в основном все свои предыдущие показания и характеристики»²⁵⁷. В определенном смысле государственный обвинитель и та часть подсудимых, которые признали свою вину, действовали согласованно, «разбивая» попытки найти несоответствия в сформированной следствием картине «вредительства». Однако не следует

²⁵⁵ Кислицын С.А. Шахтинское дело... С. 65.

²⁵⁶ Ушакова С. Н. Положительные и отрицательные образы акторов Шахтинского судебного процесса... С. 74.

²⁵⁷ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 3 июня. № 128. С. 3.

считать, что сотрудничество со следствием освобождало подсудимых от уничижительного представления их фигур в прессе. Даже признательные показания упомянутого А. Б. Башкина, «выдержавшего атаку» со стороны защиты, маркировались в отчете корреспондента «Правды» о заседании суда 2 июня как «попытка произвести на суд впечатление человека, впавшего в преступление не по своей вине»²⁵⁸. Отметим, что показания А. Б. Башкина имели для следствия и суда особую важность, поскольку именно с его «признаний» началась активная разработка следствием линии «зарубежных связей» «шахтинцев».

Те подсудимые, которые частично признали предъявленные обвинения, с помощью адвокатов пытались минимизировать собственное участие во «вредительстве». К примеру, подсудимый В. П. Потемкин относил свое участие во «вредительстве» лишь к 1924 г. О существовании «контрреволюционной организации» после 1924 г. В. П. Потемкин, по его словам, сведений не имел²⁵⁹. Вариации степени «полупризнания вины» были разнообразны. Так, подсудимый П. Э. Калнин признавал себя виновным в том, что, зная о «вредительской организации», не принимал против ее действий решительных мер²⁶⁰.

Зачастую обвиняемые, прошедшие предварительное следствие, не до конца осознавали суть собственных признаний. Примером может служить эпизод допроса заведующего отделом рационализации Донецко-Грушевского рудоуправления Е. К. Колодуба 26 мая. Е. К. Колодуб, не признавший инкриминируемые ему акты «вредительства», считал, однако, себя «контрреволюционером»: «Я много беседовал по этому вопросу со следователем, и следователь говорил, раз вы не примкнули к нам в свое время, раз вы не были с нами, – значит вы не революционер, а контрреволюционер. В этом духе я с ним согласился. Поэтому я и называю себя контрреволюционером»²⁶¹. На вопрос А. Я. Вышинского, обвинял ли его следователь в том, что он не был

²⁵⁸ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 3 июня. № 128. С. 3.

²⁵⁹ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 20 мая. № 116. С. 3.

²⁶⁰ Шахтинское дело // Известия. 1928. 20 мая. № 116. С. 3.

²⁶¹ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 12. Л. 155.

добровольцем Красной армии, Е. К. Колодуб ответил следующим образом: «Мне сказали – если не с нами, то против нас. Я не был в то время революционером и потому назвал себя контрреволюционером»²⁶². Исходя из логики следователя, под категорию «контрреволюционер» подходил любой беспартийный специалист. Данный эпизод свидетельствовал о приемах, применяемых следователями на допросах, пытавшимися любыми способами добыть у допрашиваемых хотя бы формальное признание вины. В газете «Известия» был представлен якобы достоверный диалог между А. Я. Вышинским и Е. К. Колодубом: «– Я понимаю, что мы вот, старые люди, шли не с революцией... – А против нее, – добавляет председательствующий. – Совершенно правильно, – соглашается с ним подсудимый, – мы шли против революции. – Так в чем же дело? Не с революцией, а против нее. Это и есть контрреволюция»²⁶³. Очевидно, что из-под пера корреспондента «Известий» эпизод допроса Е. К. Колодуба приобрел совершенно иной смысл: Е. К. Колодуб якобы напрямую сознавался в том, что он действовал против советской власти. Данный диалог был выдуман корреспондентом, чтобы устранить противоречие в показаниях Е. К. Колодуба о его собственной «контрреволюционности».

Провалы обвинительного материала, которые вскрывались на самом процессе и свидетелями которых могли быть только присутствовавшие в зале суда, на страницах прессы либо вовсе не отражались, либо искажались в сторону общей обвинительной линии. Для наглядности приведем несколько эпизодов процесса, которые были представлены в прессе совершенно иначе, чем в стенограмме судебных заседаний. Одним из наиболее важных направлений «вредительства», по версии следствия, было умышленное укрытие от соввласти мощных угольных пластов и рентабельных шахт в расчете на скорое возвращение из эмиграции бывших хозяев. Возвращение должно было осуществиться либо путем легальной сдачи рудников в концессию, либо вследствие военной интервенции. Примером может служить эпизод рассмотрения на процессе темы о

²⁶² ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 12. Л. 155.

²⁶³ Шахтинское дело // Известия. 1928. 28 мая. № 123. С. 3.

будто бы имевшем место укрытии от разработки Бессергеньевской проходки в Донецко-Грушевском рудоуправлении. Технический руководитель Донецко-Грушевского рудоуправления Н. Н. Березовский на суде 21 мая признался, что, зная о выгодных пластах Бессергеньевской проходки, скрывал ее от правления Донугля²⁶⁴. В. Н. Самойлов в показаниях 23 мая упоминает о состоявшейся в 1922 г. «вечеринке» у главного инженера Н. Е. Калганова, на которой присутствовал весь руководящий состав Донецко-Грушевского рудоуправления. Решено было не показывать в числе проектируемых Бессергеньевскую проходку²⁶⁵.

В то же время на процессе прозвучала и иная точка зрения на вопрос о ценности Бессергеньевской проходки. Подсудимый Е. К. Колодуб на допросе 26 мая утверждал, что для создания условий, при которых Бессергеньевская проходка могла бы выдавать уголь, необходимо было затратить 10 млн рублей. Причем срок подготовки проходки Е. К. Колодуб устанавливал в 10 лет. Учитывая, что в 1922 г. государство хотя и остро нуждалось в угле, но также было ограничено в размерах капиталовложений в горную промышленность, Е. К. Колодуб делал вывод о невозможности в тот период проходки шахты Бессергеньевского рудника²⁶⁶.

В советской прессе данный эпизод показаний Е. К. Колодуба обыгрывался по-разному. В «Правде» объяснения Е. К. Колодуба оказались попросту опущены. Было лишь обозначено, что Н. В. Крыленко путем опроса других обвиняемых, установил, что Е. К. Колодуб участвовал в совещании у Н. Е. Калганова, когда решался вопрос о Бессергеньевской проходке. «Вредительский» же характер этого совещания, указано в «Правде», «уже выяснен судебным следствием в течение прошлого заседания»²⁶⁷.

В «Известиях» приводился тот факт, что Бессергеньевская проходка была начата еще при «бывших хозяевах», а при советской власти оказалась заброшена.

²⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 7. Л. 24.

²⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 9. Л. 176.

²⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 12. Л. 137-140.

²⁶⁷ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 28 мая. № 123. С. 3.

На вопрос Н. В. Крыленко о том, «почему Бессергеньевка была при советской власти заброшена, в то время как старые хозяева, найдя в ней богатые залежи угля, затратили огромные средства на проходку», Е. К. Колодуб, как отмечалось, «хорошо понимает, что точно ответить ему не удастся, но он старается все же доказать всю “невыгодность” разработки этой шахты»²⁶⁸. Очевидно, что корреспонденты обеих газет весьма произвольно и избирательно преподносили фрагменты объяснений подсудимых. Фактически полностью отметались прозвучавшие на процессе противоположные точки зрения на один и тот же факт, а в прессу попадало лишь то, что содержало однобокую трактовку в духе обвинения.

«Сценарию» разоблачения «вредительства» соответствовал и порядок выведения на процесс группы подсудимых служащих Донецко-Грушевского рудоуправления, и характер освещения их показаний в советской прессе. Признания Н. Н. Березовского, Н. Е. Калганова, С. А. Бабенко и др. служили фактически единственной основой для доказательств вовлеченности не признавших свою вину подсудимых во «вредительскую» деятельность. При этом материалы стенограммы свидетельствуют, что те производственные решения, которые трактовались как «вредительские», могли быть объяснены иными мотивами, не подразумевавшими сознательного нанесения вреда. Не принимая во внимание обусловленность действий подсудимых конкретными производственными причинами и обстоятельствами, суд, а вслед за ним корреспонденты советских газет исходили из презумпции вины представших перед судом «шахтинцев».

Переход судебного разбирательства к допросам членов предполагаемого «харьковского центра» 14 июня ознаменовал новую стадию процесса, когда картина «вредительства» на периферии дополнялась будто бы фактом существования центра «контрреволюционной организации» в структуре правления Донугля. По версии следствия целям «вредительской организации» была подчинена задача механизации производства Донбасса, обеспечения его

²⁶⁸ Шахтинское дело // Известия. 1928. 28 мая. № 123. С. 3.

передовой заграничной техникой. Заведующий отделом механизации Донугля Н. Н. Горлецкий обвинялся в умышленной закупке за границей ненужных механизмов и неправильном использовании заграничного оборудования на производстве. Против Н. Н. Горлецкого имелись показания сразу нескольких обвиняемых: С. А. Бабенко, Н. Е. Калганова, М. Е. Никишина, П. Э. Калнина, Л. Б. Кузьмы. Инструктор врубовых машин в Донецко-Грушевском рудоуправлении (ДГРУ) М. Е. Никишин на допросе 30 мая утверждал, что в 1926 г. в ДГРУ было получено 15 врубовых машин завода Джеффри. Сами по себе эти машины, по показаниям М. Е. Никишина, в тех условиях были неподходящие, слабые для местной зарубки и могли применяться не во всех местах. Отправившись в Харьков для того, чтобы сообщить о нерациональности использования машин Джеффри в ДГРУ, М. Е. Никишин получил от Н. Н. Горлецкого предписание, несмотря ни на что, установить машины, с намеком на то, что, возможно, М. Е. Никишину скоро придется иметь дело с «другими хозяевами». В 1926 г. в ДГРУ прибыла партия немецких машин фирмы Кнапп, которые также плохо подходили к местным условиям выработки угля. М. Е. Никишин сознался в получении взятки от немецкого инженера В. Бадштибера в размере 400 руб. за установку данных врубовых машин²⁶⁹.

Н. Н. Горлецкий, не признавший свою вину, описывал на допросе 25 мая состояние дел несколько иначе. Он утверждал, что фирма Кнапп предложила машины на пробу при условии, что Донуголь оплатит их в том случае, если они пройдут определенное гарантированное количество квадратных метров зарубки за известное время. Признавая, что данные машины плохо подходили к тем условиям зарубки, на которые их устанавливал М. Е. Никишин, Н. Н. Горлецкий утверждал, что задание по средней выработке машинами было выполнено, и он не видел препятствий, чтобы не использовать машины Кнаппа на более мягких пластах того же ДГРУ и Власовского рудоуправления. Н. Н. Горлецкий также утверждал, что Донуголь первоначально не согласился принять машины на пробу,

²⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 15. Л. 193–198.

однако фирма Кнапп обратилась непосредственно в ВСНХ, после чего Донуголь вынужден был согласиться с их установкой²⁷⁰.

Данные объяснения Н. Н. Горлецкого в центральной прессе были восприняты как попытка «выкрутиться из ситуации», сложившейся на суде, когда сразу несколько обвиняемых свидетельствовали о «вредительском» характере механизации. В газете «Известия» объяснения Н. Н. Горлецкого о средней норме выработки были названы «пространными». «Выкрутиться» Н. Н. Горлецкому, как отмечалось в «Известиях», не удастся, «и он вынужден придумать новую версию для своего оправдания. Донуголь, мол, отказывался от приемки машин Кнаппа на испытание, но его заставил это сделать ВСНХ...»²⁷¹.

Механизация Донбасса, учитывая техническую отсталость горнодобывающей промышленности СССР по сравнению с западными странами, не могла не сопровождаться многочисленными ошибками в комплектации рудоуправлений машинами, в особенности заграничными. Техническая специфика южноугольного округа, отсутствие надлежащего опыта по механизации производства – все это заставляло Донуголь действовать «вслепую». Н. Н. Горлецкий в показаниях 20 июня делает следующее замечание: «Я хочу обратить внимание на то, что начиналась механизация из ничего. Рудники только выходили из разрухи, не было ни оборудования, ни принадлежностей, не было квалифицированной силы. Техники были совершенно не знакомы с механизацией, дело только что начиналось, и сочувствия этому делу не было. В этой области проводить работу было очень трудно»²⁷². Имея же ряд признаний, обвинение могло трактовать любую ошибку механизации как умышленное «вредительство». Недочеты в развитии механизации были удобным поводом найти в работе соответствующего отдела Донугля «контрреволюционную» составляющую.

Адвокатура оказывалась в тяжелом положении, поскольку вынуждена была принимать версию обвинения о действительном существовании «контрреволюционной организации», занимаясь либо индивидуальным

²⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 11. Л. 195.

²⁷¹ Шахтинское дело // Известия. 1928. 27 мая. № 122. С. 3.

²⁷² ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 32. Л. 18.

«спасением», либо смягчением вины своих подзащитных. Положение защитников было тем более шатким, что они сами являлись представителями «буржуазной» интеллигенции и заведомо оказывались в положении «антигероев» на Шахтинском процессе.

О том, что взять на себя роль адвоката на Шахтинском процессе было непростым решением, свидетельствовал отказ известного юриста Н. К. Муравьева от защиты одних из главных фигурантов «Шахтинского дела» Ю. Н. Матова и С. П. Братановского. Оба признали свою вину, и их показания использовались для обвинения других подсудимых. Причины отказа Н. К. Муравьев изложил в объяснительной записке, составленной 22 мая 1928 г. В ней Н. К. Муравьев отмечал крайне легкомысленное отношение обоих подсудимых к своему положению. На вопрос Н. К. Муравьева о том, какого результата они ждут от судебного процесса, Ю. Н. Матов ответил, что ему, вероятно, придется просидеть в тюрьме несколько месяцев, прежде чем позволят вернуться на производство. Приблизительно такими же, отмечал Н. К. Муравьев, были предположения С. П. Братановского. На втором или третьем свидании Ю. Н. Матов и С. П. Братановский признались, что их показания на предварительном следствии не соответствовали действительности. Признательные показания были даны поначалу по причине тяжелого морального и физического состояния, а потом вследствие принятого решения пойти навстречу следователю, чтобы облегчить для себя приговор²⁷³. Психологическая обработка обвиняемых на предварительном следствии приводила к тому, что некоторые из них практически не осознавали серьезности выдвинутых против них обвинений. В этих обстоятельства Н. К. Муравьев не видел возможности выработать какую-либо стратегию защиты на судебном процессе и отказался выступать в роли защитника.

Задача наиболее убедительно представить позицию обвинения, стоявшая перед советской прессой, была далеко не единственной. Не менее важно было дополнить и усилить те идеологические установки, которые сформировались на

²⁷³ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: В 2 кн. / Отв. ред. С. А. Красильников. М., 2011. Кн. 2. С. 746–747.

предпроцессном этапе пропагандистской кампании. В частности, требовала развития тема нового отношения к «буржуазной» интеллигенции и обозначившегося разделения этой самой интеллигенции на антисоветскую, колеблющуюся и преданную советской.

Если в предпроцессный период в аналитических статьях²⁷⁴ и выступлениях партийно-государственных функционеров²⁷⁵ декларировалась уверенность в преданности большей части инженерно-технической интеллигенции, то особенность подачи материалов в форме отчетов из зала судебного разбирательства позволяла, используя фрагменты показаний обвиняемых, напротив, транслировать версию широкой распространенности «контрреволюционных» настроений в этой среде. Показания обвиняемых отличались от официозных заявлений и могли восприниматься как голос всей «буржуазной» интеллигенции. Так, В. Н. Самойлов на допросе 23 мая утверждал, что положение «старых» специалистов в советском хозяйстве характеризовалось иносказательным выражением «скачка хороших жокеев на чужих лошадях», имея в виду то, что специалисты «относились к делу, как к чужому, не будучи заинтересованы в его развитии, улучшении»²⁷⁶. В другом случае Е. К. Колодуб утверждал, что причины «плохой» работы инженеров и техников на производстве кроются в антисоветских настроениях, распространенных в их среде²⁷⁷. Подобные признания «шахтинцев», хотя и были восприняты официальной пропагандой как попытка «бросить тень» на всю интеллигенцию²⁷⁸, подогревали антиспецовские настроения в обществе.

Среди общественных обвинителей на процессе активно исполняли свою роль председатель Всесоюзного межсекционного бюро инженеров и техников (ВМБИТ) С. Д. Шейн и заместитель председателя Госплана проф. П. С. Осадчий.

²⁷⁴ См.: Жалкие попытки сорвать наше социалистическое строительство // Известия. 1928. 11 марта. № 61. С. 1; Специалисты и Шахтинское дело // Известия. 1928. 30 марта. № 76. С. 1.

²⁷⁵ См.: Задачи инженерно-технических работников в новом строительстве СССР (общегородское собрание инженеров и техников). Доклад тов. В. В. Куйбышева // Известия. 1928. 30 марта. № 76. С. 3; Тов. Затонский о заговоре и отношении к специалистам // Известия. 1928. 11 марта. № 61. С. 1; Речь тов. А. И. Рыкова на пленуме Моссовета 9 марта // Известия. 1928. 11 марта. № 61. С. 2.

²⁷⁶ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Известия. 1928. 23 мая. № 118. С. 3

²⁷⁷ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Известия. 1928. 29 мая. № 123. С. 3.

²⁷⁸ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Известия. 1928. 23 мая. № 118. С. 3

Их присутствие на процессе в роли обвинителей должно было подтверждать официальный тезис о дифференциации внутри инженерно-технического сообщества. С. Д. Шейн и П. С. Осадчий представляли «здоровые силы» интеллигенции, говоря от имени «стотысячной массы инженеров и техников, заклеймивших шахтинских вредителей»²⁷⁹. В речи на процессе 28 июня проф. П. С. Осадчий подчеркивал психологический раскол между «инженером-наемником» и «инженером-гражданином», утверждая, что Шахтинский процесс являлся «агонией интеллигенции старой идеологии»²⁸⁰. Участвуя в допросах подсудимых, С. Д. Шейн интересовался в первую очередь вопросом о том, все ли специалисты Донугля тем или иным образом знали о «контрреволюционной деятельности» обвиняемых. Подсудимый Н. Н. Березовский на вопрос С. Д. Шейна отвечал, что большинство инженеров в центре и на местах «организация» попросту «водила за нос»: «Им говорили об отсутствии средств, о том, что такие-то машины не годятся, о том, что планы и проекты где-то задерживаются с утверждением и т. д.»²⁸¹. Получалось, что в большинстве своем инженеры Донбасса не знали о «вредительстве», честно относились к производству и были обмануты «контрреволюционной» группой.

Это свидетельствует о присущем всей пропагандистской кампании «двоемыслии» – роль общественных обвинителей С. Д. Шейна и П. С. Осадчего должна была отграничить большую часть «преданной» интеллигенции от меньшей «контрреволюционно настроенной» ее части. Однако через показания «сознавшихся» «шахтинцев» транслировалась пессимистичная точка зрения если и не о господстве антибольшевистских настроений в инженерной среде, то об их широкой распространенности. Именно здесь отчетливо проявляется разрыв между официальной позицией советского руководства и инженерно-технической корпорации и теми суждениями, которые попадали на страницы советских газет через трансляцию показаний подсудимых.

²⁷⁹ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Известия. 1928. 29 июня. № 149. С. 3.

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Известия. 1928. 23 мая. № 118. С. 3.

Совершенно иной вопрос, в каких категориях рассуждали о «контрреволюционной» деятельности подсудимых свидетели-рабочие на процессе. Рабочему классу была отведена главная инициативная роль в раскрытии «контрреволюционного заговора в Донбассе». По утверждению ростовской газеты «Молот», только благодаря настойчивости рабочих-горняков, сигнализировавших о систематическом «вредительстве» на производстве, появилась возможность выйти на след «законспирированной группы заговорщиков», несколько лет подряд «водившей за нос» местные хозяйственные, партийные и профсоюзные организации²⁸². Однако рабочему классу отводилась роль не только помощника ОГПУ на начальном этапе следствия, но и одного из главных акторов на самом процессе. Помимо того, что рабочие Н. А. Курченко и С. Е. Киселев были включены в состав Специального присутствия Верховного суда СССР, представители пролетариата выступали и в качестве свидетелей, и в качестве зрителей. Данный фактор имел важное пропагандистское значение, поскольку таким образом создавалась видимость классового «пролетарского суда» над группой «вредителей-контрреволюционеров» Донбасса.

Хотя социальный состав свидетелей, проходивших по «Шахтинскому делу», был достаточно разнообразен – от бывших работников белой контрразведки до профессоров горного дела, роль свидетелей-рабочих должна быть выделена и рассмотрена отдельно. Рабочие и низший технический персонал, близко стоявший к пролетариату, составляли 61 % от общего количества свидетелей. Всего на процесс были вызваны 70 свидетелей, из них лишь 11 допущены по ходатайству защиты. Наибольшее число свидетелей проходило на процессе в его первые дни, когда перед судом предстали инженеры, непосредственно связанные с производством и взаимодействовавшие с рабочими-горняками. Сторона обвинения имела подавляющее преимущество по количеству свидетелей, привлекая шахтинских рабочих давать показания против своих же начальников на производстве.

²⁸² Шахтинский заговор учит // Молот. 1928. 18 марта. № 199. С. 2.

Специфика Шахтинского процесса заключалась в том, что рассмотрению на нем подлежала не только техническая сторона деятельности группы «буржуазных специалистов» в границах 1920-х гг., но и значительный круг их социально-трудовых взаимоотношений с рабочими, ведущих отсчет с дореволюционных времен. Донбасс, являясь ареной крупномасштабного военно-политического противостояния в период Гражданской войны, предоставлял обширный материал, чтобы привлечь к обсуждению на процессе те застаревшие конфликтные ситуации и сопутствующие им личные и групповые обиды, которые, безусловно, сопровождали то смутное время.

Ряд рабочих, бывших красноармейцев, были вызваны свидетелями на процесс главным образом для того, чтобы предоставить суду информацию о роли, деятельности и положении некоторых подсудимых во время Гражданской войны. Так, в отношении подсудимых В. Н. Самойлова и Н. Н. Березовского на заседании суда 24 мая свидетель П. М. Сизов, бывший член красного партизанского отряда, утверждал, что те оказывали материальную помощь белогвардейским отрядам В. М. Чернецова²⁸³. В другом случае Е. К. Колодуб на заседании 28 мая обвинялся рабочим Л. А. Вайловым в том, что тот, по выражению свидетеля, являлся «особенным дружкой» атамана А. М. Каледина²⁸⁴. Нашлись свидетельские показания и в пользу участия подсудимого Ф. Т. Васильева в белогвардейской банде Кучума. По утверждению свидетеля А. М. Янченко на заседании 29 мая, Ф. Т. Васильев состоял в банде не кем иным, как атаманом²⁸⁵. Подсудимые категорически отрицали показания свидетелей. Ранее отмечалось, что оговоры часто имели место в ходе процесса, поэтому следует с осторожностью подходить к свидетельским показаниям, тем более что мотивами их дачи могли быть личные обиды и неприязненное отношение рабочих к техническому и административному персоналу на производстве. Кроме того, показания свидетелей зачастую основывались на разговорах с другими лицами или распространенных в то смутное время слухах. Частым обвинением со

²⁸³ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 10. Л. 26.

²⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 13. Л. 60.

²⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 14. Л. 224.

стороны свидетелей на процессе было обвинение в жестоком обращении с пленными красноармейцами в период власти белых в Шахтинском районе. Нашлись очевидцы, приписывавшие факты такого рода обвиняемым Н. Н. Березовскому, С. А. Бабенко, В. Н. Нашивочникову и А. Б. Башкину.

Указанные примеры, в которых свидетели-рабочие прибегали к оглашению на процессе сведений о ситуациях, имевших место в период Гражданской войны, подтверждают, что социальная катастрофа такого масштаба оставила тяжелый след в социально-классовых отношениях. Многие из социальных конфликтов остались неразрешенными с того времени. Логика инициаторов Шахтинского процесса предусматривала использование этого узла противоречий для обоснования неразрывной связи между антирабочей деятельностью подсудимых до установления советской власти и «вредительством» в период строительства социализма.

Той же цели служило одно из распространенных обвинений, повторяемых свидетелями-рабочими в адрес подсудимых на Шахтинском процессе, – обвинение в грубом отношении к рабочим на рудниках. Свидетель Ф. С. Кузнецов на заседании 28 мая рассказывал, что Е. К. Колодуб во взаимоотношениях с рабочими часто прибегал к палке, с которой не расставался на руднике²⁸⁶. 1 июня свидетель М. О. Чебатов перед судом утверждал, что подсудимый А. Б. Башкин «не уважал» рабочих: «...если кланялись ему, он это очень любил, а если рабочий с ним поговорит, что-нибудь скажет, Абрам Борисович сейчас же: не разговаривать, не забывайте где находитесь»²⁸⁷. Некоторые из подсудимых не отрицали грубости по отношению к рабочим, но объясняли это, как, в частности, А. Б. Башкин, той «горячей работой», которая выпала на их долю и нехваткой рабочей силы²⁸⁸. Тем не менее, требовательность инженерно-технического персонала являлась, без сомнения, раздражителем для рабочих, что и проявилось в свидетельских показаниях на Шахтинском процессе.

²⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 13. Л. 36.

²⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 17. Л. 141.

²⁸⁸ Там же. Л. 146.

Зачастую свидетели-горняки не до конца понимали суть и масштабы предъявляемых «шахтинцам» обвинений. Наиболее показательным в этом плане было выступление на суде рабочего шахты «Пролетарская диктатура» Л. А. Вайлова 28 мая: «По этому шахтинскому делу здесь в Москве – конечно, это Москва – пишут, что это дело шахтинское. Но мы на руднике “Пролетарская диктатура” и вообще весь наш район называем это дело колодубовщиной. Это я вам ясно говорю, сверьтесь у нас на шахтах, что это дело мы называем колодубовщиной, ибо это дело контрреволюционеров, а правильнее сказать – все нити от Емельяна Колодуба, а все эти подсудимые являются только его пособниками»²⁸⁹. Конкретные обвинения Л. А. Вайлова заключались в том, что Е. К. Колодуб до революции, взимая с рабочих плату на квартирное содержание, доводил их до такой степени бедности, что рабочим не хватало денег на кусок хлеба. Тех же, кто осмеливался высказать протест, Е. К. Колодуб выдавал полиции, которая подчинялась его авторитету на руднике. Из этих показаний можно заключить, что Л. А. Вайлов воспринимал Шахтинский процесс не как суд над «законспирированной контрреволюционной организацией», ставившей задачу свержения советского строя, а как узаконенную расправу над инженерно-технической верхушкой, притеснявшей рабочих еще с дореволюционных времен. При этом следует помнить, что показания свидетелей-рабочих транслировались в советской прессе наиболее полно, поскольку наряду с признаниями части подсудимых, свидетельства представителей пролетариата являлись не менее весомой основой для подтверждения вины «шахтинцев».

Ухудшавшееся материальное положение являлось одним из главных факторов-раздражителей для рабочего класса. Материалы советской пропаганды о «Шахтинском деле» напрямую связывали деятельность «контрреволюционной организации» с ухудшением условий жизни рабочих на рудниках²⁹⁰. В подтверждение этого выступали на процессе и свидетели. Так, 22 мая беспартийный механик Н. Г. Золотарев давал следующие показания в отношении

²⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 13. Л. 50–52.

²⁹⁰ См.: Красиков П. От прокурора Верховного суда Союза. Сообщение о раскрытии контрреволюционного экономического заговора // Известия. 1928. 10 марта. № 60. С. 2.

«вредительской» деятельности Н. А. Гавришенко, которого на самом процессе не было (покончил с собой в период следствия): «Он очень часто не доплачивал рабочим. Производил всякие махинации, обсчитывал по сдельным и т. д., а как что, так просто кричал “гнать”. Первое слово на его языке было “гнать”»²⁹¹.

Объявление фигурантов «Шахтинского дела» основными виновниками неудовлетворительного материального положения рабочего класса находило ожидаемый отклик у рабочих, о чем свидетельствуют показания рабочего П. М. Сизова на заседании 24 мая: «Заработная плата постепенно падала, и рабочие стали роптать не только против отдельных спецов, все мы, и я в частности, не понимали сути вредительства, но и против советской власти, которая не дает возможности заработать и улучшить положение»²⁹². Из данного высказывания вытекало, что «роптать» следовало только против «контрреволюционеров на производстве», являвшихся главными виновниками экономического неблагополучия, но никак не против власти.

Личные обиды, бывшие производственные и бытовые столкновения служили возможной мотивацией для дачи свидетельских показаний в пользу обвинения. Вероятно, в случае с рабочим П. М. Сизовым не обошлось без сведения личных счетов. По показанию подсудимого В. Н. Самойлова 24 мая, в ходе его столкновения с П.М. Сизовым в 1927 г. по поводу премирования рабочих П. М. Сизов бросил следующую фразу: «Премия пусть премией, а уж когда-нибудь я с вами посчитаюсь»²⁹³. Данный эпизод не был единичным: на заседании 8 июня подсудимый механик В. М. Кувалдин объяснял показания Г. Г. Быханова, свидетельствовавшего о постоянном «нажиге в работе» со стороны обвиняемого, тем, что он вынес Г. Г. Быханову выговор за вывод из строя дорогого насоса, за чем последовало снятие того с работы²⁹⁴.

О том, что показания свидетелей-рабочих на процессе отражали массовые настроения горняков Донбасса, свидетельствуют региональные отклики на

²⁹¹ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 8. Л. 112.

²⁹² ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 10. Л. 28.

²⁹³ Там же. Л. 54.

²⁹⁴ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 22. Л. 263.

процесс, которые находили отражение в советской прессе. Так, в ростовской газете «Молот» 27 мая были опубликованы мнения рабочих Власовского рудника о фигурантах Шахтинского процесса. В частности, рабочий Ситников следующим образом высказывался о подсудимом инженере И. Г. Горлове: «Что хотел, то и делал, мерзавец: такая сволочь была, что и не приступи. К окошку нельзя было подойти: разговаривать не хотел. Было заболел рабочий от газа в шахте: на поверхность не пускает – раз полез, работай»²⁹⁵. Подобные материалы, опубликованные в прессе, позволяют утверждать, что выступавшие на процессе свидетели со стороны обвинения отнюдь не являлись «подсадными утками», заранее подготовленными сотрудниками ОГПУ, а выражали подлинные массовые «антиспецовские» настроения рабочих на производстве.

Роль свидетелей-рабочих на Шахтинском процессе следует оценивать в нескольких отношениях. Во-первых, показания свидетелей были использованы для расширения в ходе суда доказательной базы обвинения, до тех пор базировавшегося в основном на признательных показаниях обвиняемых. Во-вторых, участие свидетелей-рабочих в процессе призвано было подчеркнуть «классовый» характер советского правосудия. В-третьих, участие рабочих придавало процессу необходимое социальное измерение (голос рабочих прозвучал публично и был услышан).

Подача информации о ходе судебных заседаний в форме корреспондентских отчетов сопровождалась публикацией на страницах журналов и газет визуальных материалов: фотографий, рисунков, шаржей, карикатур. Информация такого рода помимо того, что способствовала привлечению внимания аудитории, формировала представление о внешнем антураже Шахтинского процесса, а также усиливала эффект восприятия массовым сознанием пропагандистских установок. Фотографические материалы, большая часть которых представляла собой портретные снимки главных действующих лиц процесса (членов Специального присутствия Верховного суда, государственных и общественных обвинителей), регулярно публиковались на страницах центральной

²⁹⁵ Вредителям нет пощады. Отклики рабочих г. Шахты // Молот. 1928. 27 мая. № 2046. С. 1.

и региональной прессы²⁹⁶. Примечательно, что фотопортреты подсудимых и их защитников на страницах советской периодики не печатались. Представляемые пропагандой в качестве «антигероев» на Шахтинском процессе они изображались исключительно посредством зарисовок. Можно предположить, что предпочтение зарисовок фотографиям подсудимых имело под собой определенное основание: помимо того, что имело место плохое качество фотоснимков в газетах и журналах, зарисовки профессиональных художников позволяли усиливать в графических изображениях обвиняемых негативные черты облика последних (подавленность, страх и т. д.).

Помимо портретных снимков в прессе печатались фотографии публики, обстановки Колонного зала Дома Союзов и внешних атрибутов Шахтинского процесса. Так, чтобы подчеркнуть общественный ажиотаж вокруг процесса, советские периодические издания публиковали снимки очереди, собравшейся для получения пропусков на процесс²⁹⁷, фотографии групп корреспондентов советской и иностранной прессы²⁹⁸, а также заполненного публикой Колонного зала²⁹⁹. Фотографии свидетелей-рабочих³⁰⁰, групповые снимки делегации шахтеров, присутствовавшей на заседаниях суда³⁰¹, подчеркивали «классовый» характер процесса.

Газета «Известия» чаще других изданий публиковала изобразительные материалы о Шахтинском процессе. Практически в каждом номере в течение полутора месяцев судебных заседаний печатались графические рисунки художника Н. И. Кравченко. Рисунки сопровождали корреспондентские отчеты из зала суда. В большинстве случаев это были изображения подсудимых во время дачи показаний. Несмотря на то, что большинство зарисовок было выполнено

²⁹⁶ См., например: Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Известия. 1928. 18 мая. № 114. С. 3; Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Известия. 1928. 20 мая. № 116. С. 3; Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 22 мая. № 117. С. 3; Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 19 мая. № 115. С. 3; Шахтинское дело // Красный шахтер. 1928. 19 мая. № 162. С. 4; Суд над контрреволюционерами-вредителями // Советская Сибирь. 1928. 20 мая. № 152. С. 3.

²⁹⁷ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 24 мая. № 120. С. 3.

²⁹⁸ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Известия. 1928. 25 мая. № 121. С. 3.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 23 мая. № 119. С. 3.

³⁰¹ Там же.

контурно, автор все же стремился к реалистичности отображения. Исключение составляет номер «Известий» от 1 июня 1928 г. По всей видимости, в день заседаний 31 мая Н. И. Кравченко временно подменял шаржист К. Елисеев, предоставивший для номера свои работы. Это были карикатурные портреты подсудимых Н. Н. Горлецкого, Л. Г. Рабиновича и немецкого инженера Э. Отто, которого К. Елисеев изобразил со свастикой на лице (на процессе обсуждалась связь Э. Отто с протонацистской организацией «Стальной шлем») ³⁰².

Н. И. Кравченко несколько раз публиковал зарисовки хозяйственных объектов, якобы подвергавшихся актам «вредительства». Так, в «Известиях» были опубликованы, по всей видимости, выполненные с фотографий, рисунки брикетного завода, «приведенного вредителями в негодность» ³⁰³, шахты им. Крыленко, которую, следуя обвинению, «вредители» держали в затопленном состоянии ³⁰⁴, и др.

При обилии опубликованных визуальных материалов по Шахтинскому делу советская пресса все же, как правило, избегала карикатурной формы. В газете «Известия» еще до начала процесса 2 мая была опубликована единственная карикатура под названием «Гад-вредитель». На ней был изображен змей с человеческим лицом в форменной инженерской фуражке, которого держит крепкая рука пролетария. В целом, публиковавшиеся на страницах прессы визуальные материалы служили, прежде всего, цели формирования у читателей представления об основных акторах процесса и его внешне-атрибутивной стороне.

Самой наглядной формой отображения внешней стороны судебных заседаний была кинохроника процесса, показанная советской публике в 1928 г. Кинохроникальные фрагменты Шахтинского процесса первоначально были представлены двумя трехминутными выпусками Совкиножурнала (132 и 136 выпуски 1928 г. ³⁰⁵). Впоследствии, в том же году, на их основе был

³⁰² Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Известия. 1928. 1 июня. № 126. С. 3.

³⁰³ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Известия. 1928. 3 июня. № 128. С. 3.

³⁰⁴ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Известия. 1928. 6 июня. № 129. С. 3.

³⁰⁵ РГАКФД. № 921. Куски из Совкиножурнала (1917–1940).

смонтирован документальный фильм «Дело об экономической контрреволюции»³⁰⁶ хронометражем 15 минут. Для всех названных кинопродуктов был характерен схожий стиль и формат подачи материала. Одной из задач была демонстрация общественного ажиотажа вокруг процесса. Первый выпуск киножурнала Совкино, посвященный Шахтинскому процессу, начинался с показа очереди в Дом Союзов перед началом судебных заседаний. Следом была показана панорама Колонного зала, заполненного публикой, а также места председателя Специального присутствия и его членов. Большую часть хронометража обоих кинохроникальных сюжетов занимали кадры, снятые во время показаний и допросов подсудимых. Демонстрировались эпизоды дачи показаний Н. Е. Калганова, В. Н. Самойлова, А. Е. Колодуба, В. Н. Нашивочникова и др. Хроника сопровождалась кадрами с текстом, который кратко описывал служебное положение и вину подсудимого. При этом судебный процесс был показан в динамике: кадры объяснений подсудимых перемежались кадрами работы председателя А. Я. Вышинского и прокурора Н. В. Крыленко. Отдельным фрагментом была показана скамья, на которой разместились свидетели-рабочие, и эпизод дачи свидетельских показаний красноармейцем, бывшим рабочим-горняком Донбасса Домненко. Характерной чертой обоих выпусков являлось отсутствие запечатленных эпизодов деятельности адвокатуры на Шахтинском процессе. Вероятно, это объясняется общей тенденцией воспринимать защитников на процессе как «антигероев».

Однако в вышедшем позднее в 1928 г. кинохроникальном фильме «Дело об экономической контрреволюции» лакуна, связанная с отсутствием задокументированной на пленке работы адвокатуры, была заполнена. Первая часть фильма основывалась на сюжетах Совкиножурнала, повторяя их структуру, с добавлением ранее не показанных фрагментов. По-прежнему основу фильма составляли кадры показаний обвиняемых перед судом. Тем не менее, процессуальная составляющая суда была передана более основательно. Были последовательно представлены все главные акторы процесса: государственные и

³⁰⁶ РГАКФД. № 3660. Дело об экономической контрреволюции в Донбассе (1928).

общественные обвинители, состав Специального присутствия, обвиняемые, сторона защиты.

Если первая часть фильма, представлявшая собой хронику суда над «вредителями», могла оставить тягостное впечатление, то вторая часть производила противоположный эффект. Вторая половина фильма – это панорамные кадры индустриального Донбасса, съемки технологического процесса добычи угля, бесперебойной работы машин и людей. Символическим образом демонстрировалась неспособность «вредителей» подорвать индустриальное развитие Донбасса. Такое композиционное построение фильма внушало представление о крепнущем хозяйственно-промышленном состоянии Донбасса, улучшении бытовых условий жизни рабочих (отдельными кадрами показывались отстроенные рабочие поселки, проведенные к ним трамвайные линии и т. д.)

Таким образом, документальные кинохроники выполняли несколько пропагандистских функций: во-первых, они позволяли наглядно показать антураж Шахтинского процесса, его открытость и внешнее соответствие формально-правовой процедуре; во-вторых, демонстрировались успехи индустриального развития, достигнутые вопреки «вредительству»; в-третьих, повышалось само значение «Шахтинского дела» как задокументированной «вехи» в истории классовой борьбы.

Шахтинский процесс стал площадкой публичного столкновения пролетарской массы (представленной свидетелями и членами Специального присутствия Верховного суда рабочими Н. А. Курченко и С. Е. Киселевым) и «буржуазной» интеллигенции (представленной не только подсудимыми, но и адвокатами обвиняемых). Одной из важных показательных сторон Шахтинского процесса явилось осуждение «контрреволюционеров» самой инженерно-технической корпорацией. Такой эффект достигался за счет присутствия среди общественных обвинителей представителей интеллигентской прослойки. Соблюдалась принятая еще до начала процесса установка, следуя которой «старая» интеллигенция разделялась на активную и преданную советской власти

часть, нейтральную, еще слабо «советизированную» массу и «контрреволюционное» меньшинство. Попытки пропаганды на этой основе создать впечатление поддержки власти большей частью интеллигенции, впрочем, периодически контрастировали с показаниями некоторых «шахтинцев» о распространенности в инженерно-технической среде антисоветских настроений.

Высокая степень конфликтности в обществе и социальная напряженность позволяли создать основу для формирования образа внутреннего «врага» в новом, «вредительском» облике. Образ «вредителя» – это образ «эксплуататора», не сумевшего отказаться от своего «буржуазного» мировоззрения, которое привело его к скрытой, а потому вдвойне опасной борьбе против советской власти. Этот образ напрямую совпадал с широко распространенными в рабочей среде представлениями о «спецах» как об «эксплуататорах», связанных с эмиграцией и готовивших реставрацию прежних порядков. Сохранившееся на производстве подчиненное положение пролетариата управленческому и техническому персоналу и создаваемое на этой основе массовое недовольство тем самым успешно перенаправлялось властью в нужное «антиспецовское» русло.

2.2. «Шахтинское дело» в ряду мобилизационных кампаний 1928 года

Шахтинский процесс являлся важной, но только частью решения проблемы падения репутации партии, которая стояла весной-летом 1928 г. в связи с нарастанием недовольства в различных группах общества ухудшением своего социально-экономического положения. Формирование образа «контрреволюционера-вредителя», начавшееся в марте и продолжавшееся в ходе освещения процесса в прессе, прямо отвечало запросу пролетариата на расправу с «буржуазными элементами», однако оставался обойденным другой аспект недовольства рабочих: бесправие перед администрацией предприятий, отсутствие защищенности со стороны профсоюзов и ячеек ВКП(б). Рабочие на фоне деклараций о своей ведущей роли в обществе соотносили реальное положение на производстве с положением «эксплуатируемого» класса. «Шахтинское дело»

лишь обострило вопрос о том, как по-новому обозначить место и значение рабочего класса в производственно-трудовых отношениях и привести их в соответствие с провозглашаемыми широкими политическими предпочтениями пролетариата.

Данная проблематика, оставшаяся «за кадром» Шахтинского процесса, получила развитие в материалах советской прессы (в газетных публикациях, которые не освещали ход судебных заседаний, но использовали «Шахтинское дело» как информационный повод). Пропаганда опиралась на решения, принятые на апрельском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928 г. На пленуме широко обсуждалось, какие меры предпринять для налаживания механизма управления промышленным производством и защиты труда. Фактор «экономической контрреволюции», политизировавший производственно-хозяйственную сферу, обострил уже застарелые проблемы бюрократизма и бесхозяйственности, невнимательного отношения к жалобам и запросам рабочих, дистанцирования управленцев от рабочих масс. Были подняты вопросы о пересмотре деятельности местных партийных, хозяйственных и профсоюзных работников, подготовке новых инженерных кадров для промышленности.

В резолюции пленума по докладу А. И. Рыкова «Шахтинское дело и практические задачи в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства» намечался комплекс мер по решению проблем в производственно-хозяйственной сфере. Решения принимались не только по Донбассу как региону, охваченному «вредительской деятельностью» (в частности, предписывалось в краткие сроки улучшить условия труда и быта рабочих Донбасса), но и по Союзу в целом: усилить контроль и проверку работы специалистов, улучшить партийное руководство в отношении хозорганов, вовлечь массы в управление производством, интенсифицировать подготовку «красных» специалистов, обеспечить полноценное руководство предприятиями коммунистами-хозяйственниками³⁰⁷.

³⁰⁷ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 т. М., 2000. Т.1: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. С. 324–332.

Развернувшаяся после пленума кампания по пропаганде его решений несла в себе черты типичных хозяйственно-политических кампаний мобилизационного типа. Особенность ее состояла, скорее, в том, что партийные решения затрагивали широкий круг взаимосвязанных между собой задач, решать которые предполагалось одновременно и в возможно краткие сроки. Следовало, во-первых, форсированно, и при этом не допуская «перегибов», перевести активизм рабочих из негативного русла в позитивное, конструктивное, поднять их роль в принятии решений управленческого характера на производстве, не нарушая самих механизмов управления производством. Во-вторых, продолжить выявление рабочими скрытого «вредительства» в среде инженерно-технического персонала, но при этом не допустить «огульного шельмования спецов». В-третьих, форсированно «выдвигать» рабочих на управленческие посты в производственной сфере, но считаться с недостаточным уровнем подготовки рабочих-«выдвиженцев» к исполнению новых функций. В-четвертых, повышать пошатнувшуюся авторитетность низовых профсоюзных и партийных ячеек, но не затрагивать авторитет вышестоящих органов районного и, тем более, регионального уровней. В-пятых, немедленно «чистить» ряды специалистов, форсируя подготовку им на замену «красных» специалистов.

Согласно результатам контент-анализа за период с 12 апреля³⁰⁸, когда была опубликована в центральной прессе резолюция пленума, и до конца декабря 1928 г., когда фактически прекратилась публикация материалов по «горячим следам» «Шахтинского дела», на страницах газеты «Правда» доленое соотношение упоминаний намеченных в резолюции пленума мер по устранению выявленных недостатков таково: установление контроля над работой специалистов – 10 (%) (13 ед.), улучшение партийного руководства – 3 (%) (4 ед.), интенсификация подготовки «красных» специалистов – 31 (%) (40 ед.),

³⁰⁸ Нижняя хронологическая граница контент-анализа в случае хозяйственно-политических кампаний определена 12 апреля 1928, а не 18 мая (начало Шахтинского процесса), поскольку формальное начало судебной процедуры не могло иметь влияния на ход кампаний такого рода. Отправной точкой указанных хозполиткампаний является публикация в прессе резолюции апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928 г. по «Шахтинскому делу».

вовлечение масс в управление производством – 37 (%) (48 ед.), обеспечение руководящей роли хозяйственников – 19 (%) (25 ед.) (рис. 2.1, а).

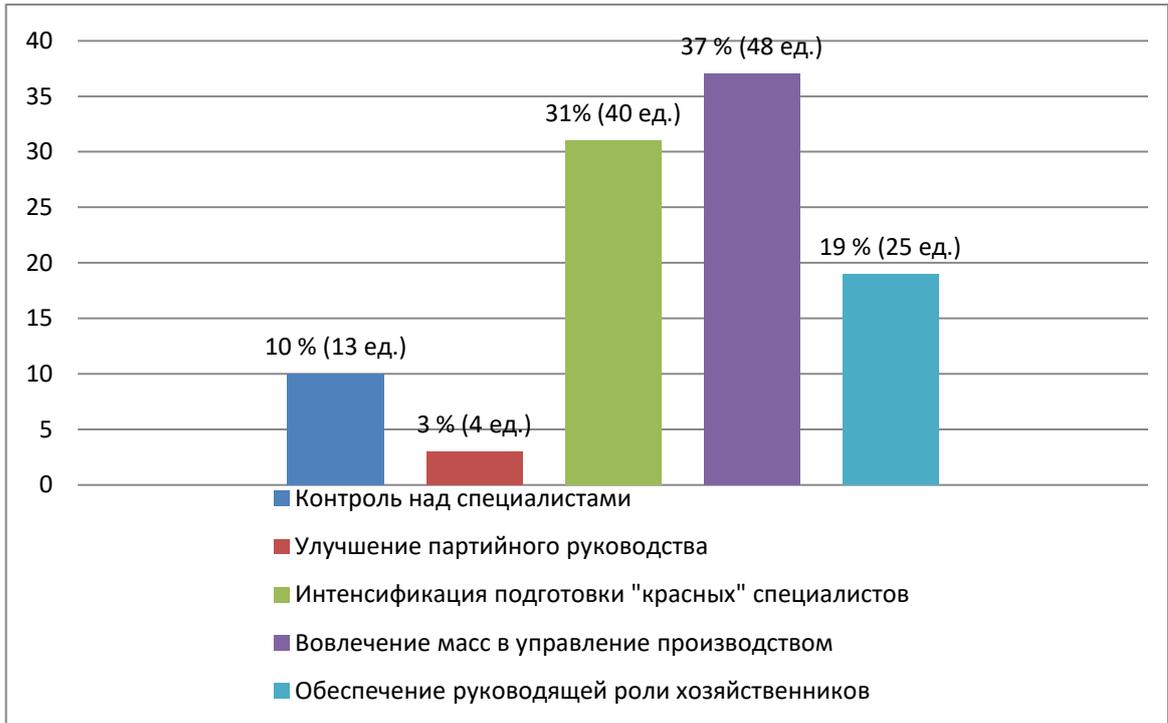
В газете «Известия»: установление контроля над работой специалистов – 7 (%) (10 ед.), улучшение партийного руководства – 1 (%) (1 ед.), интенсификация подготовки «красных» специалистов – 26 (%) (36 ед.), вовлечение масс в управление производством – 40 (%) (56 ед.), обеспечение руководящей роли хозяйственников – 26 (%) (36 ед.) (рис. 2.1 б). В обоих изданиях наиболее интенсивное развитие получила тема «втягивания рабочих масс в дело управления промышленностью», что свидетельствует о наибольшем внимании пропаганды к «рабочей» тематике. В многочисленных публикациях раздавались призывы к «вовлечению масс в социалистическое строительство»³⁰⁹, сетования на «недостаточное привлечение масс к управлению»³¹⁰, требования привлечь «широкие массы к участию в управлении производством»³¹¹ и т. д.

Кампания по вовлечению масс подразумевала принятие конкретных мер по усилению влияния пролетариата на производственную политику предприятий. Администрации предприятий и контролирующим организациям вменялось, во-первых, уделять пристальное внимание производственным совещаниям и конференциям с активным участием в них рабочих, во-вторых, поощрять выдвижение пролетарских кадров на ответственные посты. Первая мера должна была приблизить управленческий аппарат к массам, заставить его прислушиваться к голосу рабочего класса, а вторая находилась в русле общей тенденции к «орабочению» управленческого состава промышленности, наполнению его «безупречными» с точки зрения социального происхождения работниками.

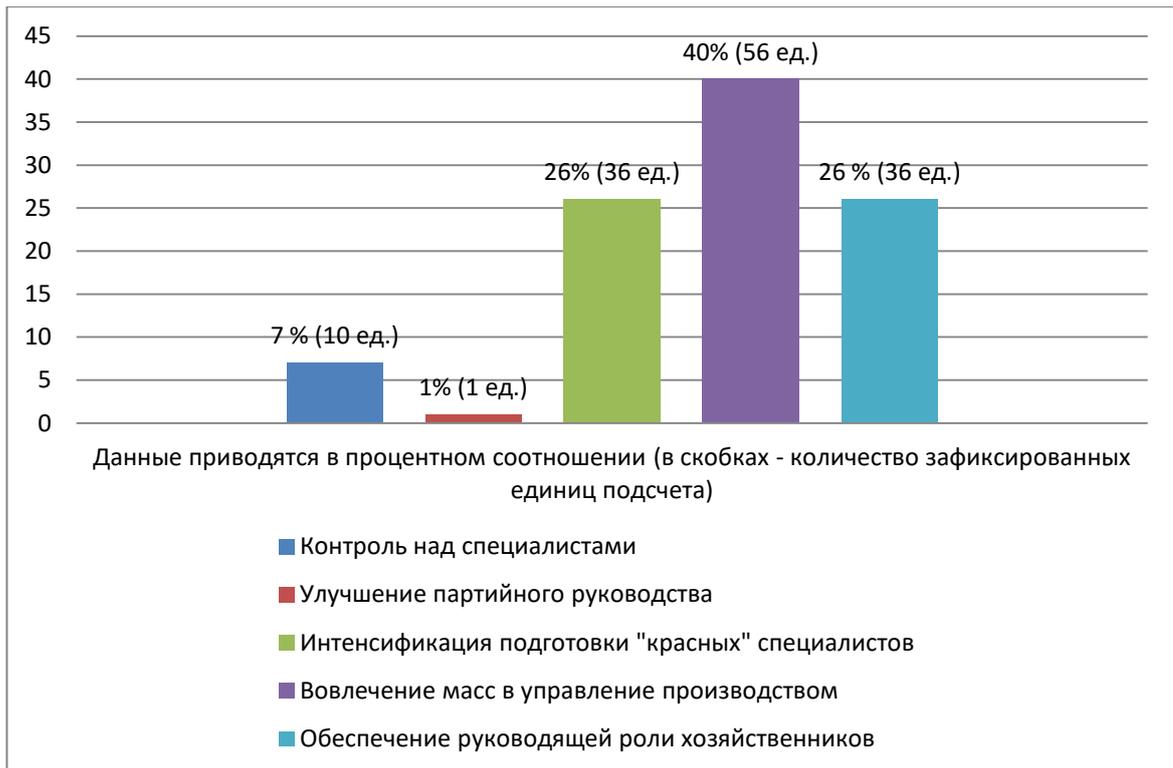
³⁰⁹ Внимание выдвиженчеству // Известия. 1928. 21 июня. № 142. С. 1.

³¹⁰ Советы и самокритика // Известия. 1928. 15 июня. № 137. С. 1.

³¹¹ Всесоюзное агитпроповещение // Известия. 1928. 6 июня. № 129. С. 3.

а

б

Рисунок 2.1 – Долевое соотношение тем, заявленных в резолюции апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), в их освещении газетами «Правда» (а) и «Известия» (б) с 12 апреля по 31 декабря 1928 г.

Пропагандистский курс в данном случае был направлен на усиление эффективности уже имевшихся инструментов вовлечения пролетариата в управление производственными процессами. Функционально пропаганда выполняла здесь задачу поиска не использованных прежде возможностей активизации потенциала рабочей массы для решения производственных задач. Напомним, что отсутствие тесных связей между хозяйственными органами и рабочей массой обсуждалось на апрельском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) как одна из причин несвоевременного раскрытия «Шахтинского дела».

Процентное соотношение тем производственных совещаний и выдвиженчества в период с 12 апреля по конец декабря 1928 г. в газете «Правда» составило пропорцию 60/40 (%) (31/21 ед.) (рис. 2.2, а), в «Известиях» – 53/47 (%) (27/24 ед.) (рис. 2.2, б). Преобладание тематики усиления роли производственных совещаний в обоих изданиях объяснимо тем, что она находилась на стыке нескольких пропагандистских тенденций. Производственные совещания не только являлись средством вовлечения масс в дело управления производством, но и предоставляли платформу для рабочей критики и самокритики. Если в своей наивысшей форме социально-трудовые конфликты выплеснулись в осуждение группы ответственных руководителей и инженеров Донбасса на Шахтинском процессе, то производственные совещания оказывались рутинной формой «выпуска пара» недовольства рабочих администрацией предприятий, а также каналом реагирования на запросы масс по поводу улучшения производственных или бытовых условий. Предполагалось, что производственные совещания и конференции должны были стать той площадкой, на которой деятельность администрации (хозяйственников и инженерно-технического персонала) будет рассматриваться «под лупой» рабочей критики.

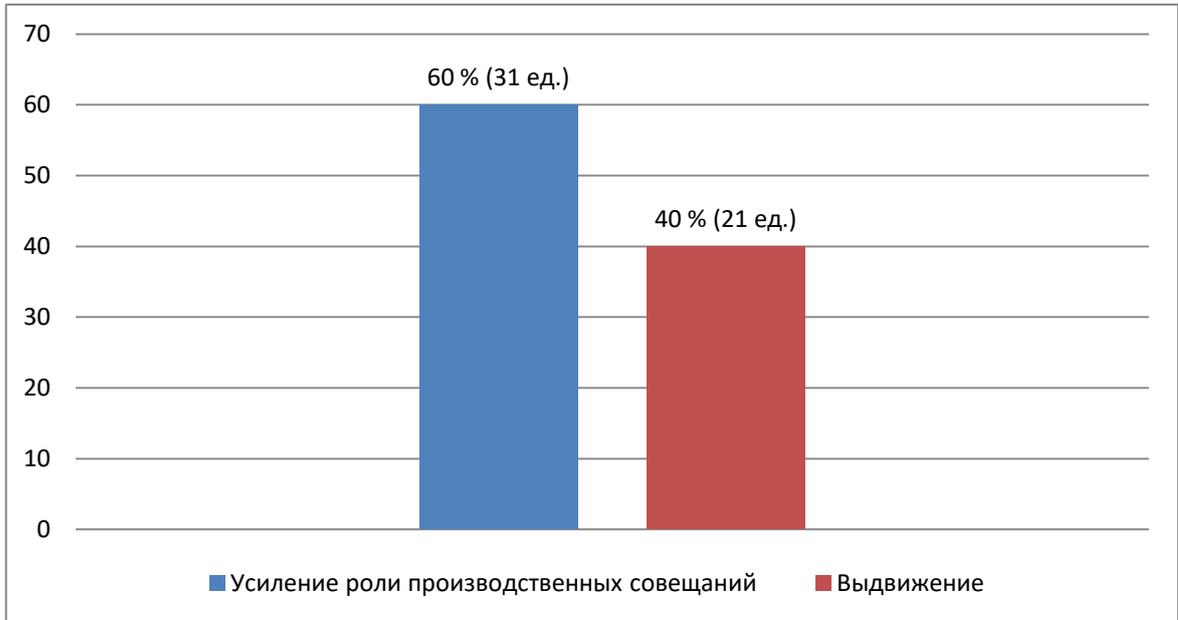
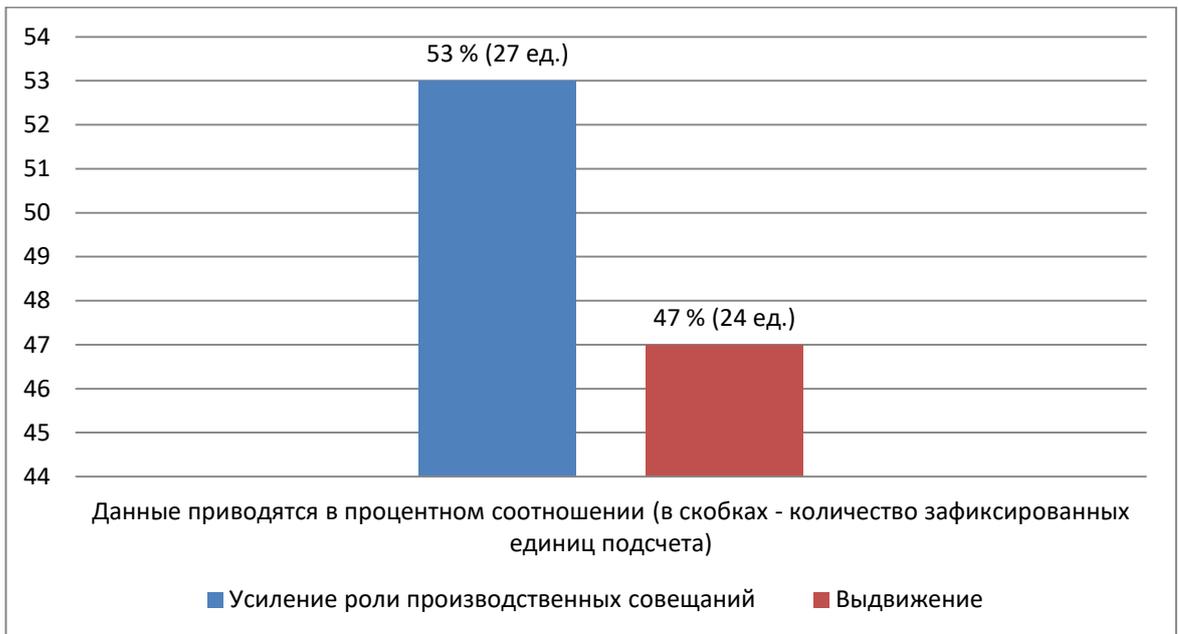
*а**б*

Рисунок 2.2 – Долевое соотношение тем повышения роли производственных совещаний и интенсификации выдвижения рабочих на ответственные посты в газетах «Правда» (а) и «Известия» (б) с 12 апреля по 31 декабря 1928 г.

3 июня 1928 г. на страницах центральных газет было опубликовано обращение ЦК ВКП(б) «Ко всем членам партии, ко всем рабочим», в котором заявлялось, что лозунг «самокритики», «критики сверху донизу и снизу доверху

есть один из центральных лозунгов дня»³¹². Следует отметить, что сам лозунг подразумевал самое широкое толкование, включая в себя как собственно самокритику, т. е. в узком, непосредственном смысле этого слова, так и критику вообще.

Пропагандистские ресурсы использовались для того, чтобы задать «правильное» направление критике со стороны рабочих. Докладные записки и обзоры региональных отделов ОГПУ подтверждают, что на производственных совещаниях, действительно, поднимались проблемы бюрократизма и бесхозяйственности. Однако зачастую практика «самокритики» не соответствовала пропагандистским предписаниям. Она наталкивалось на сопротивление со стороны администрации предприятий, которое квалифицировалось в документах как «зажим» рабочей критики. Факты подобного обращения администрации приводились в докладной записке Сталинского окружного отдела ГПУ от 30 ноября 1928 г.³¹³ Аналогичные явления описывались и в документах ОГПУ по другим регионам, например в обзоре политэкономического состояния Новосибирского округа за период с 25 мая по 25 июня 1928 г.³¹⁴ В нем приводились жалобы рабочих на то, что открытые выступления с критикой администрации влекут за собой различные гонения, вплоть до увольнения, и упоминались соответствующие случаи. Распространялось разочарование рабочих в идее «самокритики» вообще: «Что бы мы ни говорили, хотя и разрешена сейчас критика – все равно толку мало»³¹⁵; «если кто мало говорит – того и выдвигают, а кто правду говорит – того бузотером считают»³¹⁶. Боязнь открытых выступлений с критикой в адрес администрации, частые увольнения критикующих, разочарование в

³¹² Ко всем членам партии, ко всем рабочим // Правда. 1928. 3 июня. № 128. С. 1.

³¹³ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 2. С. 973–975.

³¹⁴ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 9. Л. 245–250.

³¹⁵ Там же. Л. 249.

³¹⁶ Там же.

«самокритике» подтверждаются и региональными исследованиями феномена «критики снизу»³¹⁷.

В связи с нерегулярностью созыва производственных совещаний и конференций и «зажимом» «самокритики» на предприятиях наиболее интенсивно данная кампания проводилась в печатных органах. Заметки рабкоров, письма рабочих в редакции газет стали распространенным каналом «самокритики», ограничивавшим возможность ответных репрессий со стороны начальственных лиц. «Самокритика» и задачи печати обсуждались на специальном заседании комиссии агитпропсовещания при ЦК ВКП(б) в июне 1928 г. На заседании подчеркивалось, что «самокритика» захватывала все большее количество органов прессы, «листки РКИ» (под эгидой РКИ на страницах советских газет публиковались сообщения рабкоров) уже имелись свыше чем в 50 губернских и областных газетах. Увеличивалось количество поступающих в редакции газет писем: «"Наша газета" раньше получала 100–120 писем в день, сейчас 177–200. "Рабочая газета" в мае прошлого года получила 2200 писем, в этом году – 5500»³¹⁸. При этом критика, как указывалось, пока затрагивала только хозяйственников и советских чиновников.

Вместе с тем, в действиях рабочих имело место то, что на официальном языке именовалось «перегибами», – негативная критика, лишённая конструктивного начала. Рабочие, дезориентированные «Шахтинским делом» и нагнетанием угрозы повсеместного распространения «вредительства», очевидно, переоценивали степень дозволенности критических высказываний в адрес всех наделенных властью на местах органов. «Перегибы» рабочей критики приобрели столь заметный характер, что потребовали вмешательства И. В. Сталина в ход пропагандистской кампании. 26 июня он выступил с уточнением партийной позиции, опубликовав на страницах «Известий» статью «Против опошления лозунга самокритики». В ней осуждались тенденции превратить «самокритику» в

³¹⁷ Тюрин А. О. «Критика снизу» на предприятиях и организациях Нижневолжского региона во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 3. С. 55–67.

³¹⁸ Самокритика и задачи партии // Известия. 1928. 6 июня. № 129. С. 3.

травлю хозяйственников, в их дискредитирование: «Это факт, что некоторые местные организации на Украине и в Центральной России подняли прямую травлю против наших лучших хозяйственников, вся вина которых состоит в том, что они не гарантированы от ошибок на все 100 процентов»³¹⁹. И. В. Сталин оперировал обширными материалами советской прессы, приводя в пример публикации рабкоров центральных и региональных газет, таких как «Комсомольская правда», «Власть труда» и др. Тем самым, демонстрировалось, что высшее партийное руководство знакомо со многими обстоятельствами «самокритики» и учитывает результаты деятельности корреспондентов.

Статья И. В. Сталина свидетельствовала не только о том, что ход кампании им отслеживался и контролировался. Важнее то, что публикация сталинской статьи подтверждала стремление власти регулировать «самокритику». В статье появлялась спецификация «самокритики», указывались ее разновидности: «Надо строго различать между чуждой нам антибольшевистской самокритикой и между нашей, большевистской самокритикой, имеющей своей целью насаждение партийности, упрочение советской власти, улучшение нашего строительства, укрепление наших хозяйственных кадров, вооружение рабочего класса»³²⁰. Вслед за различием «критики», основанной на «классовом чутье», и «самокритики», последняя подразделялась, в свою очередь, на «большевистскую» и «антибольшевистскую» (т. е. критику с целью дискредитации советской власти). Таковую спецификацию нельзя назвать четкой, однако пропаганда «правильной» формы «самокритики» свидетельствовала о стремлении установить образец социального активизма рабочих.

Кампания «самокритики» вместе с кампанией «вовлечения масс в управление производством» нацеливалась на изменение формата социально-трудовых взаимоотношений между рабочими, техническим персоналом и управленцами на производстве. Пролетариат должен был ощутить себя субъектом власти, а не «эксплуатируемым классом». Кампания «самокритики» де-юре (а в

³¹⁹ И. В. Сталин. Против опошления лозунга самокритики // Известия. 1928. 26 июня. № 146. С. 1.

³²⁰ Там же.

случаях отсутствия или преодоления «зажима» со стороны администрации и де-факто) ставила пролетариат на позицию «критикующего», а весь административно-технический персонал превращала в объект критики «снизу». При этом хозорганы оказывались между «молотом и наковальней», поскольку «низовая» критика привлекала внимание контролирующих инстанций (рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), расценочно-конфликтных комиссий (РКК), инспекции труда и т. д.), которые получали директивы оперативно реагировать на жалобы и претензии рабочих.

«Шахтинское дело» вызвало волну проверок промышленных предприятий, в которую включились не только полномочные органы, но и органы прессы, предававшие гласности (естественно, в согласованном формате) обнаруженные недочеты. Интенсивные проверки только подогревали растерянность ответственных работников и усугубляли неспособность наладить требуемый порядок в производственной сфере. Показательна реакция профсоюзных работников Сталинского округа на проведенное местной газетой «Диктатура труда» массовое обследование на всех предприятиях, выявившее неблагоприятное положение в сфере охраны труда, нехватку рабочих казарм, бань, столовых и т. д. В отчете профсоюзного работника Кузьменко о пленуме Сталинского окружного совета профсоюзов на заседании комфракции Всеукраинского совета профсоюзов 16 июля 1928 г. указывалось, что местные профсоюзные работники, соглашаясь с результатами проверки, «не видят перспектив, не знают, что нужно сделать, чтобы добиться результатов в этом вопросе»³²¹. В данном случае проверка, выявив «недочеты» в работе различных органов, в то же время не внесла ясности, каким образом следовало их исправлять. Проверки проводились множеством инстанций, и нередко одно предприятие обследовалось параллельно несколькими контролирующими организациями. Параллелизм и множественность обследований вносили дезорганизацию в производственный процесс, что влекло за собой стремление упорядочить контрольно-обследовательскую работу разных учреждений. 30 мая 1928 г. по наркомату РКИ был издан приказ № 136 о «новом

³²¹ АП РФ. Ф. 3, Оп. 5. Д. 332. Л. 58–61.

порядке производства обследований предприятий», согласно которому устанавливалось, что промышленные предприятия могут быть обследованы не более одного раза в год и в течение не более одного месяца³²².

Волна проверок в сочетании с резкой критикой в прессе дезориентировали коммунистов-хозяйственников. Кроме того, что красные директора находились в положении «критикуемых» как «сверху», так и «снизу», партийное руководство требовало от них овладеть технической стороной производства, стать действительными руководителями доверенных им предприятий, а не идти на поводу у специалистов. Положение коммунистов-хозяйственников на производстве и без того не было полномочным. Красные директора (часто люди без соответствующего технического образования), принимая производственные решения, находились в зависимости от технических директоров, посты которых занимали инженерно-технические специалисты. Препятствием к наделению директоров полнотой власти и ответственности за принятие решений являлось так называемое «Типовое положение», установленное приказом по ВСНХ № 33 в 1926 г. Этот приказ ставил весь технический состав предприятия в непосредственную зависимость от технического руководителя и, как указывалось в резолюции апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), «мешал установлению действительного единства управления и уменьшал роль управляющего предприятием»³²³.

Хотя действие «Типового положения» отменялось изданным ЦИК и СНК СССР 29 июня 1927 г. Положением о государственных промышленных трестах, на практике зависимость хозяйственников от технических директоров сохранялась. «Шахтинское дело», которое выявило «близорукость» коммунистов-управленцев в отношении «вредительских» действий инженеров, заставило еще раз обратить внимание на Положение. 20 июля 1928 г. ВСНХ издал приказ № 874,

³²² АП РФ. Ф. 3, Оп. 5. Д. 332. Л. 16.

³²³ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) // Правда. 1928. 12 апр. № 87. С. 3.

который предписывал провести в жизнь все установленные Положением нормы к 1 октября 1928 г.³²⁴

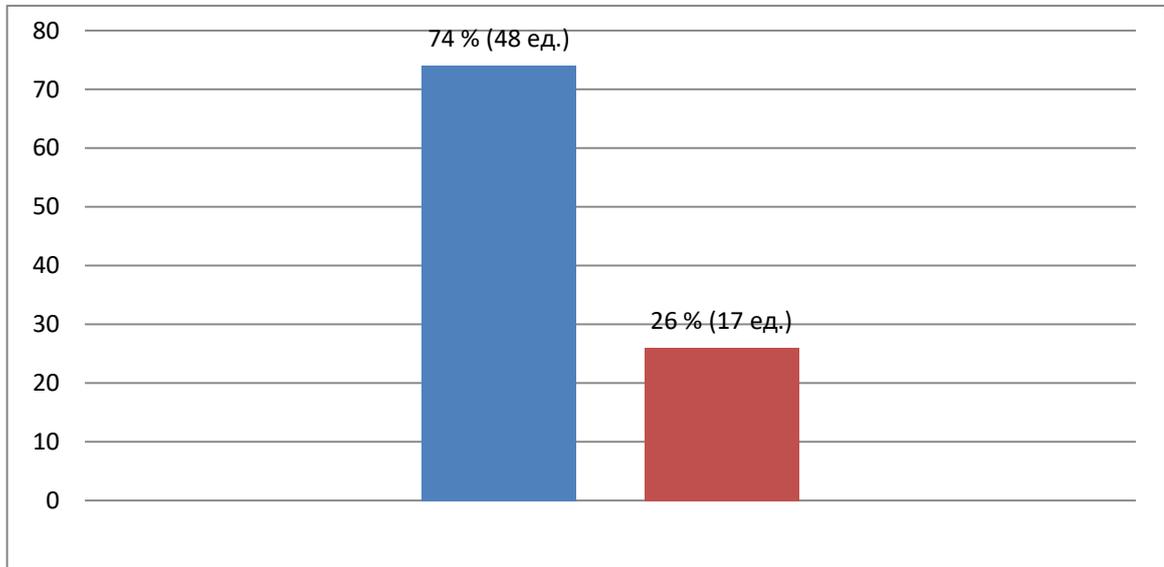
В то же время на страницах советских газет уделялось гораздо меньше внимания теме единоначалия коммунистов-хозяйственников в сравнении с темой вовлечения масс в управление производством. По всей видимости, задача преодоления кризиса доверия в отношении власти со стороны масс трудящихся являлась на тот момент основной, поэтому пресса предпочитала изображать пролетариат «хозяином» производства. Данные контент-анализа газеты «Правда» за период с 12 апреля по конец декабря 1928 г. показывают, что соотношение тем «вовлечения масс в управление производством» и «установления единоначалия хозяйственников» составляло пропорцию 74/26 (%) (48/17 ед.) (рис. 2.3, а), в газете «Известия» – 63/37 (%) (56/33 ед.) (рис. 2.3, б). Окончательно вопрос о наделении хозяйственников всей полнотой власти на предприятиях был решен в 1929 г. постановлением ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1929 г. «О мерах по упорядочению управления производством и установлению единоначалия», устранившим параллелизм партийных, профсоюзных и хозяйственных организаций в решении производственных задач и установившим главенство хозяйственников на предприятиях³²⁵.

Тема «нового» отношения к «буржуазной» интеллигенции с началом судебного процесса в публикациях прессы отошла на второй план. Шахтинский процесс, освещавшийся в отчетах из зала суда, в достаточной мере задавал образец нового взгляда на интеллигенцию. Данные контент-анализа показывают, что совокупная доля высказываний доверия/недоверия к «буржуазным» специалистам в газете «Правда» в период проведения процесса по сравнению с предпроцессным периодом составляла пропорцию 8/92 (%) (5/55 ед.) (рис. 2.4, а), в газете «Известия» 9/91 (%) (5/48 ед.) (рис. 2.4, б). Резко снизилась интенсивность обсуждения в советской центральной прессе тем, связанных с

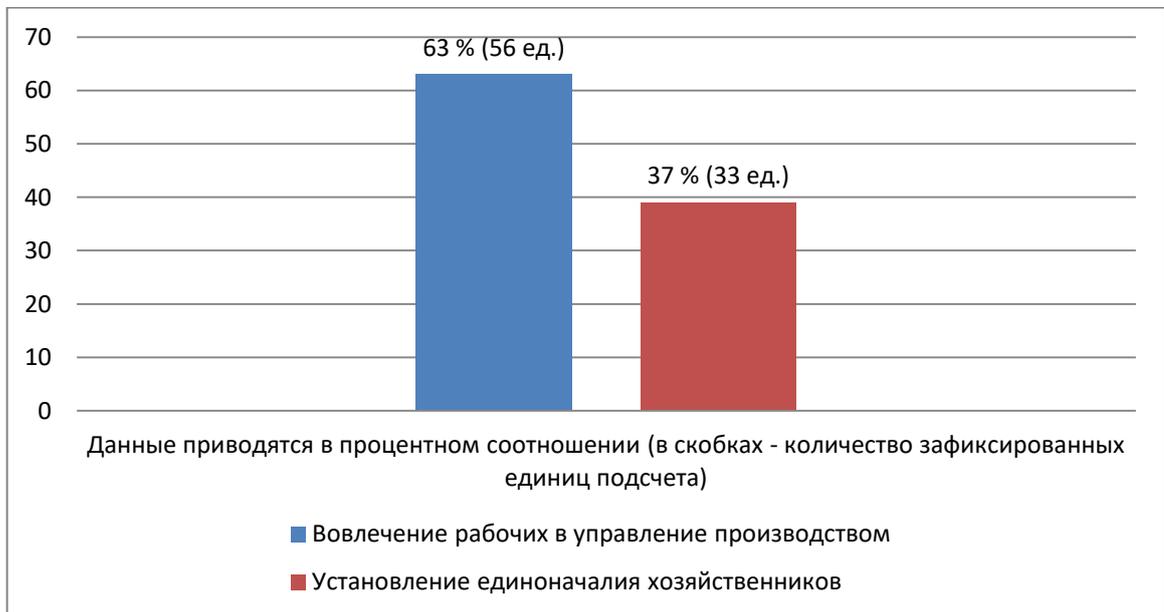
³²⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 332. Л. 62–63.

³²⁵ О мерах по упорядочению управления производством и установлению единоначалия (Постановление ЦК ВКП(б) от 5/IX 1929 г.). Красноуральск, 1929; см. об этом: Kuromiya H. Edinonachalie and the Soviet industrial manager, 1928–1937 // Soviet Studies. 1984. Vol. 36. Issue 2. P. 185–204.

иными вопросами «старой» инженерно-технической интеллигенции (например, вовлечение последней в «социалистическое строительство»). Фактически данная тематика на период процесса исчезает со страниц прессы, уступая свое место освещению хода судебных заседаний.

а

б

Рисунок 2.3 – Долевое соотношение тем вовлечения рабочих в управление производством / установления единоначалия хозяйственников в газетах «Правда» (а) и «Известия» (б) с 12 апреля по 31 декабря 1928 г.

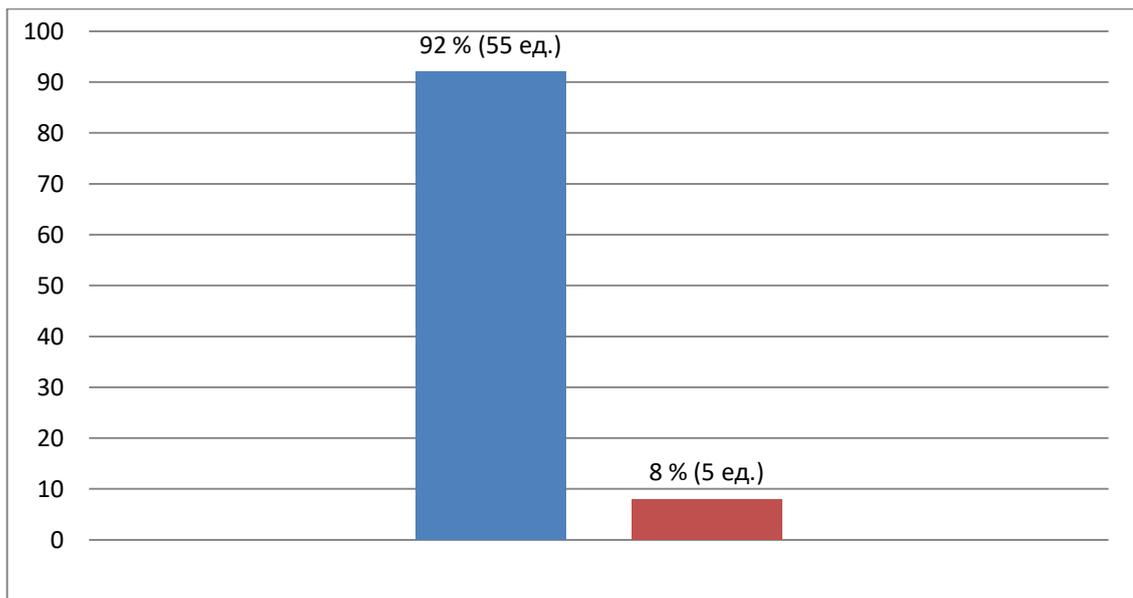
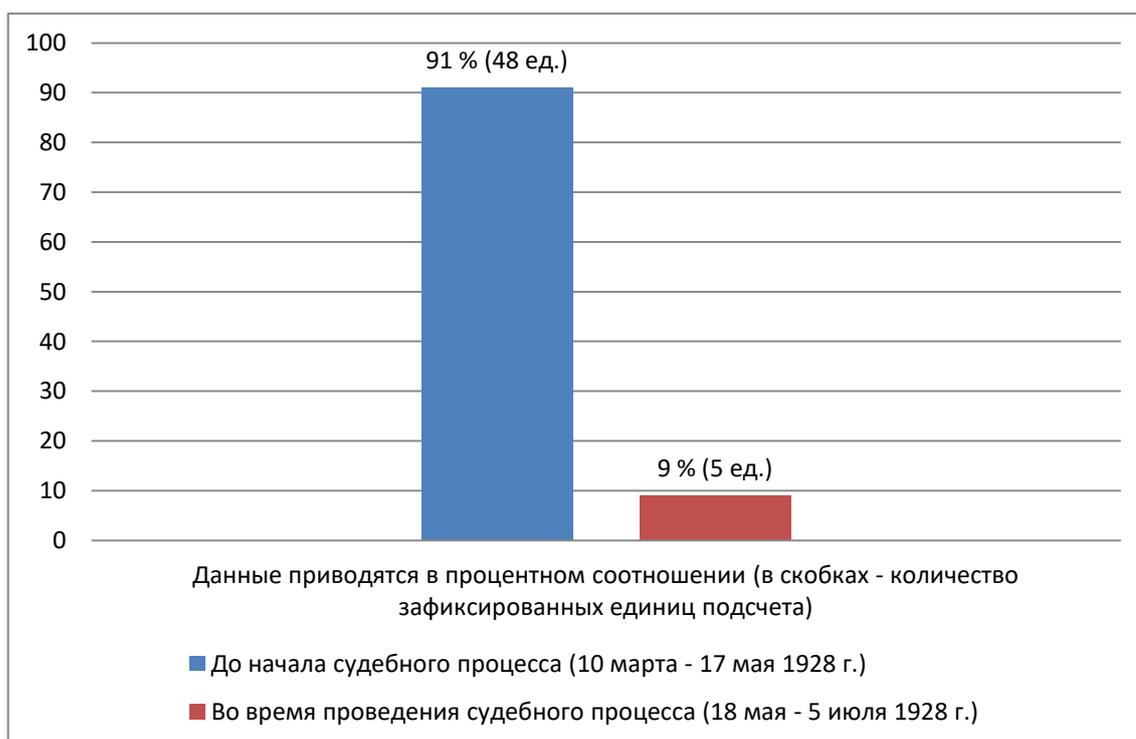
*а**б*

Рисунок 2.4 – Долевое соотношение высказываний доверия / недоверия по отношению к буржуазным специалистам до начала процесса и в период его проведения в газетах «Правда» (а) и «Известия» (б).

Гораздо большее внимание уделялось обсуждению проблем подготовки кадров «пролетарских» инженерно-технических работников. Главной задачей реформирования в области образования, которую выводила на первый план пресса, было создание нового типа инженера-производственника. В связи с этим активно пропагандировалась необходимость увязывания учебного процесса с процессом производства, предлагалось передать ВТУЗы из ведения Наркомпроса под управление ВСНХ. Объединенный апрельский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором обсуждались проблемы высшего образования, так и не выработал солидарного решения по этому вопросу. Противником ведомственности в высшей школе выступил руководитель правительства А. И. Рыков. Точка зрения И. В. Сталина заключалась в признании правильности намеченной реформы³²⁶. Сталинская позиция по данному вопросу стала фактически директивной для всей официальной пропаганды. На июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г. было принято решение в качестве пробной меры передать 6 ВТУЗов и 5 техникумов в ведение ВСНХ СССР и 2 ВТУЗа – в ведение Народного комиссариата путей сообщения (НКПС)³²⁷.

Другими элементами пропагандистской кампании по подготовке новых кадров специалистов являлись установки на рационализацию учебных планов, сокращение сроков обучения путем ликвидации некоторых необязательных общеобразовательных дисциплин. Принятие данной стратегии в сфере высшего образования должно было интенсифицировать подготовку «красных» специалистов, на что нацеливала провозглашенная Л. М. Кагановичем на Всеукраинской производственной конференции горняков 24 июня директива «выковать свой командный состав промышленности»³²⁸. В резолюции июльского

³²⁶ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 т. М., 2000. Т. 1: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. С. 237, 298.

³²⁷ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 т. М., 2000. Т. 2. Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. С. 602.

³²⁸ О Шахтинском заговоре (из выступления т. Кагановича на Всеукраинской производственной конференции горняков) // Известия. 1928. 24 июня. № 145. С. 4.

плenums ЦК ВКП(б) 1928 г. было указано с 1928 г. начать создание нескольких ВТУЗов нового типа с сокращенным сроком обучения в течение 3–4 лет³²⁹.

Кампания форсированной подготовки «красных» инженеров для скорейшей масштабной замены специалистов «буржуазных» весьма логично вписывалась в дихотомическую конструкцию «мы – они; свои – чужие». И если осевой линией социально-политического противостояния в пропаганде считался антагонизм «пролетариат – буржуазия», то сюда как нельзя органично вписывалась разделительная линия в интеллектуальной сфере, еще более усиливавшая негативизм в отношении «старых» специалистов. «Буржуазной» интеллигенции, дискредитированной в результате раскрытия «Шахтинского дела», был послан недвусмысленный намек на то, что данная прослойка не имеет перспектив в новом обществе. Сказанное выше позволяет считать, что «Шахтинское дело» (и судебный процесс как его событийная кульминация) находилось в 1928 г. в мощнейшем пропагандистском контексте, будучи одним из базовых факторов, обостривших социальную напряженность в стране.

Помимо публикации непосредственных отчетов из Колонного зала Дома союзов, советская пресса периодически освещала социальную реакцию на процесс. В центральной прессе отчеты, как правило, сопровождалась компактными сообщениями и заметками, объединенными в рубрики «Отклики на процесс» («Вокруг процесса») в «Правде» и «Отклики на шахтинский процесс» в «Известиях». По большей части в таких сообщениях с мест предпочтение отдавалось советским рабочим, единогласно требовавшим «сурового» наказания для шахтинских «предателей».

Если рассмотреть структуру откликов, то ее ядро составляли два компонента: безусловное осуждение обвиняемых и столь же безусловная поддержка власти. К голосу «рабочих масс» непременно присоединялась и техническая интеллигенция. Здесь добавлялся ставший ритуальным третий компонент – заявления об отмежевании от шахтинских «контрреволюционеров», бросивших тень на все инженерское сообщество. 22 мая в газете «Правда» было

³²⁹ Как ломали НЭП... Т. 2. Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. С. 600.

опубликовано сообщение о получении руководством Всесоюзного межсекционного бюро инженеров и техников (ВМБИТ) свыше 100 резолюций от различных инженерно-технических организаций Ленинграда, требовавших суровой кары преступникам³³⁰. Необходимо учитывать, что в центральной печати подавался лишь определенный срез мнений, соответствующих общей для советской пропаганды обвинительной тональности. Для того чтобы представить не только отфильтрованный цензурой «голос масс», но и рассмотреть нюансы общественной реакции на «Шахтинское дело», следует обратиться к документам хотя и специфически ведомственного происхождения, однако содержащим в себе более разнообразную картину откликов в обществе на «вредительский» процесс, – информационным сводкам ОГПУ. Документы такого рода подтверждают, что часть технической интеллигенции как до начала процесса, так и в ходе его проведения отказывалась верить в правдивость обвинений в адрес подсудимых на Шахтинском процессе. Так, в докладной записке Луганского окружного отдела ГПУ УССР о настроениях населения округа в связи с «Шахтинским делом», датированной 1 декабря 1928 г. и носившей поэтому ретроспективный характер, отмечалось, что инженерно-техническая общественность разбилась на две группы: первая группа (высший и частично средний технический персонал) по-прежнему высказывала резкое недоверие Шахтинскому процессу, обвиняя в подлоге советскую власть, «обанкротившуюся на руководстве хозяйством». Нелестные отзывы доставались и ОГПУ. По мнению целого ряда лиц из технического персонала, «ГПУ – это орган, попирающий элементарные человеческие права, палачи Советской власти»³³¹. Вторая группа, состоявшая из части среднего и низшего техперсонала, «если не высказывалась всегда положительно по отношению действий правительства, то, во всяком случае, проявляла лояльную сдержанность, считая необходимым воздержаться до полной ясности дела»³³². Осведомленность ОГПУ о настроениях в инженерно-технических кругах имела достаточно оснований для такого рода выводов. Не

³³⁰ Отклики на процесс // Правда. 1928. 22 мая. № 117. С. 3.

³³¹ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 2. С. 984.

³³² Там же.

только в силу того, что ОГПУ достаточно плотно пронизывало эту корпорацию, но и потому, что сама инженерно-техническая интеллигенция, превратившись в течение нескольких месяцев из высоко статусной категории населения в стигматизированную группу, даже из защитных, конформистских соображений не могла так стремительно и массово «советизироваться», как это следовало из пропагандистских материалов.

«Сплочение» рабочих и ИТР, в необходимости которого настойчиво убеждала пропаганда в предпроцессный период, нашло публичное выражение в солидарном требовании расправы над 53 инженерами и техниками, представшими перед судом. О том, наблюдались ли согласие и «товарищеские» отношения между инженерами и рабочими в реальности на производстве, судить гораздо сложнее. Пропагандистский дискурс воспроизводил популистские утверждения об «оздоровлении» производственно-трудовых отношений. Так, согласно сообщению корреспондента газеты «Правда» из г. Шахты, напечатанном 20 мая, «Шахтинский процесс явился стимулом сближения рабочих и тех специалистов, которые зарекомендовали себя как честные, искренние сторонники социалистического строительства. Сглаживаются все бывшие ранее недоразумения»³³³. Об этом же в беседе с корреспондентом газеты «Известия» заявил 21 мая председатель шахтинского рудничного комитета Щавлев: «Отношение рабочих к специалистам, оставшимся и работающим на рудниках, хорошее. Специалисты ближе подошли к рабочим. Специалисты стали больше посещать производственные совещания и другие рабочие собрания. Это приближение специалистов к рабочей массе постепенно сглаживает имеющийся здесь отрыв»³³⁴.

Тиражируемые печатью утверждения об отмежевании от «шахтинских вредителей» скорее были требуемой, нормативной реакцией, которая ожидалась от инженерно-технических работников. Сказанное подтверждается тем, что некоторые из подсудимых на Шахтинском процессе перед своим арестом весной

³³³ Уроки Шахтинского дела // Правда. 1928. 20 мая. № 116. С. 5.

³³⁴ В Шахтах после раскрытия заговора // Известия. 1928. 22 мая. № 117. С. 3.

1928 г. тоже участвовали в подписании резолюций против «контрреволюционеров-вредителей». Об этом в своих показаниях говорил один из подсудимых, инженер А. Я. Элиадзе: «Протестантов по этому поводу найдется много, посыплется целое море громких резолюций о порицании отщепенцев и отмежевании от них, но это будет на бумаге, а в душе другое. Я сам один из первых подписался под такой резолюцией 14 марта в Тифлисе, а 15 марта очутился уже перед столом следственных властей как один из вредителей промышленности»³³⁵. Проявление общественной активности, как в случае с А. Я. Элиадзе, отнюдь не спасало от привлечения к судебной ответственности по надуманным делам. Предложенный официальной пропагандой путь инженера-общественника не гарантировал специалистам безопасности от произвола власти.

Характерно, что и настроения рабочего класса были далеки от нормативного «товарищеского» отношения к честным специалистам. В докладной записке Луганского окружного отдела ГПУ УСССР о настроениях в связи с «Шахтинским делом» от 1 декабря 1928 г. делался вывод, что среди рабочих твердо укрепилось мнение, что весь технический персонал «настроен контрреволюционно»³³⁶. При характеристике обстановки на предприятиях приводились следующие высказывания рабочих: «Рабочие давно говорили, что техперсонал – наши враги. Вот теперь и убедились, что собой представляет инженер»; «Давно пора взяться за техников и инженеров, за последнее время они так обнаглели, что рабочим жить нельзя»³³⁷. По всей видимости, рабочие зачастую попросту отторгали, не принимали диктуемую пропагандой схему дифференциации инженерно-технической общественности на лояльную, колеблющуюся и «контрреволюционно настроенную». Пропагандистские установки и штампы, отвлеченные от реальности производственно-трудовых конфликтов, наталкивались на сопротивление немалой части пролетарской среды, зараженной настроениями социального реванша, которые в немалой степени разжигала та же пропаганда.

³³⁵ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 1. С. 379.

³³⁶ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 2. С. 986.

³³⁷ Там же. С. 985.

Итак, накануне, во время и после завершения Шахтинского процесса советская пропаганда активно развивала тему извлечения уроков из «Шахтинского дела» и исправления «вскрытых» им недостатков советской системы хозяйствования. Пропагандистская кампания основывалась на принятой апрельским пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б) резолюции по «Шахтинскому делу» и обозначенных в ней направлениях деятельности. Обсуждение проблем, связанных с «буржуазной» интеллигенцией, с началом процесса отошло на второй план, уступив место проблеме формирования «защитных механизмов», действие которых предотвратило бы новые акты «вредительства». В условиях, когда инженерно-техническому персоналу в массовом масштабе отказывалось в доверии, а коммунисты-хозяйственники оказались дискредитированы «Шахтинским делом», советская пресса отводила пролетариату главную роль в исправлении недостатков производственного процесса и предотвращении «вредительства». Власть, таким образом, делала попытку компенсировать социальное недовольство пролетариата, создав иллюзию возможности достижения им руководящей роли на производстве.

Решение репутационной проблемы (восстановление престижа власти в глазах рабочих, прежде всего) предполагало не только судебную расправу над группой инженерно-технических специалистов, но и изменение прежнего формата производственно-трудовых взаимоотношений. На страницах советской прессы велась кампания по вовлечению рабочих масс в процесс хозяйственного управления. Предполагалось как прямое участие рабочих в управлении посредством расширения практики выдвижения их на ответственные посты, так и косвенное, через налаживание инструмента «рабочей критики». Критические высказывания рабочих на производственных совещаниях, заметки рабкоров, письма в редакции газет должны были не только выявить недостатки советской системы хозяйствования, но и обозначить пути их исправления. При этом и сама «рабочая критика» приобретала неконтролируемый характер и требовала своего регулирования. В этом случае пропаганда задавала направления критики «снизу» и ее характер.

Сложившаяся в управлении производством практика коллективной ответственности за результаты, возлагаемой на «треугольника» хозяйственных, партийных и профсоюзных организаций, оказывалась в кризисной ситуации. Профсоюзные, партийные и хозяйственные работники попали под прицел «самокритики», что вынуждало последних либо подстраиваться под «нужды и запросы» пролетарской массы, либо идти на «зажим» «самокритики». Производственная деятельность специалистов, в свою очередь, рассматривалась сквозь призму потенциальной «измены».

«Шахтинское дело», будучи вплетенным в контекст более массовых мобилизационных кампаний 1928 г., вместо «очищения», «оздоровления обстановки на производстве» становилось фактором дестабилизации в сфере социально-трудовых отношений. Пропаганда хотя и ориентировалась в своей деятельности на достижение информационного баланса между конфронтационным духом и конструктивной линией во взаимоотношениях рабочих и специалистов, однако формировавшаяся картина свидетельствовала о превалировавшей тенденции превращения экономики в «хозяйственный фронт».

2.3. Итоги кампании в их восприятии целевыми группами советского социума

Судебный процесс по «Шахтинскому делу» завершился 5 июля 1928 г. 6 и 7 июля в центральной прессе был опубликован приговор специального присутствия Верховного суда СССР³³⁸. Решением суда 11 человек приговаривались к высшей мере наказания – расстрелу. Инженеры Н. Н. Горлецкий, Н. А. Бояринов, Н. К. Кржижановский, А. Я. Юсевич и техник С. З. Будный были расстреляны 9 июля 1928 г. Для шести остальных (Н. Н. Березовского, С. П. Братановского, А. И. Казаринова, Ю. Н. Матова, Г. А. Шадлуна и Н. П. Бояршинова) расстрел был заменен 10 годами лишения свободы. Четверо обвиняемых (в том числе два германских подданных) были

³³⁸ Шахтинское дело. Приговор // Известия. 1928. 7 июля. № 156. С. 3.

оправданы и четверо (в том числе один германский подданный) приговорены к условным срокам наказания. Остальные – к лишению свободы сроком от 1 до 10 лет с поражением в правах на срок от 3 до 5 лет³³⁹. Судя по тому, что лица, признавшие себя членами руководящего состава «организации» и предоставившие в ходе следствия большую часть обвинительного материала, избежали расстрела, очевидно, что их сотрудничество со следствием и раскаяние перед судом повлияли на приговор.

Завершение судебного процесса не означало окончания пропагандистской кампании в официальных советских СМИ. При этом в послепроцессный период в прессе наблюдалось как сокращение общего числа публикаций, обращавшихся к тематике «Шахтинского дела», так и закономерное ослабление конфронтационных тенденций в пропаганде. Следует, однако, отметить, что некоторое время после вынесения приговора конфронтационные мотивы поддерживались на волне продолжавшегося обсуждения результатов Шахтинского процесса. Этот период длился приблизительно до 20-х чисел июля 1928 г., т. е. две недели после вынесения приговора.

Ввиду того что характер публикаций в прессе еще до начала процесса не позволял сомневаться в действительном существовании «контрреволюционной организации», тон пропагандистской кампании не претерпел изменений и по окончании суда. В аналитических статьях³⁴⁰, выступлениях представителей партийно-государственной элиты³⁴¹ данного (послепроцессного) этапа кампании использовался уже выработанный шаблон оценочных суждений относительно характера «Шахтинского дела». «Экономическая контрреволюция» представлялась новым орудием в руках «классового врага», ведущего борьбу против советского государства. Отмечалось, что подобное явление было бы невозможным без наличия в среде «старой» интеллигенции элементов, готовых пойти на сговор с «вражеской» стороной.

³³⁹ Шахтинское дело. Приговор // Известия. 1928. 7 июля. № 156. С. 3.

³⁴⁰ К неделе обороны // Известия. 1928. 8 июля. № 157. С. 3; За неделю // Известия. 1928. 10 июля. № 158. С. 2.

³⁴¹ Шахтинский процесс и техническая интеллигенция (речь тов. Крыленко) // Известия. 1928. 15 июля. № 163. С. 5.

Образ «шахтинца» в пропаганде был универсализирован и применялся к разным и не только политическим, но и социокультурным контекстам. Тема «Шахтинского дела» фигурировала в публикациях, прямо не относящихся к самому процессу, но описывающих некоторые «негативные» стороны советской действительности. Примером служит одна из статей антирелигиозной направленности, опубликованная в газете «Правда», в которой описывался «всплеск религиозной волны» в Лисичанске. Чтобы подчеркнуть антисоветский характер данного явления, приводились в пример «шахтинцы», которые «регулярно посещали церковь, восторженно говорили о патриархе Тихоне, скорбели о религии». Далее следовал вывод, что активизация религиозной деятельности должна была свидетельствовать об «активизации антисоветчины» в Лисичанске³⁴². Это подтверждает тезис о том, что предметом осуждения на Шахтинском процессе являлась не только «вредительская» производственная деятельность группы инженеров и техников, но и весь спектр «досоциалистических» форм социальных отношений, сохранившийся в постреволюционном обществе. Таким способом ставшее нарицательным имя «шахтинских преступников» вошло в круг собирательных образов ретроградных явлений.

В частности, символом «буржуазных» порядков прошлого стала форма, которую русские инженеры носили с XIX в., – фуражка со значком, изображавшим два скрещенных молотка и шинель. В апреле 1929 г. на IV съезде инженерных секций форма была запрещена как выражение «кастовой замкнутости». Более того, форменная фуражка обрела неформальное название «шахтинка» с намеком на процесс над инженерами-«вредителями»³⁴³. «Шахтинское дело» обозначило тенденцию ужесточения и радикализации социально-культурной политики. По мнению историка С. Шаттенберг, советское правительство в 1928–1931 гг. «вело борьбу против всей культуры старой

³⁴² Горев М. Они наступают // Известия. 1928. 26 июля. № 172. С. 4.

³⁴³ Шаттенберг С. Инженеры Сталина. Жизнь между техникой и террором. М., 2011. С. 111.

корпорации инженеров, против их организаций, мировоззрения, методов работы, поведения и одежды»³⁴⁴.

Советская идеология и пропаганда на финальном этапе кампании выполняла задачу закрепления в массовом сознании соответствующим образом окрашенной памяти о судебном процессе. На смену задаче извлечь выводы и уроки из «Шахтинского дела» пришла задача дать историческую оценку процессу, включить его в историю «борьбы революции и контрреволюции». Этому были посвящены несколько брошюр и изданий книжного формата, выпущенных в 1928 г.³⁴⁵

В 1928 г. по «горячим следам» была составлена главная итоговая публикация – сборник материалов (статей, документов, выступлений) под редакцией Н. В. Крыленко. Статьи государственного обвинителя Н. В. Крыленко и председателя суда А. Я. Вышинского предваряли документальную часть сборника. Статья Н. В. Крыленко «Класс против класса» отражала его роль государственного обвинителя на процессе. Написав статью в остром публицистическом стиле, Н. В. Крыленко уничижительно характеризовал уже осужденных «шахтинцев»: «Не являясь сами по себе ни творцами, ни воротилами истории, не представляя из себя каких-либо отличительных черт, которые бы постоянно концентрировали на них общественное мнение, независимо от условий и окружающей обстановки, – эти люди исчезнут во мраке истории так же нечаянно, как нечаянно они всплыли на поверхность, куда их вынесла логика классовой борьбы, сделав их, помимо их воли, центром внимания миллионов»³⁴⁶. Заявление о «нечаянном» появлении «шахтинцев» в советской реальности говорит о многом. Вероятно, Н. В. Крыленко прибегал к беспроегрешному аргументу о «логике классовой борьбы», чтобы оправдать (перед собой или перед

³⁴⁴ Шаттенберг С. Инженеры Сталина. Жизнь между техникой и террором. М., 2011. С. 111.

³⁴⁵ Аграновский А., Алевич А., Рыклин Г. Люди-вредители. Шахтинское дело. М.; Л., 1928; Экономическая контрреволюция в Донбассе (итоги шахтинского дела). Статьи и документы. М., 1928. С. 5; Вышинский А. Я. Итоги и уроки Шахтинского дела. М.; Л., 1928; «За что их судят?». Баку, 1928; Сергеев Б., Плесков В. Шахтинцы. История вредительства, суд, приговор. М., 1928; Шейн С. Д. Суд над экономической контрреволюцией в Донбассе. Заметки общественного обвинителя. М.; Л., 1928.

³⁴⁶ Крыленко Н. В. Класс против класса // Экономическая контрреволюция в Донбассе (итоги Шахтинского дела). Статьи и документы. М., 1928. С. 3.

историей) безвинное осуждение «случайных» инженеров и техников. С другой стороны, изображение «шахтинцев» «людьми без отличительных черт» соответствовало социально-политическим установкам «Шахтинского дела». Изображение «шахтинцев» не героями, а «обывателями», «случайно» оказавшимися на острие классовой борьбы, позволяло соотносить их со стереотипом «буржуазного» интеллигента, работавшего в советской промышленности «за корысть и страх». Согласно логике Н. В. Крыленко, «семена контрреволюции» могли пустить свои ростки только в том слое населения, который «был осужден историей и условиями своей жизни всегда с опозданием проходить азы политической науки, для которых в свое время вопросы политики, представлялись вопросами, которые их меньше всего интересовали»³⁴⁷.

Статья А. Я. Вышинского «Классический пример экономической контрреволюции» была в меньшей степени проникнута пафосом классовой борьбы. Посвятив большую часть статьи юридическому обоснованию феномена «экономической контрреволюции» на основе 58 статьи УК РСФСР, А. Я. Вышинский определял рамки правоприменения для инициирования последующих судебных процессов аналогичного формата³⁴⁸. В итоговом сборнике материалов о Шахтинском процессе Н. В. Крыленко и А. Я. Вышинский, как и в зале суда, разделили свои обязанности. В статье Н. В. Крыленко господствовал прокурорский обвинительный тон, подводивший черту под разоблачением шахтинской «контрреволюционной организации» как опасного антисоветского явления, тогда как сухие юридические комментарии со ссылками на УК оставались прерогативой А. Я. Вышинского. Важным же было то, что и в том и в другом случае задавался практический образец работы прокурора и председателя суда на любом последующем судебном процессе по «вредительским» делам.

³⁴⁷ Крыленко Н. В. Класс против класса // Экономическая контрреволюция в Донбассе (итоги Шахтинского дела). Статьи и документы. М., 1928. С. 5.

³⁴⁸ Вышинский А. Я. Классический пример экономической контрреволюции // Экономическая контрреволюция в Донбассе (итоги Шахтинского дела). Статьи и документы. М., 1928. С. 17–38.

В том же 1928 г. вышла из печати брошюра Б. Сергеева, В. Плескова «Шахтинцы. История вредительства, суд, приговор». В ней Шахтинский процесс наряду с Октябрьской революцией и Гражданской войной приобретал символический характер очередного этапа «обострения» классовой борьбы. Брошюра закрепляла историко-символическое значение «Шахтинского дела». Характерную тональность брошюре задавало частое употребление авторами милитаристской лексики, например: «Шахтинцы – разведка буржуазии в глубоком тылу»³⁴⁹. Выпущенные по итогам процесса брошюры отграничивали тот период, когда «Шахтинское дело» было «повесткой дня», от той новой обстановки, когда оно становилось этапом исторически преемственной борьбы против «контрреволюции».

Снижение активности пропагандистской кампании после процесса объясняется также и тем, что последствия показательной расправы над «вредителями» приобретали деструктивный характер, с трудом поддавались контролю и дестабилизировали производственный процесс. Мощная идеологическая кампания вокруг «Шахтинского дела», решая актуальную задачу восстановления репутации партии в рабочей среде, не считалась с социально-экономической целесообразностью заданных установок.

Установки «по-товарищески» относиться к преданным делу социалистического строительства специалистам, «сплотить» рабочих и ИТР, призванные сдерживать рабочих от агрессивного «спецедействия», оказывались на практике неэффективными. Феномен устойчивости и воспроизводимости интеллигентофобии в рабочей среде состоял в том, что «антиспецовские» настроения вросли в пролетарский менталитет. О том, что попытки управлять предубеждениями не приводили к успеху, свидетельствуют отклики рабочих на приговор по «Шахтинскому делу».

Показателен в данном случае такой архивный документ, как «Справка о настроениях рабочих в связи с приговором по Шахтинскому делу», подготовленная заведующим промышленным сектором информотдела ЦК ВКП(б)

³⁴⁹ Сергеев Б., Плесков В. Шахтинцы. История вредительства, суд, приговор. М., 1928. С. 7.

А. Наточаным 11 июля 1928 г. для И. В. Сталина и В. М. Молотова. В документе указывалось, что «рабочие значительного числа предприятий (судя по полученным материалам) недовольны приговором, считая его чрезвычайно мягким. На этой почве были попытки организации коллективного протеста»³⁵⁰. Так, рабочие Балтзавода следующим образом оценили приговор: «Прокурор расстрелял обвиняемых только своей речью; когда дело дошло до приговора, то сдрейфили и получился пшик»³⁵¹. В таком же духе высказывались рабочие ленинградского завода «Красный арсенал»: «Навредили на миллионы рублей, а их почти никого не расстреляли; нужно было человек 25 расстрелять»³⁵².

Схожая информация о настроениях рабочих была представлена в шифротелеграмме секретаря Шахтинского окружкома ВКП(б) Каменского о реакции профсоюзной общественности на приговор по «Шахтинскому делу», направленной 10 июля 1928 г. в ЦК ВКП(б). В телеграмме указывалось, что рабочие-горняки на собраниях профсоюза в отдельных заявлениях выказывали решительное недовольство приговором по «Шахтинскому делу», требуя, по меньшей мере, отказа в помиловании всем присужденным к расстрелу³⁵³.

Волна возмущения, вызванная приговором, свидетельствует о неспособности большевиков контролировать в немалой степени спровоцированную действиями пропаганды озлобленность в рабочей среде по отношению к инженерно-техническим работникам. Шахтинский процесс, проведенный в значительной мере для того, чтобы угодить рабочей массе, не устроил последнюю в своей развязке. Несомненно, такую тенденцию задавала сама пропагандистская кампания, выдававшая за судебный процесс акт публичной расправы, завершившийся непропорциональным его агрессивному тону излишне «мягким» приговором.

Отклики интеллигенции, опубликованные в центральной прессе, выражали одобрительную реакцию на судебный приговор. Например, в газете «Известия»

³⁵⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 330. Л. 153–154.

³⁵¹ Там же.

³⁵² Там же.

³⁵³ Там же. Л. 152.

был напечатан краткий отчет об общегородском собрании инженерно-технических работников Ленинграда, состоявшемся 25 июля. В резолюции собрания отмечалась «чрезвычайная тщательность обследования всех деталей шахтинского процесса и большая объективность, проявленная Верховным судом». Ленинградские инженеры и техники выражали также удовлетворение «по поводу того, что активная вредительская деятельность не имела глубоких корней в общей массе инженеров и техников Донбасса»³⁵⁴.

Не вызывает сомнений то, что публикации в прессе не отражали всего спектра мнений «старой» интеллигенции. Так, историк О. Б. Мозохин в одной из своих статей приводит случай самоубийства инженера «Коксобензола» Бориса Сысоева 9 июня 1928 г. Сысоев решил покончить с собой из-за того, что один из известных организаторов химического производства С. А. Ратайчак обозвал его «контрреволюционером», «шахтинцем» и «хотел отдать под суд». В предсмертном письме Сысоев писал: «Я знаю, что при желании можно обвинить и невинного – сейчас момент такой. Я не хочу позора, не хочу безвинно страдать и оправдываться, предпочитаю смерть позору и страданиям. Я безгранично страдаю за будущее, неужели дело Ленина погубят? Судить меня – это рубить тот последний сук, на котором все держится...»³⁵⁵ Слова Сысоева о том, что ситуация позволяет «обвинить и невинного», характеризуют то новое положение, в котором оказалась «буржуазная» интеллигенция после судебного процесса над «шахтинцами». Атмосфера подозрительного отношения к специалистам на производстве, антиинтеллигентские настроения в среде пролетариата давили на инженеров и техников, боявшихся пойти на любое проявление инициативы в своей профессиональной деятельности. При этом специалисты отчетливо понимали невозможность оправдаться перед «классовым правосудием» – урок «Шахтинского дела» был усвоен.

Исследователь Л. И. Пыстина, изучившая в своей монографии социально-правовое положение «буржуазных» специалистов Сибири в 1920-е – начале

³⁵⁴ Ленинградские инженеры о Шахтинском деле // Известия. 1928. 26 июля. № 172. С. 1.

³⁵⁵ Цит. по: Мозохин О. Б. «Замешанных немцев арестовать... Англичан не трогать» // Отечественные архивы. 2008. № 6. С. 84–97.

1930-х гг., затрагивая проблему влияния «Шахтинского дела» на сибирскую интеллигенцию, констатировала усиление антиспецовских настроений весной-летом 1928 г.: «В различных документах инженерно-технических секций и профсоюзных органов разных уровней, докладных записках по материалам обследований, проведенных местными и центральными профорганами и РКИ, содержится немало данных, свидетельствующих о неблагополучии в положении специалистов, особенно в “морально-правовом” (по словам председателя СМБИТ Б. Алексеева) отношении, ухудшении их взаимоотношений с рабочими и хозяйственным руководством, о многочисленных перегибах в критике специалистов со стороны прессы, рабочих, партийного и профсоюзного руководства (особенно “низового”))»³⁵⁶.

Рост интеллигентофобии, зафиксированный во всех отраслях экономики, явился прямым следствием конфронтационных тенденций в идеолого-пропагандистской кампании. Пропагандистские технологии, эксплуатировавшие социальную память рабочих и сформировавшийся в среде пролетариата стереотип «буржуазного» интеллигента, предоставили возможность открыто проявлять с трудом совместимые с классовой теорией «спецеедческие» настроения под прикрытием пролетарской «бдительности».

Вместе с тем центральная пресса, газеты «Правда» и «Известия», не допускали на своих страницах появления в каком-либо виде «голоса рядовых специалистов», реагиовавших на сложившуюся экстремальную для них ситуацию на производстве. Однако здесь имело место своего рода функциональное разграничение информации между Центром и периферией. Жалобы со стороны инженерно-технического персонала на неподчинение рабочих публиковались в региональных органах прессы. Так, в газете «Красный шахтер» 14 октября был помещен отчет о встрече инженеров и техников рудника «Октябрьская революция» с представителем ВЦСПС³⁵⁷. Инженеры жаловались на нездоровые взаимоотношения на производстве, безосновательные придирки со

³⁵⁶ Пыстина Л. И. «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е-начале 1930-х годов (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск, 1999. С. 99.

³⁵⁷ Представитель ВЦСПС у инженеров и техников // Красный шахтер. 1928. 14 окт. № 240. С. 3.

стороны прокуратуры и отдела труда, работники которых в каждом отдельном несчастном случае, даже незначительном, искали вину техперсонала. Упоминались случаи, когда рабочие, злясь на какого-либо техника, требовавшего строгой дисциплины, устраивали искусственные завалы в шахте, чтобы потом обвинить того во «вредительстве»³⁵⁸.

Такого рода сообщения о давлении на ИТР публиковались и в профильном журнале технической интеллигенции «Инженерный труд». Так, в одной из статей декабрьского номера за 1928 г. разбирались причины участвовавших в нападении на инженерно-технический персонал (упоминалось покушение на заместителя директора Льговского сахарного завода инженера Гудкова и другие случаи)³⁵⁹. Автор статьи полагал, что официальная пропаганда, дифференцированно подходя к «буржуазной» интеллигенции, в то же время не различала расслоения внутри самого пролетариата, среди которого немалая часть являлась носителями отсталых антиинтеллигентских стереотипов. Автор, таким образом, указывал, что логика классовой борьбы диктует помимо осуждения «вредительства справа» («буржуазной контрреволюции») осуждение «вредительства слева» (со стороны тех элементов рабочего класса, которых называли «деклассированными»).

В условиях сужения возможности конструктивно работать советские инженеры вынуждены были искать способы нормализовать обстановку на производстве. Некоторые журналисты «Инженерного труда» полагали, что инженеры способны справиться с данной задачей своими силами. В статье ноябрьского номера, подписанной инициалами Л. К., автор предлагал рецепт преодоления «ненормальных» условий работы на производстве. По его мнению, инженерно-технической общественности необходимо было самой занять активную позицию в кампании «критики и самокритики», публично указывая на «безобразные поступки в отношении технического персонала»³⁶⁰. Непонятно, однако, какие пути предусматривал автор для осуществления задуманного в тех условиях, когда пресса подразумевала под «самокритикой» исключительно

³⁵⁸ Представитель ВЦСПС у инженеров и техников // Красный шахтер. 1928. 14 окт. № 240. С. 3.

³⁵⁹ Работа на врага // Инженерный труд. 1928. № 12. С. 531–532.

³⁶⁰ Л. К. Наши головотяпы // Инженерный труд. 1928. № 11. С. 491–493.

пролетарскую «критику», отводя техническому и административному персоналу роль ее объектов.

Пролетарские нападки на инженерно-технический персонал «снизу» не до конца характеризовали то экстремальное положение, в котором оказалась «буржуазная» интеллигенция после Шахтинского процесса. «Шахтинское дело» стало причиной обследования деятельности специалистов органами ОГПУ во всех отраслях промышленности. ОГПУ активно оповещало политическое руководство о найденных «новых фактах вредительства» на важнейших экономических направлениях, наращивая градус тревоги. Так, 9 мая 1928 г. Г. Г. Ягода в докладной записке информировал И. В. Сталина и других членов Политбюро о вредительстве в военной промышленности³⁶¹. Центральной фигурой следствия стал помощник начальника Военно-промышленного управления (ВПУ) В. С. Михайлов, который, как указывалось в докладной записке, «возглавлял и возглавляет группировку, состоящую из бывших генералов и полковников царской армии – монархически настроенных, захвативших в свои руки фактическое руководство всей военной промышленностью»³⁶². «Вредительская» деятельность группировки В. С. Михайлова была направлена на «замедление темпа и разрушение отдельных производств»³⁶³. В июне 1928 г. Г. Г. Ягода направил И. В. Сталину докладную записку о «контрреволюционной организации» в сфере железнодорожного транспорта, в которой якобы были задействованы высокопоставленные инженерно-технические работники Народного комиссариата путей сообщения (НКПС). Цель «организации» – разрушение паровозного парка и подрыв транспортной системы СССР³⁶⁴.

ПП ОГПУ по Сибкраю в апреле 1928 г. провело обследование финансово производственного состояния и специалистов Кузбасстроя. В информационном бюллетене ПП ОГПУ от 28 апреля 1928 г. описывались обнаруженные недостатки

³⁶¹ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936 / Отв. ред. А. Н. Яковлев. М., 2003. С. 161–163.

³⁶² Там же. С. 161.

³⁶³ Там же. С. 162.

³⁶⁴ Там же. С. 168.

в работе треста, а также выявленные «группировки» в среде специалистов³⁶⁵. В Кузбассе якобы были обнаружены схожие с «шахтинскими» явления на производстве: закладка шахт без достаточных предварительных изысканий, закрытие выгодных для эксплуатации рудников, нерациональное использование импортного оборудования. Томскому окротделу ОГПУ предлагалось взять в разработку ряд специалистов Кузбасстреста, уточнив все факты недочетов по тресту и увязав их с конкретными лицами³⁶⁶.

Проверки стали настоящим бедствием для производственного процесса. Обследованием деятельности административно-технического персонала занималось не только ОГПУ. По сообщению газеты «Экономическая жизнь» от 26 августа 1928 г., на отдельно взятом предприятии обследованием могли заниматься: прокурор, союзные, партийные, областные, губернские и центральные административные организации. Охота на «вредителей» приводила к тому, что техперсонал предпочитал занимать должности, не связанные с принятием ответственных решений: «Боязнь ответственности толкает специалиста к тому, что он старается отойти от всего того, что не связано непосредственно с машиной»³⁶⁷. Волна проверок, захлестнувшая советские промышленные предприятия, имела прямую связь с развернувшейся пропагандистской кампанией – ответственные организации были напуганы возможным обнаружением на вверенном им объекте «недосмотра», как это «случилось» в Шахтинском районе. Отсюда доходящее до абсурда и прямо мешавшее производственному процессу обилие проверок и перепроверок.

Конфронтационные тенденции идеолого-пропагандистской кампании нашли отклик в волне региональных судебных дел, прокатившейся по стране в ходе борьбы с «экономическим вредительством». При этом Политбюро ЦК ВКП(б) настаивало на более осторожном и взвешенном подходе к арестам инженерно-технических специалистов. 2 августа 1928 г. Политбюро постановило

³⁶⁵ Власть и интеллигенция в сибирской провинции. У истоков советской модернизации. 1926–1932. Новосибирск, 1999. С. 139.

³⁶⁶ Там же. С. 145.

³⁶⁷ Чрезмерная множественность контроля // Экономическая жизнь. 1928. 26 авг. № 197. С. 3.

дать ОГПУ следующую директиву: «При производстве работы по выяснению контрреволюционно-вредительских элементов в хозорганах, которую (работу) необходимо систематически и усиленно вести, особенно в отношении важнейших промышленных и транспортных органов, обязать ГПУ прибегать к репрессиям, и особенно к арестам крупных специалистов, с максимальной и большей, чем это имеет место сейчас, осторожностью, допуская аресты лишь действительно злостных контрреволюционеров, вредителей и шпионов»³⁶⁸.

О масштабах привлечения «буржуазных» специалистов к судебной ответственности свидетельствуют сравнительные данные по разным горнозаводским районам страны, приведенные на пленуме ЦБ ИТС союза горнорабочих в ноябре 1928 г. Примерный «процент привлечения» к суду специалистов от общей их численности в Донбассе составил 13 %, Кривом Роге – 5 %, Грозном – 9 %, Баку – 6 %, на Урале – 10 %, в Сибири – 17 %, на Дальнем Востоке – 8 %, в Подмосковном бассейне – 8 %³⁶⁹. Следует отметить, что не все судебные разбирательства заканчивались вынесением обвинительного приговора. Л. И. Пыстиной приведены следующие данные секретного циркуляра исполняющего обязанности краевого прокурора Сибири Лисина от 8 мая 1929 г. «О более осторожном отношении к привлечению специалистов к ответственности»: «В Кузнецком округе 56,5 % дел, возбужденных против специалистов в 1928 г., закончились оправданием или были прекращены за бездоказательностью. Были прекращены или закончились оправданием 60 % дел, заведенных на 54 чел. из числа административно-технического персонала Томской ж.д. в 1927–1928 г.»³⁷⁰.

Некоторые судебные процессы по делам о «вредительстве» освещались в газетах «Правда» и «Известия». Так, 17 июля 1928 г. в газете «Известия» было опубликовано сообщение об обнаружении в Армении, в Катарских и Аллавердских рудниках, «вредительской организации». Данные рудники до революции принадлежали французской компании «Кавказское промышленное

³⁶⁸ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД... С. 178.

³⁶⁹ Пыстина Л. И. «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х гг. С. 151.

³⁷⁰ Там же. С. 102.

металлургическое общество». В течение ряда лет после национализации рудников вплоть до 1926 г. работники Зарапов, Бабаносов и Липкин по данным следствия поддерживали нелегальную связь с бывшими владельцами компании, передавали им сведения о состоянии предприятия, получая за это денежное вознаграждение³⁷¹. В газете «Правда» 11 июля 1928 г. было опубликовано сообщение о начале слушания дела по обвинению нескольких советских граждан в собирании и передаче двум шведским фирмам сведений экономического характера, являвшихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной³⁷².

Волна охоты на «контрреволюционеров-вредителей» стала результатом обозначенной «Шахтинским делом» смычки «рабочего и чекиста», в которой служебное рвение работников ОГПУ накладывалось на агрессивное отношение рабочих к ИТР. Символическим завершением «Шахтинского дела» явилось чествование работников ОГПУ, отличившихся в разоблачении «вредителей». За раскрытие «контрреволюционной организации», по сообщению газеты «Известия» от 22 июля, ряд ответственных работников северо-кавказского полномочного представительства ОГПУ были награждены грамотами от делегации шахтеров-рабочих Шахтинского округа. Е. Г. Евдокимов, полномочный представитель ГПУ по Северному Кавказу, сыгравший основную роль в инспирировании «Шахтинского дела», был избран почетным шахтером Несветаевской шахты № 142. Шахта эта, кроме того, была переименована в шахту имени Ефима Евдокимова. Работники ОГПУ, причастные к раскрытию «заговора», награждались званиями почетных забойщиков шахт «Пролетарская диктатура», «Мировая Коммуна» и др.³⁷³

В ряду символических форм выражения солидарности рабочих и работников ОГПУ в Шахтинском районе был проведен «вечер смычки чекиста и горняка». Согласно помещенному в газете «Молот» 22 июля сообщению, вечер завершился обещаниями постоянной взаимоподдержки и согласованности в

³⁷¹ Контрреволюционная организация на Аллавердских рудниках // Известия. 1928. 17 июля. № 164. С. 4.

³⁷² Дело об экономическом шпионаже // Правда. 1928. 11 июля. № 159. С. 6.

³⁷³ Чествование работников ОГПУ Северного Кавказа // Известия. 1928. 22 июля. №169. С.1.

работе³⁷⁴. Символическое сближение сотрудников ОГПУ и рабочих характеризовало тенденцию к налаживанию полицейского контроля над работой административно-технического персонала предприятий. Постоянное присутствие в структуре производственных отношений связки «рабочий–чекист» формировало и воспитывало традицию доноительства. «Шахтинское дело» как продукт доноительства рабочих и служебного уровня украинских чекистов демонстрировало одновременно и новый формат контроля над производственным процессом.

«Шахтинское дело» открыло возможность ОГПУ усилить свои ведомственные позиции, расширить географию и масштабы поиска «экономической контрреволюции». Однако следует усомниться в том, что охота на «вредителей» удовлетворила запросы рабочих на социальный реванш, учитывая, что многие региональные процессы заканчивались оправдательным приговором. Производственная целесообразность (необходимость сохранить на предприятиях костяк квалифицированных специалистов), слабость обвинительного материала, которым должны были руководствоваться советские суды в вынесении приговоров, вступали в противоречие с реваншистскими настроениями пролетариата. Поэтому зачастую агрессия рабочих выплескивалась в самоуправство. С. Шаттенберг приводит примеры насилия и произвола в адрес специалистов: попытки избиения, покушения на убийства, конфискации имущества и т. д.³⁷⁵

К нежелательным последствиям для экономики привели форсированно проведенные кампании «вовлечения масс в управление производством» и «самокритики». Направленные на то, чтобы пролетариат почувствовал себя «хозяином» на производстве, они нарушали и без того неустойчивое равновесие производственно-трудовой субординации. Кампания «самокритики» привела к расшатыванию трудовой дисциплины, падению авторитета ответственных работников, неподчинению рабочих администрации. Вместо функции регулятора

³⁷⁴ Руку, тов. Чекист! // Молот. 1928. 22 июля. № 2093. С. 5.

³⁷⁵ Шаттенберг С. Инженеры Сталина. Жизнь между техникой и террором. М., 2011. С. 102–103.

производства «самокритика» приобрела свойство инструмента преследования неугодных руководителей. При этом «низовые» партийные комитеты и профсоюзные организации заняли удобную позицию, присоединяясь к критике хозяйственников. Данная проблема рассматривалась при обсуждении на пленуме ЦК КП(б)У 1–5 ноября 1928 г. производственных затруднений, с которыми столкнулись крупнейшие украинские тресты «Донуголь» и «Югосталь». По словам председателя правления «Донугля» Г. И. Ломова, на производстве сформировался своего рода «карательный уклон»: «Выходит так, будто бы масса хозяйственников просто не хочет, чтобы было лучше, а обязанность всех же остальных организаций только критиковать, нажимать и закатывать выговоры»³⁷⁶. «Карательный уклон», о котором говорил Г. И. Ломов, свидетельствовал о том, что критика редко переходила в конструктивную фазу, которая приводила бы к оздоровлению проблемных мест, а на практике заканчивалась вынесением многочисленных выговоров управленцам разных уровней.

Пропагандистская кампания, которая предписывала рабочему классу исключительную роль в раскрытии «шахтинского заговора», выявлении на предприятиях «контрреволюционного элемента», очищении советской экономической системы от бюрократизма и бесхозяйственности, привела к тому, что рабочие почувствовали вседозволенность, ослабление авторитета хозяйственников и специалистов. Результатом стало снижение производительности труда в угледобывающей и металлургической промышленности. 22 июля на страницах «Известий» была опубликована беседа с председателем правления Донугля Г. И. Ломовым, в которой тот сообщил о невыполнении производственной программы добычи угля в третьем квартале 1928 г., причиной чего стало значительное падение трудовой дисциплины³⁷⁷. Понижение производительности труда и падение дисциплины наблюдалось не только в угольной и металлургической промышленности Украины, но и на предприятиях других крупных объединений – Южного машиностроительного

³⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 17. Л. 84.

³⁷⁷ На предприятиях Донугля // Известия. 1928. 22 июля. № 169 С. 1.

треста и Южнорудного треста³⁷⁸. Данная новость звучала странно в свете декларируемого пропагандой освобождения Донбасса от «пут контрреволюционной организации». Конкретные причины падения производительности труда в прессе не были названы.

26 августа в опубликованном в «Известиях» выступлении представителя ЦК горнорабочих Мейзеля падение дисциплины труда было связано с ослаблением так называемого «производственного» настроения у технического персонала и хозяйственников, руководивших производством. Мейзель далее подчеркивал, что инженеры и техники после Шахтинских событий встретились с усиленной активностью рабочих, критически относящихся к вопросам производства³⁷⁹. Несмотря на упоминание «Шахтинского дела» в контексте факторов, вызвавших падение производительности труда, прямых указаний на то, что именно оно спровоцировало дезорганизацию и разрушение производственной дисциплины не прозвучало. Центральная пресса заняла позицию «полуправды», фиксируя ухудшение производственных показателей, однако замалчивая его прямую связь с развернутой идеологической кампанией.

В большинстве публикаций прессы для исправления сложившегося положения хозяйственным организациям предлагалось полностью использовать свои права и строго требовать выполнения правил внутреннего распорядка на предприятиях. Профсоюзы должны были оказать им полную поддержку, одновременно разъясняя рабочим необходимость повышения производительности труда. Таким образом, кампания «приобщения широких рабочих масс к управлению производством» оказалась малоэффективной. Для обеспечения нормального хода производственного процесса не хватило самоорганизации и сознательности рабочего класса. Поэтому единственным способом наладить порядок в производственно-трудовых отношениях и выйти на рост производительности труда оставалось усиление контроля над рабочими со стороны инженеров и хозяйственников.

³⁷⁸ Чем вызвано падение производительности труда? // Известия. 1928. 11 авг. № 185. С. 4.

³⁷⁹ Внимание вопросам производительности труда // Известия. 1928. 26 авг. № 198. С. 3.

Региональные органы прессы, опирающиеся на местный материал и приближенные к производственным условиям Донбасса, гораздо более прямолинейно описывали положение угледобывающей отрасли. Так, в газете «Красный шахтер» 5 июля был опубликован доклад Горюнова на пленуме Шахтинского окркома и окрКК ВКП(б), посвященный проверке выполнения решений объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) по «Шахтинскому делу». По словам Горюнова, после Шахтинского процесса оставшиеся на производстве специалисты «растерялись, не знали, по какому пути им плыть, выполняли указания не хозяйственников, а шахткомов». Специалисты при этом рассуждали так: «шахткомы – масса, попробуй ссориться с массами»³⁸⁰. Нежелание идти против массы, уход от ответственности и проявления инициативы – таков явно не ожидавшийся властью результат многомесячной пропагандистской кампании, поставившей деятельность инженерно-технического персонала в зависимость от действий рабочего актива.

Еще более красноречивый материал предоставило обсуждение состояния промышленных трестов «Донугля» и «Югостали» на пленуме ЦК КП(б)У 1-5 ноября 1928 г. Докладчиками выступили председатель правления треста «Донуголь» Г. И. Ломов и председатель правления треста «Югосталь» И. Бирман. Г. И. Ломов подтвердил, что начиная с апреля 1928 г. происходило неуклонное и постоянно растущее снижение добычи угля. Производительность труда на предприятиях треста «Донугля» в 1927/28 хозяйственном году не росла, совпадая с показателем предшествовавшего года. Причиной Г. И. Ломов считал «растерянность и расхлябанность хозяйственного аппарата», проявившуюся в связи с последствиями «Шахтинского дела»: «Надо прямо сказать, наши административно-хозяйственные кадры были захлестнуты волной отсталых настроений в части рабочего класса. Каждый из нас знает, что управлять производством можно лишь тогда, когда низший его состав, эти унтер-офицеры нашей промышленности – десятники, мастера, – являются людьми, которые непосредственно наблюдают за дисциплиной, которые в низших звеньях, в забоях

³⁸⁰ Пленум Шахтинского окркома и окрКК ВКП(б) // Красный шахтер. 1928. 5 июля. № 153. С. 3.

проникаются производственным энтузиазмом. Десятники же шли на удовлетворение любых претензий, которые предъявлялись к ним рабочими, боясь, чтоб их не смешали с шахтинцами. Инженеры и техники для того, чтобы доказать рабочему классу, что они не вредители и не шахтинцы, старались тоже приспособиться, они подлаживались и удовлетворяли целый ряд тех требований, которые выдвигались отсталыми слоями рабочих. Инженер плелся в хвосте. Надо отметить, что целый ряд хозяйственников, вплоть до управляющего... тоже поддавались на удочку этих отсталых настроений и боялись, как бы чего не получилось, если они выступят резко и прямо в защиту определенной линии...»³⁸¹. При этом попустительство в отношении низкой дисциплины рабочих, боязнь прослыть «контрреволюционерами» приводили к абсурдным с практической точки зрения решениям. Так, Г. И. Ломов упомянул о ряде случаев, когда рабочих, несмотря на халатное отношение к работе и откровенно хулиганские выходки, оставляли на производстве³⁸². В результате на производстве установилась хаотичная обстановка, в которой ни хозяйственники, ни специалисты не стремились играть руководящую роль, опасаясь оказаться в позиции критикуемых.

Поставленная партийным руководством и широко распропагандированная задача интенсификации выдвижения рабочих на руководящие посты также приводила к вредным для производства явлениям. Местные партийные и профсоюзные организации зачастую использовали выдвиженчество для обеспечения собственного влияния на производстве. Во время обсуждения докладов Г. И. Ломова и И. Бирмана член ЦК КП(б)У Рогачевский высказался на эту тему: «Мы сплошь имеем такое положение, когда мастера подчиняются всем тем организациям, которые их выдвигают, т. е., другими словами, они идут на поводу у низовых организаций, работающих в цеху, и мы имеем в лице их не

³⁸¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 17. Л. 78.

³⁸² Там же. Л. 80.

представителей административного персонала, а имеем в лице их людей, которые являются представителями низовых организаций»³⁸³.

Не менее существенный вред производству нанесло ограничение «условий технического риска» для инженерно-технического персонала. Во многих отраслях промышленности, и, особенно, в горной, определяющее значение имело техническое решение инженера, связанное с определенным риском. Оно не всегда оказывалось верным, но устранить возможность его принятия – означало затормозить производственный процесс. Контроль за деятельностью специалистов ограничивал возможность для них пойти на профессиональный риск. Инженерно-технический персонал лишился права на ошибку – каждое сколько-нибудь нестандартное решение рассматривалось многочисленными организациями, занимавшимися контролем и проверкой. Вопрос об обеспечении условий технического риска был связан с не менее принципиальным для государства вопросом, сколько осталось «честных» специалистов на производстве, которым можно было бы доверить принятие ответственных производственных решений?

По информации выступавшего на пленуме председателя ГПУ Украины В. А. Балицкого, после «Шахтинского дела» была создана специальная комиссия по проверке личного состава правления Донугля. В результате работы комиссии было уволено 58 человек. В то же время 40 человек высококвалифицированных специалистов, замешанных, по мнению чекиста, во «вредительстве», оставлены в Донугле, чтобы не осложнять положение с нехваткой технического персонала. При этом, по мнению самого В. А. Балицкого, эти инженеры испытывали крайнее недоверие по отношению к советской власти³⁸⁴. Если принять во внимание статистику, приведенную В. А. Балицким, становится ясно, что в «Донугле» оставалось немалое количество «контрреволюционно» настроенных специалистов. И. Бирман весьма пессимистично оценивал настроения интеллигенции: «Можно упрощенно, немного грубо сказать, что у нас есть сейчас

³⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 17. Л. 93.

³⁸⁴ Там же

4 категории специалистов. Первая категория – это те вредители, которые сидят. Вторая категория – это вредители, которые не сидят... Третья категория – это сами не вредители, но такие, которые, однако, вредителей не считают преступниками. А четвертая категория – это те специалисты, которые уверены, что это не вредители, что их зря преследуют, потому что советская власть иначе не может прикрывать свои ошибки»³⁸⁵.

Власть, инициировав «Шахтинское дело», по сути загнала себя в тупиковую ситуацию. С одной стороны, для нормального функционирования промышленности нужно было предоставить инженерам возможность принимать технические решения, не опасаясь попасть под следствие; с другой стороны, присутствие на предприятии либо уже «выявленных», либо потенциально «реакционно-настроенных» специалистов, требовало усиления контроля над их работой. Но это ставило перед контролирующими органами, включая и чекистские структуры, некую сверхзадачу, поскольку все эти органы должны были бы обладать профессиональными производственными компетенциями, не только равными, но даже и превосходящими компетенции инженерного корпуса.

В итоге прежняя система производственно-трудовой субординации, в которой осуществлялось распределение полномочий и ответственности между рабочими, инженерно-техническим персоналом и организациями «треугольника» (хозяйственными, профсоюзными и партийными), была поколеблена обстановкой всеобщего поиска «вредительского» воздействия на производственный процесс. «Бдительность» рабочего класса как основной инструмент оздоровления промышленности, поддерживаемая деятельностью ОГПУ и контролирующих организаций, затрудняла – велика была опасность стать объектом доноса или жалобы. «Карательный уклон», о котором говорил знавший ситуацию на производстве изнутри Г. И. Ломов, формировал и поддерживал в трудовых коллективах атмосферу взаимного недоверия, неприязни и подозрительности. Следствием стало весьма заметное падение дисциплины, что влекло за собой снижение производительности труда.

³⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 17. Л. 107.

Вопрос, насколько партийно-государственное руководство просчитало масштабы и продолжительность негативных последствий, вызванных «Шахтинским делом», не находит прямого документированного ответа. В некоторой степени ответ на этот вопрос дал И. В. Сталин в выступлении на совещании в Политбюро 31 декабря 1928 г. о ситуации в Донбассе. Умело играя роль арбитра, И. В. Сталин представил итоги «Шахтинского дела» через перечисление положительных и отрицательных сторон, которые оно выявило: «Шахтинский процесс, кроме того, что он внес очищающую атмосферу в Донбасс, вместе с тем имел и свои минусы. [...] Мы после того, как этикие начинания со стороны наших врагов открыли, стали думать о том, чтобы выработать новые кадры из рабочего класса. Конечно, у нас сейчас есть некоторая мобилизация сил в смысле усиления выработки новых кадров, у нас есть поворот внимания рабочих, их доверия к власти, к хозяйственникам. *Мы должны знать, что ежели спецы предавали, а рабочие это чутьем видели, а мы молчали, это не могло не отразиться на усилении недоверия рабочих к власти* (выделено нами – С. Ш.). Это безусловно. Если этот минус вычеркнуть, то общий баланс от шахтинского процесса, безусловно, положительный»³⁸⁶.

Как видно из приведенного высказывания, И. В. Сталин выделял репутационную проблему (вернуть доверие пролетариата к власти) в «Шахтинском деле» как приоритетную, полагая, что остальные негативные стороны будут преодолены активностью и сознательностью рабочей массы. Однако есть основание считать, что система взаимоотношений в рамках упорядоченной структуры субординации «политическое руководство – управленцы среднего и низшего звена – производственная интеллигенция – рабочая масса», нарушенная «Шахтинским делом», так и не пришла в равновесие. Постановление ЦК ВКП(б) от 17 января 1929 г. «О задачах угольной промышленности Донбасса» уже не содержало призывов к борьбе с инженерами-«саботажниками», напротив, констатировалось ухудшившееся положение дел в сфере руководства бассейном, ухудшение количественных и качественных

³⁸⁶ Стенограмма заседаний Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). 1923–1938 гг.: В 3 т. М., 2008. Т. 3. С. 70

показателей работы «Донугля», возрождение «спецедеческих» настроений в среде рабочих³⁸⁷.

Определенное упорядочение производственно-трудовой субординации началось с 1929 г. с установления единоначалия хозяйственников на промышленных предприятиях. Однако данная тенденция входила в противоречие с продолжавшейся тенденцией использования в интересах власти разделяющих общество противоречий, свидетельством чего стало инициирование новых крупных «вредительских» процессов 1930–1931 гг.

2.4. Влияние процесса на динамику советско-германских отношений (информационно-пропагандистский аспект)

Среди многообразия аспектов Шахтинского процесса внешнеполитический занимал крайне важное место, поскольку затрагивал сферу советско-германского сотрудничества и поэтому требовал взаимного повышенного контроля над сообщаемой в прессе обеих стран информацией о процессе. Учитывая остроту проблемы, дипломатические каналы являлись единственным инструментом для урегулирования возможных коллизий. Исследование данного аспекта позволяет выявить и проанализировать крайне важную и актуальную тематику взаимодействия внешней политики и управляемой политической пропаганды в Советском государстве.

Напомним, что приостановление экономических переговоров 17 марта 1928 г. объяснялось Германией, с одной стороны, юридическими претензиями к советской стороне, связанными с арестом немецких инженеров по «Шахтинскому делу», а с другой стороны, влиянием общественного мнения, взбудораженного неопределенностью судьбы арестованных. Однако советская пропаганда иначе расставляла акценты, считая арест германских граждан лишь формальным поводом для одностороннего замораживания переговоров; в действительности данное решение трактовалось как результат влияния антисоветски настроенных

³⁸⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 4. С. 158–161.

политических и промышленных кругов Германии и «политической нервозности» немецкого правительства в преддверии выборов в рейхстаг. При этом правительства обеих стран, даже при наличии в Германии принципиальных противников советско-германского экономического сотрудничества, не были настроены на разрыв и переориентацию внешнеполитического курса.

Деликатный вопрос улаживания судьбы арестованных немцев требовал дипломатического согласования и постоянного контроля. Дело осложнялось фундаментальными различиями в юридически-правовых системах двух стран и, в целом, идеологической чуждостью режимов СССР и Германии. Правительства имели неравнозначные возможности влияния на СМИ своих стран. Если советская пресса находилась под полным контролем государства, то германские журналисты были значительно более свободны в своих суждениях и оценках. Ситуация усугублялась тем, что на предпроцессном этапе ряд германских либеральных, националистических и социал-демократических газетных изданий развернули на основе «Шахтинского дела» кампанию по дискредитации советской политики. Независимость германских средств массовой информации от государственных кругов и ранее, и теперь приводила к конфликтным ситуациям, когда дипломатическая линия шла вразрез с редакционной политикой авторитетных германских изданий.

Посол Германии в СССР У. Брокдорф-Ранцау не единожды пытался согласовать линию поведения немецких журналистов, аккредитованных для освещения Шахтинского процесса, с политической линией германского МИДа. Об одной из таких «планерок» упоминал в своем дневнике сотрудник НКВД Б. Г. Подольский. Он присутствовал на встрече германского посла с немецкими корреспондентами 12 мая 1928 г., на которой обсуждался вопрос об установлении общей линии в предстоящем освещении процесса³⁸⁸. Данный факт свидетельствует о предпринимавшихся усилиях по удерживанию немецких органов прессы от излишне жесткой критики в адрес советской юстиции.

³⁸⁸ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 2. С. 911–912.

Перед Шахтинским процессом немецкой дипломатии и руководству газет и журналов, казалось бы, удалось достигнуть согласованной выжидательной тактики по отношению к действиям советской стороны. Договоренность была достигнута ввиду неясности того, какие обвинения будут предъявлены арестованным германским инженерам. 8–12 мая в советской центральной прессе было опубликовано обвинительное заключение по «Делу об экономической контрреволюции в Донбассе». Согласно сообщению «Правды» от 17 мая, германская печать по большей части проявила сдержанность в оценках начинавшегося судебного процесса, выжидая, что покажет его ход. Тем не менее, оценка основных положений обвинительного заключения германской прессой, даже если исходить из приведенных в «Правде» цитат, была неоднозначной. Так, по сообщению «Правды», «Дейче Альгемейне Цейтунг», которая и ранее выступала с критикой советского правительства, крайне скептически отнеслась к утверждению о наличии в инженерных кругах Донбасса политического заговора³⁸⁹.

Несмотря на предварительное согласие сторон не допускать в прессе необоснованных выпадов, ситуация выходила из-под контроля из-за частых взаимных нападков в СМИ на государственные и юридические системы обеих стран. Так, в газете «Правда» 18 мая, в день открытия Шахтинского процесса, отнюдь не случайно были размещены две публикации, в которых критиковались «ошибки» германской юстиции в делах, фигурантами которых являлись рабочие³⁹⁰. В одной из публикаций германский суд обвинялся в классовой пристрастности: «Все демократические формы и нормы выполняются только тогда, когда суд буржуазии судит буржуазию»³⁹¹. Провокационными для немецких журналистов показались и телеграммы корреспондента газеты «Известия» в Германии Л. Кайт, опубликованные 17 мая. Л. Кайт трактовала выжидательную позицию германской прессы как капитуляцию под влиянием данных обвинительного акта, что побуждало немецких журналистов к ответной резкости в

³⁸⁹ Германская печать о шахтинском деле // Правда. 1928. 17 мая. № 113. С. 3.

³⁹⁰ Ошибки германской юстиции // Правда. 1928. 18 мая. № 114. С. 2; Заславский К. Лес и щепки германского суда // Правда. 1928. 18 мая. № 114. С. 2.

³⁹¹ Заславский К. Лес и щепки германского суда // Правда. 1928. 18 мая. № 114. С.2.

своих суждениях. Об этом говорилось на очередной встрече немецких корреспондентов с У. Брокдорфом-Ранцау 18 мая, описанной в Б. Г. Подольским в своем дневнике. В итоге, несколько корреспондентов, Шеффер, Зейберт и др., заявили, что «при такой “провокации” они отказываются от принятой было линии темпоризирования»³⁹². Следовательно, У. Брокдорфу-Ранцау не всегда удавалось договориться с немецкими корреспондентами о согласованных действиях. Впоследствии корреспондент «Берлинер Тагеблатт» П. Шеффер стал настоящей проблемой для германской и советской дипломатии. «Антисоветским» выпадам П. Шеффера и социал-демократа П. Леви посвящались передовицы в центральной прессе СССР³⁹³. Крайне негативно оценивал роль П. Шеффера и Г. В. Чичерин, называя его «коварным и злобным врагом», действия которого наносят урон советско-германским отношениям³⁹⁴. В дальнейшем, 6 июля 1928 г., Г. В. Чичерин потребовал лишить визы на въезд в СССР наиболее «враждебно настроенных» немецких журналистов П. Шеффера, М. Фишера и Юрта³⁹⁵.

Принципиальная позиция группы германских журналистов привела к новой волне взаимных нападок, вызывая своего рода информационные «дуэли». Ряд германских изданий, «Берлинер Тагеблатт», «Теглихе Рундшау», «Форвертс», высказали претензии, что обвинительное заключение бросило тень на крупнейшие германские промышленные фирмы «АЕГ» и «Кнапп», втянув тем самым в судебный политический процесс промышленные корпорации. В ответ внешнеполитический обозреватель газеты «Известия» под псевдонимом «Современник» опубликовал 29 мая статью, в которой разъяснялось, что «на скамье подсудимых сидит не германское государство, не германская промышленность и не германские фирмы как таковые, а отдельные германские

³⁹² Имеется в виду выжидательная позиция прессы. Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 2. С. 913.

³⁹³ Германская буржуазная пресса и шахтинское дело // Правда. 1928. 1 июня. № 126. С. 1.

³⁹⁴ Савин А. И. «Гнусности немецких корреспондентов были колоссальным затруднением...» (восприятие советской стороной освещения в немецкой прессе «Шахтинского дела») // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2011. С. 91.

³⁹⁵ Там же.

граждане, которым обвинительное заключение приписывает ряд незаконных действий»³⁹⁶.

Документы дипломатической переписки свидетельствуют, что в начале июня У. Брокдорф-Ранцау полностью утратил контроль над наиболее непримиримыми корреспондентами. Так, в письме Г. В. Чичерина полпреду СССР в Германии Н. Н. Крестинскому от 8 июня 1928 г. говорилось, что У. Брокдорф-Ранцау «терроризирован инокорреспондентами, так что через него оказывать на них давление можно только лишь в весьма слабой степени»³⁹⁷. В письме Г. В. Чичерина от 15 июня проблема ставится более жестко: «Я должен еще прибавить, что вопрос о германских корреспондентах превратился в большой и большой вопрос... Тем самым начинается большая печатная война между нами и немцами. Так как Ранцау терроризирован, посольство не есть канал для нашей контракции. Приходится возложить надежды на вас. Будучи в Берлине, Вы не можете не иметь связей, дающих возможность противостоять этой кампании лжи. Надо проявить активность»³⁹⁸.

Архивные документы прямо не подтверждают наличие каких-либо договорных обязательств советской и германской дипломатии об удержании прессы от излишне агрессивных выпадов. Однако тенденции, прослеживаемые в дипломатической переписке, говорят о том, что германская сторона, пытаясь оказывать влияние на немецких корреспондентов, рассчитывала, в свою очередь, на политически удобный приговор по отношению к обвиняемым немецким специалистам. Не случайным в этом плане было выступление формального главы советского государства М. И. Калинина по поводу советско-германских отношений, опубликованное в «Правде» 2 июня. М. И. Калинин пообещал, что «советский суд правильно подойдет к разбору дела», а «германская печать в свою очередь убедится, что советское право не ставит себе никаких политических целей и стремится лишь установить действительную причастность подсудимых к

³⁹⁶ Современник. За неделю (20–27 мая 1928 г.) // Известия. 1928. 29 мая. № 123. С. 2.

³⁹⁷ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 2. С. 922–933.

³⁹⁸ Там же. С. 924–925.

инкриминируемым им поступкам». Тогда, заключает М. И. Калинин, острота инцидента сама собой пропадет³⁹⁹.

Дружественную линию продолжала передовица газеты «Известия» от 17 июня, посвященная прогнозам дальнейших взаимоотношений Германии и СССР в связи с формированием в Германии нового правительства. Советской стороне приходилось считаться с тем, что «первую скрипку» в новом правительстве будут играть социал-демократы, получившие на выборах в рейхстаг большинство голосов. Напомним, что социал-демократическая газета «Форвертс» являлась непримиримым противником большевистского руководства в информационном противостоянии, развернувшимся на основе «Шахтинского дела». В передовице «Известий» от 17 июня, несмотря на противоречивые отношения с руководством германской социал-демократии, выражалась надежда на успешное развитие межгосударственных отношений⁴⁰⁰. Со стороны СДПГ через газету «Форвертс» последовал отклик, перепечатанный в «Правде» 20 июня: «Мы искренно приветствуем тот факт, что “Известия” считают возможным и желают дальнейшего улучшения русско-германских отношений при правительстве, руководимом социал-демократией. Эти воззрения совпадают с нашими... В Москве, однако, должны понять, что приемы германских коммунистов, превозносящих Россию как заслуживающий подражания образец социалистического государства, принуждают социал-демократию к обороне»⁴⁰¹. Из этого следовало, что новое руководство Германии было готово к продолжению диалога с советской стороной, но при сохранении и защите своих государственных интересов. Даже французские дипломаты, к собственному разочарованию, подчеркивали, что германская и советская стороны стремятся урегулировать конфликт и снизить негативные его эффекты⁴⁰². К выводу о том, что Германия и СССР были не заинтересованы в углублении конфликта приходят и современные

³⁹⁹ Тов. М. И. Калинин о советско-германских отношениях // Правда. 1928. 2 июня. № 127. С. 6.

⁴⁰⁰ Перед новым кабинетом в Германии // Известия. 1928. 17 июня. № 139. С. 1.

⁴⁰¹ «Форвертс» о советско-германских отношениях // Правда. 1928. 20 июня. № 141. С. 2.

⁴⁰² Дюллен С. Роль международного вопроса в политических процессах в СССР. «Шахтинское дело» и советская внешняя политика // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2010. С. 99.

историки, изучавшие влияние «Шахтинского дела» на советскую внешнюю политику⁴⁰³.

Все это происходило на фоне продолжавшегося процесса, где начались допросы подсудимых немецких инженеров. Данные эпизоды процесса спровоцировали очередное обострение в диалоге советской и германской прессы. 12 июня был допрошен первый из подсудимых немецких специалистов В. Бадштибер, монтажник фирмы «Кнапп», частично признавший свою вину. Признание В. Бадштибера заключалось в том, что тот передал денежную взятку от заведующего отделом фирмы «Кнапп» в Харькове Зеебольда инженеру «Донугля» М. Е. Никишину. М. Е. Никишин должен был не препятствовать приемке непригодных для местных условий машин. Поскольку сам М. Е. Никишин оказался на скамье подсудимых по «Шахтинскому делу», обвинение расценивало передачу денег как пособничество «вредительству». Показания В. Бадштибера ставили под сомнение репутацию фирмы «Кнапп», поэтому были восприняты частью немецкой прессы как лживые. Более того, германские газеты, в частности «Дейтче Альгемейне Цейтунг», обвинили советский суд в тенденциозности. Поводом был отказ в вызове в качестве свидетелей уже упоминавшегося Зеебольда и директора фирмы «Кнапп» Кестера. Московский корреспондент указанной выше газеты заявил, что показания Зеебольда «крайне необходимы для отражения клеветы Бадштибера»⁴⁰⁴. Корреспондент «Известий» в Германии Л. Кайт расценивала выпады германской «буржуазной» прессы как попытку полностью дискредитировать В. Бадштибера, выставляя его, как «психопата и трусливого подхалима по отношению к советскому суду», чтобы тем самым обесценить доверие к его показаниям⁴⁰⁵.

Допросы двух других немецких инженеров, Э. Отто и М. Мейера, состоялись 21 июня. Оба инженера отрицали, предъявленные им обвинения: Э. Отто отрицал

⁴⁰³ Пивненко Р. Р. Шахтинское дело 1928 г. и советско-германские взаимоотношения // Вопросы истории Европейского Севера: сб. ст. Петрозаводск, 1995. С. 89; Каширских О. Н. Кризис в советско-германских экономических отношениях 1928 года // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 46.

⁴⁰⁴ Кайт Л. Тенденциозное освещение шахтинского процесса германскими корреспондентами // Известия. 1928. 26 июня. С. 2.

⁴⁰⁵ Там же.

передачу для «вредительской организации» почты из-за границы⁴⁰⁶, М. Мейер отрицал обвинение в инструктировании А. Б. Башкина о способах порчи установленной им турбины⁴⁰⁷. В советской прессе отзывы германской прессы на допросы М. Мейера и Э. Отто не были опубликованы. Объяснение этому может заключаться в том, что упомянутые немецкие специалисты держали себя на суде, с точки зрения немецкой прессы, достойно, а перепечатывать такого рода отклики советской стороне смысла не было.

Тем не менее, результат вынесенного приговора по «Шахтинскому делу» оказался для немецкой стороны достаточно приемлемым: Э. Отто и М. Мейер были судом оправданы, а В. Бадштибер приговорен к условному сроку заключения в 1 год⁴⁰⁸. Корреспондент «Известий» Л. Кайт по результатам процесса фиксировала, что в германской прессе преобладала тенденция к продолжению торгово-экономических переговоров с советской стороной⁴⁰⁹. В то же время прецедент «Шахтинского дела» позволял ряду германских печатных изданий выступить с требованиями к собственному правительству. Историк А. И. Савин пишет о том, что немецкая пресса отреагировала на завершение Шахтинского процесса солидарно, выступив с требованиями получить от советской стороны гарантии для работающих в СССР немцев⁴¹⁰. В обзоре германской прессы от Л. Кайт говорится, что орган германских националистов «Нахтаусгабе» требовал от нового правительства добиться, чтобы «работающие в СССР германцы пользовались экстерриториальностью по особому договору»⁴¹¹.

Общественное мнение в Германии по отношению к событиям в СССР продолжало оставаться неоднородным. Существовали политические силы, не видевшие перспективы развития советско-германских экономических связей. С большой тревогой обсуждали возможности новых договоренностей издания, выражавшие интересы германских промышленников. По сообщению «Известий»

⁴⁰⁶ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 22 июня. № 143. С. 4.

⁴⁰⁷ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 23 июня. № 144. С. 3.

⁴⁰⁸ Шахтинское дело. Приговор // Известия. 1928. 7 июля. № 156. С. 3.

⁴⁰⁹ Кайт Л. Попытки найти примирительный тон // Известия. 1928. 8 июля. № 157. С. 1.

⁴¹⁰ Савин А. И. «Гнусности немецких корреспондентов были колоссальным затруднением...» (восприятие советской стороной освещения в немецкой прессе «Шахтинского дела»). С. 92.

⁴¹¹ Там же.

10 июля газета «Рейниш Вестфалише Цейтунг» выступила против советско-германского сотрудничества и за английскую ориентацию германской внешней политики. Газета выдвинула против советской стороны обвинение в том, что торговые организации СССР «при первой же возможности... откажутся от своих обязательств, как отказались от уплаты царских займов»⁴¹². Советская пресса, отражая такого рода выпады германских журналистов, утверждала, что основная база советско-германских отношений – «взаимное доверие и взаимная заинтересованность в развитии этих отношений»⁴¹³ – останется незатронутой в результате осложнений последнего периода.

О стремлении советской стороны нормализовать отношения с Германией свидетельствует эпизод с представителем немецкой фирмы «Кнапп» Зеебольдом. В ходе Шахтинского процесса из допроса немца В. Бадштибера 13 июня якобы выяснилась связь Зеебольда с «контрреволюционной организацией». Ввиду этого Специальное присутствие Верховного суда поручило прокуратуре установить место пребывания Зеебольда, и в случае его нахождения на территории СССР произвести надлежащее расследование и привлечь к законной ответственности⁴¹⁴.

Однако нарком иностранных дел Г.В. Чичерин в записке, отправленной 18 июля 1928 г. в Политбюро ЦК ВКП(б), предупредил, что решение по делу Зеебольда будет иметь нежелательные последствия для отношений с Германией. Г. В. Чичерин упоминал, что статс-секретарь МИД Германии К. фон Шуберт, разговаривая с полпредом СССР в Германии Н. Н. Крестинским о Зеебольде, высказал надежду, что возбуждения нового «немецкого» дела не произойдет. Чичерин настаивал на нецелесообразности преследования Зеебольда: «НКИД исходит из того, что процесс Зеебольда был бы крайне неблагоприятно встречен германскими правительственными и промышленными кругами и сильно затруднил бы дальнейшее развитие наших отношений с Германией. Ввиду этого НКИД считает настоятельно необходимым вынесение Президиумом ЦИКа постановления о прекращении уголовного дела против Зеебольда с последующей

⁴¹² «Рейниш Вестфалише Цейтунг» за английскую ориентацию // Известия. 1928. 10 июля. № 158. С. 1.

⁴¹³ Германская печать о приговоре по шахтинскому делу // Известия. 1928. 8 июля. № 157. С. 1.

⁴¹⁴ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 14 июня. № 136. С. 4.

высылкой его из СССР. При этом надо будет потребовать от германского правительства и здешнего германского посольства, чтобы оно приняло имеющиеся в его распоряжении меры, чтобы удержать германскую печать от использования такого исхода дела Зеебольда для новых выпадов против нас»⁴¹⁵. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 июля 1928 г. было принято решение «считать целесообразным, чтобы Президиум ЦИКа ликвидировал дело о Зеебольде высылкой его из СССР как нежелательного иностранца»⁴¹⁶. Эпизод с Зеебольдом свидетельствовал об обоюдной заинтересованности руководства двух стран в дальнейшем торгово-промышленном сотрудничестве.

29 августа 1928 г., по сообщению ТАСС, опубликованному в «Известиях», германское Министерство иностранных дел уведомило нотой полпредство СССР о своей принципиальной готовности начать обмен мнениями о дате возобновления советско-германских экономических переговоров. В ноте указывалось, что представители германской стороны могли бы начать указанный обмен мнениями предположительно в конце октября 1928 г.⁴¹⁷

По поводу официального сообщения о возобновлении советско-германских экономических переговоров газета «Дейче Альгемейне Цейтунг» писала, что дипломатия и печать обеих стран в течение последних месяцев успешно работали над устранением возникших затруднений и «расчистили путь для возобновления переговоров, которые в новой атмосфере приведут, вероятно, к удовлетворительным результатам, что весьма желательно в интересах обеих стран»⁴¹⁸.

Таким образом, не смотря на существование претензий со стороны Германии по поводу ареста немецких специалистов в связи с «Шахтинским делом», возобладала заинтересованность руководства обеих стран в продолжении экономических связей. Оправдательный по сути для подсудимых немцев приговор устранил конфликтную ситуацию в отношениях двух стран.

⁴¹⁵ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД... С. 176.

⁴¹⁶ Там же.

⁴¹⁷ Предложение о возобновлении советско-германских переговоров // Известия. 1928. 31 авг. № 202. С. 1.

⁴¹⁸ Там же.

Государственные интересы в случае с несостоявшимся «делом Зеебольда» позволяли советской стороне закрыть глаза на выдвинутые судом претензии к немецкому инженеру. Подталкивала Германию к налаживанию отношений с СССР и экономическая конъюнктура – рост безработицы к концу 1928 г. и ухудшение хозяйственного положения в Германии. В этой связи интерес немецких торгово-промышленных кругов к заключению новых сделок с советской стороной в течение второй половины 1928 г. возрастал⁴¹⁹. Локальные информационные войны между пропагандистскими органами двух стран в связи с «Шахтинским делом» были свернуты также оперативно, как и были начаты.

Выводы по главе 2

На предпроцессном этапе пропагандистской кампании ресурсы советских СМИ использовались для обоснования феномена «экономической контрреволюции» как новой формы классовой борьбы. До опубликования обвинительного заключения образ внутреннего «врага» носил политически абстрактный характер (не сложившая оружие «контрреволюция» видоизменила стратегию борьбы против социалистического государства), не был представлен в персонифицированном виде. Шахтинский процесс наполнил новый облик «врага» живым человеческим содержанием.

Методика освещения Шахтинского процесса в формате корреспондентских отчетов и фельетонов способствовала составлению узнаваемого и воспринимаемого в массовом общественном сознании социально-психологического портрета «вредителя». Этот портрет наделялся совокупностью негативных черт (отсутствие политических убеждений, вера в незыблемость частной собственности, карьеризм, стяжательство, неприятие новых социалистических форм общественных отношений и др.), которые соотносились с образом социально и политически индифферентного «буржуазного»

⁴¹⁹ Макаренко П. В. «Шахтинский процесс» и его влияние на советско-германское сотрудничество // Вопросы истории. 2013. № 10. С. 15.

интеллигента, образ жизни которого, сформировавшийся до революции, в дальнейшем детерминировал его сознание, а следовательно, и поведение.

В то же время, как и во всякой массовой кампании мобилизационного типа, пропаганда сталкивалась с тем, что гибкие и дифференцированные установки наталкивались на невосприимчивость их массовым сознанием. Так, Шахтинский процесс, позиционируемый как суд над членами «вредительской контрреволюционной организации», но вовсе не над прослойкой «старой», «буржуазной» интеллигенции в целом, завершился приговором, не совпадавшим с радикальными настроениями пролетариата. Судебный процесс в своей развязке (расстрел лишь небольшой группы обвиняемых) не устроил рабочую массу, в которой агрессивно культивируемый пропагандой образ «врага» опирался на живучие и практически не поддающиеся рациональному контролю «спецедаческие» настроения. Попытки перенаправить настроения социального реванша в русло разумной классовой «бдительности» в отношении специалистов и управленцев на производстве оказывались неэффективными.

Параллельно шедшему судебному процессу в советской пропаганде велись хозяйственно-политические кампании, направленные на извлечение уроков из «Шахтинского дела». В данных кампаниях нашло отражение попытка пропаганды получить от «Шахтинского дела» не только конфронтационный, но и консолидационный импульс, т. е. использовать его для решения прагматичных задач в сфере организации промышленного производства. Так, например, социальная активность рабочих, но уже в формате самокритики, должна была стать инструментом «самоочищения» советской системы хозяйствования от «пороков» бюрократизма и бесхозяйственности. При этом различим и политико-идеологический компонент хозяйственно-политических кампаний: исключительная роль, которая отводилась пролетариату в «оздоровлении» низового аппарата управления промышленностью, должна была компенсировать социальное недовольство рабочих своим подчиненным положением на фабриках и заводах. Именно поэтому со страниц «Правды» и «Известий» столь активно раздавались призывы «вовлечь рабочих в дело управления промышленностью»

посредством «выдвижения» их на ответственные посты и развития массовой «самокритики».

Воплощение хозяйственно-политических установок на практике повлекло за собой дестабилизацию производственно-трудовой субординации, когда хозяйственники и специалисты отказывались брать на себя ответственность в принятии решений, опасаясь оказаться под прицелом «рабочей критики». Результатом стало падение трудовой дисциплины, преследование неугодных рабочей массе специалистов и управленцев. В итоге пропагандистская система своим воздействием на массовое сознание опоры партийно-советского режима, рабочих, достигла эффекта активизации пролетариата в деле поиска «вредителей» на производстве, но не справилась с задачами конструктивного характера по «оздоровлению» социально-трудовых отношений в экономике.

Заключение

Шахтинский судебный политический процесс 1928 г. явился реакцией и своего рода знаковым ответом большевистского режима на совокупность кризисных явлений в социально-политической и экономической сферах жизни советского государства. Снижение доверия к власти в среде пролетариата на фоне отсутствия ожидаемых в постреволюционный период ощутимых изменений в имущественном положении и производственно-трудовом статусе рабочих (что воспринималось ими как инерция дореволюционных форм эксплуатации) приводило к росту забастовочного движения. Несмотря на произошедшие после 1917 г. радикальные социально-политические сдвиги, ролевые функции рабочих и специалистов остались прежними. На большинстве предприятий сохранялись и воспроизводились иерархические отношения между управленцами и рабочими, наблюдалось очевидное противоречие между декларируемыми политическими предпочтениями («гегемония пролетариата») и реальным статусом пролетариата, как наемной рабочей силы, находившейся в подчиненном положении у «буржуазных» специалистов.

Процесс по делу об «экономической контрреволюции в Донбассе» призван был продемонстрировать советскому обществу еще одну, наряду с другими «враждебными элементами», скрытую и опасную силу в лице «контрреволюционеров-вредителей». Выявление «классово чуждой» психологии и идеологии «спецов-вредителей» стало сердцевиной не только следствия и суда, но и ширококомасштабных и интенсивных усилий пропаганды по формированию и закреплению нового образа «врага».

Формирование пропагандистских установок, заложенных в основание кампании в советской прессе, происходило постепенно и на нескольких уровнях. На политико-мировоззренческом уровне вырабатывалось обоснование феноменов «экономической контрреволюции» и «экономической интервенции». Их теоретическое описание в ряде публикаций и выступлений дал И. В. Сталин. Следуя сталинскому толкованию, методы классовой борьбы изменились, и на

смену попыткам вооруженной интервенции времен гражданской войны пришла интервенция «экономическая» как следствие «союза» иностранного капитала, русской эмиграции и «контрреволюционно» настроенных инженерно-технических работников внутри страны. Внедрение в политическое поле феномена «экономической контрреволюции» привнесло идеологическое содержание в сферу производственно-трудовых отношений. На этом уровне взаимодействие основных акторов производственного процесса (рабочих, специалистов, хозяйственников) получало дополнительную идеологическую интерпретацию.

Следуя этой привнесенной интерпретации профессиональная / производственная деятельность инженерно-технических работников приобретала политическое значение, а навыки, квалификация, знание воспринимались как инструменты политической борьбы. Это означало, что любое техническое решение расценивалось как политическое действие, которое, как показало «Шахтинское дело», в ряде случаев могло трактоваться как «контрреволюционное». Прослойка «буржуазных» инженерно-технических работников в оптике пропаганды переставала быть однородной и дифференцировалась на отдельные политические типажи. Так, на страницах прессы описывались типажи «инженера-общественника» (сознательного сторонника Советской власти), «инженера-обывателя» (честно выполнявшего свои должностные обязанности, но политически индифферентного) и «контрреволюционера-вредителя» (политического и идеологического «врага»). Шахтинский процесс наглядно продемонстрировал намеченную дифференциацию: общественные обвинители С. Д. Шейн и П. С. Осадчий представляли на процессе ее «здоровые силы», а подсудимые «шахтинцы» – «контрреволюционное» крыло. Поощряемым официальной пропагандой был путь «инженера-общественника», который определялся установками покончить с «кастовой» замкнутостью, сплотиться с рабочим классом в деле социалистического строительства.

Вполне объяснимой становится в этой связи критика коммунистов-хозяйственников, многие из которых, будучи технически неграмотными, без должного образования/подготовки/опыта не могли считаться сознательными участниками производственного, а в новой интерпретации и политического, процесса. Хозяйственникам были даны установки изучить техническую сторону вверенных им производств, внимательно реагировать на запросы и критику рабочих, проявлять «минимум здорового недоверия» к работе специалистов. В условиях, когда коммунисты-управленцы вместе с профсоюзными и партийными работниками оказались неспособны вовремя увидеть и предотвратить деятельность «вредителей», именно пролетарий позиционировался пропагандой в качестве активного политического субъекта, способного, руководствуясь «революционным чутьем» и «коммунистической бдительностью», распознать «врага», действовавшего на фабриках и заводах. В сущности, это означало, что практики «спецедействия», которые ранее являлись порицаемой формой социального действия, теперь могли допускаться и интерпретироваться как проявления «революционного чутья». «Спецедействие» выступало для власти не только средством перенацеливания социального недовольства масс своим положением, но одновременно и инструментом проведения мобилизационных идеолого-пропагандистских кампаний конфронтационного типа, где «спецы-вредители» являлись частью собирательного образа «врага народа».

Пропаганда достаточно успешно и результативно эксплуатировала и подогривала в рабочей массе настроения и установки социально-культурного антагонизма и недоверия к «буржуазным» инженерам. Активизировались подобные настроения путем обращения к групповой социальной памяти рабочих. Не случайно, в ходе как предварительного (чекистского) следствия, так и самого суда, непропорционально много внимания уделялось выявлению социального происхождения, статуса, связей с шахтовладельцами, деятельности в годы революции и Гражданской войны подсудимых, благодаря чему пропаганда получала «благодатный» материал для формирования образов «вредителей», «контрреволюционные» действия которых объявлялись фактически

запрограммированными их дореволюционным статусом. Особенно важной в конструкции нового концепта «врага» становилась связка «активного вредительства» с подготовкой интервенции, давшая логическое обоснование взаимодействию «врагов» «извне» и «изнутри».

Освещение хода Шахтинского процесса в советской прессе являлось прямым продолжением пропагандистской кампании, начатой за два месяца до его открытия и по сути предвосхитившей обвинительный приговор. Функция прессы поэтому заключалась не только и не столько в информационном описании хода судебных заседаний, сколько в раскрытии и воплощении пока еще размытого и умозрительного образа «спеца-контрреволюционера» в фигурах подсудимых «шахтинцев». Соответствовала данной функции и форма освещения в прессе Шахтинского процесса – корреспондентские отчеты о ходе судебных заседаний дополнялись фельетонами, что в совокупности позволяло в подробностях представить обобщенный «портрет вредителя», специалиста, не способного отказаться от «буржуазного» образа жизни и мышления и «вредившего» скорее по инерции. Методы освещения судебных заседаний служили усилению позиций обвинения на процессе: признательные показания излагались наиболее полно в ущерб показаниям не признавших свою вину подсудимых; аргументы адвокатов, приводимые в оправдание подсудимых или смягчавшие их вину, трактовались как попытки обмануть суд; показания подсудимых и свидетелей нередко передавались в искаженном виде, вырывались из контекста; корреспонденты позволяли себе приносить собственные оценки правдивости / лживости слов подсудимых.

Советская пресса предоставляла существенно искаженную картину социальной реакции на Шахтинский процесс. В газетах публиковались многочисленные резолюции собраний инженерно-технических работников, в которых те отмежевывались от шахтинских «вредителей», клеймя их позором. Рабочие, в свою очередь, следуя сообщениям советской прессы, декларировали «товарищеское» отношение к честным специалистам и требовали осуждения «контрреволюционеров». В действительности же социальная реакция на

Шахтинский процесс отличалась от представленной в прессе. В среде ИТР органами ОГПУ фиксировалось распространенное недоверие к обвинительному материалу по «Шахтинскому делу», ожидание новой волны «спецедействия» и репрессий, несмотря на заверения официальных лиц (А. И. Рыкова и В. В. Куйбышева), что политика в отношении «старой» интеллигенции не претерпит изменений. Рабочие же в большинстве оказались разочарованы «мягким», по их мнению, приговором по «Шахтинскому делу». Агрессивный тон пропагандистской кампании, подогревавший соответствующие ему «кровожадные» настроения, вошел в противоречие с окончательной юридической оценкой вины подсудимых специальным присутствием Верховного суда СССР на Шахтинском процессе. Настроения интеллигентофобии противоречили логике судебного разбирательства по «Шахтинскому делу», следуя которой, признательные показания позволяли рассчитывать на смягчение приговора. Недовольство рабочих свидетельствовало о провале попытки управлять социально-реваншистскими настроениями, втиснув их в узкие рамки судебной процедуры.

«Шахтинское дело» нанесло существенный ущерб авторитету коммунистов-управленцев на производстве. Помимо того, что хозяйственники стали объектом критики в прессе, им приходилось считаться с новой тенденцией выведения пролетариата на роль одного из звеньев системы управления предприятием. Поощрялась критика хозяйственников и со стороны рабочих, при этом пропаганда требовала в ответ внимательного реагирования на предложения и жалобы пролетариата. В связи с этим хозяйственники по-разному отвечали на сложившиеся новые условия на производстве: одни шли по пути потворства воле рабочего актива в любом решении, что приводило к падению трудовой дисциплины, другие вопреки предписаниям пропаганды шли на зажим пролетарской критики. Между данными двумя крайностями различались ответные реакции коммунистов-хозяйственников на дестабилизацию производственно-трудовых отношений, вызванную «Шахтинским делом».

Одной из главных задач кампании было соблюдение баланса между конфронтационными / негативными тенденциями (наращивание социальной истерии охоты на «вредителей») и консолидационными / позитивными. Последние должны были перенаправить мобилизационный потенциал протестных настроений в русло реализации конкретных задач в управленческой, хозяйственной и других сферах (интенсификация производства, повышение качества управленческой деятельности и т. д.).

Консолидационные тенденции нашли выражение в ряде хозяйственно-политических кампаний, которые соответствовали общей установке на извлечение уроков из «Шахтинского дела». Направления хозполиткампаний были заданы резолюцией апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928 г. о путях исправления недостатков, выявленных в результате «Шахтинского дела». Велись кампании усиления контроля работы специалистов, улучшения партийного руководства хозорганами, вовлечения рабочих масс в управление производством, ускорения подготовки «красных» специалистов, самокритики, обеспечения полноценного руководства предприятиями коммунистами-хозяйственниками. Несмотря на активизацию СМИ, разрушительные последствия дестабилизации производственно-трудовых отношений снижали позитивный эффект хозполиткомпаний. Конфронтационную составляющую пропагандистской кампании, вызывавшую конфликты и противоречия на производстве, снижение трудовой дисциплины, нежелание инженеров и хозяйственников брать на себя ответственность за технические решения, не удалось компенсировать установками на повышение качества управления промышленностью и производительности труда. Рабочие использовали «самокритику» и производственные совещания для нападок на административно-управленческий персонал; инженерно-технические специалисты, деморализованные «Шахтинским делом», отказывались брать на себя ответственность, опасаясь обвинений во «вредительстве»; коммунисты-хозяйственники оказались дискредитированы критикой в СМИ и утратили управленческий авторитет. «Шахтинское дело» скорее привело к кризису управления промышленностью, нежели подтолкнуло

советскую экономику, освобождавшуюся от пут «вредительства», к производственному росту.

Освещая иностранную реакцию на «Шахтинское дело», советские органы прессы использовали тщательно отобранные из информационного потока западных изданий (прежде всего германских) публикации для их препарированного, прагматичного использования с целью иллюстрации борьбы и противостояния двух миров – западного и советского. При этом идеологема «двух миров» входила в противоречие с прагматичной деятельностью дипломатии по поддержанию экономического сотрудничества с Германией. Формат судебного процесса в данном случае позволял преодолеть расхождение между агрессивным пропагандистским курсом и политической необходимостью сотрудничества с «буржуазной» Германией. Мягкий, по сути оправдательный, приговор в отношении подсудимых немецких инженеров способствовал снижению градуса информационного противоборства в советской и германской прессе и открыл дорогу дипломатии обеих стран к развитию экономических связей.

«Шахтинское дело» как реализованный сталинским руководством «антикризисный» вариант, предполагавший мобилизацию политическим режимом своих сторонников, стал источником новых кризисов в последующем, поскольку социальные противоречия и конфликты были не «сняты», а заблокированы, «загнаны внутрь». Прежний порядок производственных отношений был принесен в жертву политической выгоде, получаемой от конфликтной мобилизации в искусственно создаваемых условиях угрозы, исходящей «извне» («внешний враг») и «изнутри» («внутренний враг»). «Шахтинское дело» задавало долгосрочный вектор политической и культурной дискриминации «буржуазной» интеллигенции в советском государстве.

Дальнейшие перспективы разработки темы заключаются в возможности проведения сравнительного анализа идеолого-пропагандистской кампании на основе «Шахтинского дела» 1928 г. и кампаний, организованных для освещения других показательных «вредительских» процессов конца 1920-х – начала 1930-х гг. Такого рода исследования позволят получить взвешенные и обоснованные

выводы об особенностях организации информационного сопровождения судебных процессов, имевших специфическое социально-мобилизационное назначение.

Список использованных источников и литературы

Источники

Архивные материалы

Архив Президента Российской Федерации (АП РФ)

1. Ф. 3. Политбюро ЦК ВКП(б). Оп. 58. Д. 328–332.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

2. Ф. Р-8131. Прокуратура СССР. Оп. 5. Архивные материалы Прокуратуры Верховного Суда СССР за 1928 г. Д. 6–43.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

3. Ф. 17. Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898,1903–1991).

Оп. 3. Протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) и ВКП(б) VII-XVIII созывов. Д. 675–678, 683–689, 693, 696, 697;

Оп. 21. Отдел руководящих партийных органов. Сектор информации. Д. 3365–3367;

Оп. 26. Отдел руководящих партийных органов. Сектор информации. Компартия Украины. Д. 17;

Оп. 163. Протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) и ЦК ВКП б) (подлинники постановлений и материалы, стенограммы некоторых заседаний Политбюро). Д. 719–721, 726–727.

Государственный архив Новосибирской области (ГАО).

4. Ф. Р-1228. Исполнительный комитет Новосибирского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Новосибирск, ноябрь 1925 – август 1930 гг. Оп. 3. Д. 9–13.

Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД).

5. № 921. Куски из Совкиножурнала (1917–1940).

6. № 3660. Дело об экономической контрреволюции в Донбассе (1928).

Периодические издания

Газеты

7. Известия (орган ЦИК СССР и ВЦИК). Март – декабрь 1928 г.
8. Красный шахтер (орган Шахтинско-Донецкого окркома ВКП(б)). Март – декабрь 1928 г.
9. Молот (орган Севкавказрайкома и Донкома ВКП(б)). Март – декабрь 1928 г.
10. Правда (орган ЦК ВКП(б)). Март – декабрь 1928 г.
11. Советская Сибирь (орган Сибкрайкома ВКП(б)). Март – декабрь 1928 г.
12. Экономическая жизнь (орган СТО и Экономического совета РСФСР). Март – декабрь 1928 г.

Журналы

13. Горнорабочий (Журнал ЦК Союза горнорабочих СССР). Март – декабрь 1928 г.
14. Еженедельник советской юстиции (орган Народного комиссариата юстиции РСФСР). Март – декабрь 1928 г.
15. Инженерный труд (орган ВМБИТ, МосГМБИТ и ЦБ ИТС профсоюзов). Март – декабрь 1928 г.
16. Коммунистический Интернационал (орган Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала). Март – декабрь 1928 г.
17. Революция права (Журнал секции общей теории права и государства Коммунистической академии). Март – декабрь 1928 г.

Документальные издания

18. Власть и интеллигенция в сибирской провинции. У истоков советской модернизации. 1926–1932: Сб. док. / Сост. С. А. Красильников и др. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1999. 360 с.

19. История советской политической цензуры: Документы и комментарии / Сост. Т. М. Горяева. М.: РОССПЭН, 1997. 672 с.
20. Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 т. / Отв. ред. В. П. Данилов. М.: МФД, 2000. Т.1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. 493 с.
21. Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 т. / Отв. ред. В. П. Данилов. М.: МФД, 2000. Т.2. Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. 718 с.
22. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). М.: б. и., 1970. Т. 4. 581 с.
23. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936 / Сост. В. Н. Хаустов и др. М.: Демократия, 2003. 910 с.
24. «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934): В 10 т. / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М.: ИРИ РАН, 2002. Т. 6. 795 с.
25. Стенограмма заседаний Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). 1923–1938 гг.: В 3 т. М.: РОССПЭН, 2008. Т. 3. 814 с.
26. Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: В 2 кн. / Отв. ред. С. А. Красильников. М., 2010–2011. Кн. 1. 975 с.; Кн. 2. 1087 с.

Литература

27. Аблажей Н. Н. Шахтинский процесс в освещении русской эмигрантской прессы // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: Сб. науч. ст. / Отв. ред. С. А. Красильников, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2011. С. 46–60.
28. Авторханов А. Г. Технология власти. Frankfurt/Main: Посев, 1983. 809 с.
29. Аграновский А., Алевич А., Рыклин Г. Люди-вредители. Шахтинское дело. М.; Л.: Госиздат, 1928. 116 с.
30. Андреев А. Л. Российское образование: социально-исторические контексты. М.: Наука, 2008. 359 с.

31. Андрейчева М. Ю. Религиозная имагология: предмет и задачи нового историко-имагологического направления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11–2. С. 37–40.
32. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
33. Арнаутов Н. Б. Образ «врага народа» как стереотип массового сознания // Вестник КЛИО: Тр. гуманит. фак. НГУ. Сер. 2: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2006. С. 72–80.
34. Арнаутов Н. Б. Образ «врага народа» в контексте проведения «Больших московских процессов» 1936–1938 гг. // Судебные политические процессы в СССР и странах Европы: Сб. науч. ст. / Отв. ред. С. А. Красильников, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2010. С. 85–91.
35. Арнаутов Н. Б. Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект: декабрь 1934 г. – ноябрь 1938 г.: дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Томск, 2010. 223 с.
36. Артамонова Ж. В. Московский открытый процесс 1936 г.: механизм организации и политико-идеологическое обеспечение: дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2011. 226 с.
37. Беляков Л. Н. «Шахтинское дело» // Репрессированные геологи / Сост. А. И. Баженов и др. М.; СПб.: ВСЕГЕИ, 1999. 452 с.
38. Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 2017. 365 с.
39. Великанова О. В. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х гг. М.: РОССПЭН, 2017. 295 с.
40. Викторов Б. А. Без грифа «Секретно». Записки военного прокурора. М.: Юрид. лит., 1990. 344 с.
41. Власть и образ: очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. 383 с.
42. Вышинский А. Я. Итоги и уроки Шахтинского дела. М.; Л.: Гос. изд., 1928. 101 с.

43. Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М.: Политиздат, 1975. 703 с.
44. Голубев А. В. «Если весь мир обрушится на нашу Республику»: призраки войны в советском обществе 1920–30-х гг. // Военно-историческая антропология: Ежегодник, 2005 / 2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 111–124.
45. Голубев А. В. Советское общество и «военные тревоги» 1920-х гг. // Отечественная история. 2008. № 1. С. 36–58.
46. Грабельников А. А. Массовая информация в России: от первой газеты до информационного общества: дис. на соискание ученой степени д-ра ист. наук. М., 2001. 349 с.
47. Гудков Л. Д. Идеологема «врага»: «враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / Сост. Л.Д. Гудков. М.: ОГИ, 2005. С. 64–65.
48. Гурьев А. И. Как закалялся агитпроп. М.: Науч.-изд. центр «Академика», 2011. 428 с.
49. Дюллен С. Роль международного вопроса в политических процессах в СССР. «Шахтинское дело» и советская внешняя политика // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: Сб. науч. ст. / Отв. ред. С. А. Красильников, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2010. С. 66–74
50. Епихин А. Ю., Мозохин О. Б. ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928). М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007. 528 с.
51. Еремин С. В. Образ врага в советской пропаганде (историографический аспект) // Малоизученные и дискуссионные проблемы отечественной истории: Сб. науч. трудов. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского пед. инст., 2005. Вып. 2. С. 108–118.
52. Есиневич А. А. Театр абсурда, или Судебный процесс по Шахтинскому делу. СПб.: ИПЦ СГУПТД, 2004. 159 с.
53. Ефимов Е., Щетинов Ю. Три процесса над старой интеллигенцией // Политическое образование. 1989. № 6. С. 69–76.

54. Жаркой М. Э. Карательная политика Советского государства в области борьбы с экономической контрреволюцией в период НЭПа // Россия и современный мир: вызовы и угрозы политического развития: Сб. науч. ст. по материалам международной научно-практической конференции по политологии, 11–12 сентября 2014 г. М.: Фонд науч. исследований в области гум. наук «ЗНАНИЕ – СИЛА», 2014. С. 44–58.

55. За что их судят? Баку: Дешевая рабочая библиотека газеты «Вышка», 1928. 32 с.

56. Иванов В. И., Чернопицкий П. Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920–1937). Ростов н/Д.: Рост. кн. изд-во, 1971. 191 с.

57. Игрицкий Ю. И. Снова о тоталитаризме // Отечественная история. 1993. № 1. С. 3–10.

58. Исаев В. И. «Они хотели убить Сталина»: ОГПУ против немецких студентов в показательном судебном процессе 1925 г. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 174 с.

59. Исаев В. И. Эхо Шахтинского процесса в Сибири: жизнь и смерть инженера Жаркова // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2009. № 9. С. 170–182.

60. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б); одобрен ЦК ВКП(б), 1938 г. М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1946. 352 с.

61. Казьмина М. В. Дискуссия в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. о значении концепции тоталитаризма в осмыслении советской истории 1930-х гг. // Вестник КемГУ. 2008. № 1. С. 19–28.

62. Каширских О. Н. Кризис в советско-германских экономических отношениях 1928 г. // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 35–48.

63. Кислицын С. А. Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов н/Д.: НМЦ «Логос», 1993. 109 с.

64. Ковалев В. А. Два сталинских наркома. М.: Прогресс: Универс, 1995. 320 с.

65. Колоницкий Б. И. Антибуржуазная пропаганда и антибуржуазное сознание // Анатомия революции, 1917 г. в России: массы, партии, власть: Сб. науч. ст. / Отв. ред. В. Ю. Черняев. СПб.: «Глаголь», 1994. С. 188–202.

66. Коэн С. Бухарин. Политическая биография 1888–1938. М.: Прогресс, 1988. 573 с.

67. Красильников С. А. Шахтинский процесс 1928 года: предварительное следствие в архивных документах // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 1. С. 59–66.

68. Красильников С. А. Шахтинский процесс 1928 г. как феномен охранительной политики // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: Сб. науч. ст. / Отв. ред. С. А. Красильников, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2011. С. 60–67.

69. Красильников С. А. Интеллигенция в большевистской системе социальной мобилизации: опыт и цена 1928 года // Социальная мобилизация в сталинском обществе: институты, механизмы, практики: Сб. науч. ст. / Под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск: НГУ, 2011. Вып. 1. С. 131–150.

70. Красильников С. А. Судебные политические процессы 1920-х гг. в Советской России / СССР как исследовательский феномен: дискуссионные проблемы // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: Сб. науч. ст. / Отв. ред. С. А. Красильников, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2010. С. 11–21.

71. Красильников С. А. Сталинская модель социальной мобилизации: некоторые проблемы изучения // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 10. С. 40–46.

72. Кринко Е. Ф. Образы противника в массовом сознании советского общества в 1941–1945 гг. // Российская история. 2010. № 5. С. 74–89.

73. Кудрявцев В. Н., Трусков А. И. Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000. 365 с.

74. Кузнецов И.С. Эволюция сталинской мобилизационной модели: проблемы изучения // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 8. С. 104–114.

75. Куманев В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М.: АН СССР, 1991. 295 с.

76. Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России, 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 341 с.

77. Лившин А. Я. Общественные настроения в советской России, 1917–1929 гг. М.: Университетский гуманитарный лицей, 2004. 272 с.

78. Лившин А. Я. «Военная тревога» 1927 года и общественные настроения в Советском Союзе [Электронный ресурс] // Киберленинка. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-trevoga-1927-goda-i-obschestvennye-nastroeniya-v-sovetskom-soyuze>. (дата обращения 15.08.2018).

79. Лившин А. Я., Орлов И. В. Власть и общество: диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. 205 с.

80. Лютов Л. Н. Политические настроения провинциальной интеллигенции в освещении ОГПУ. 1928–1929 гг. // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 107–119.

81. Макаренко О. П. «Шахтинский процесс» и его влияние на советско-германское сотрудничество // Вопросы истории. 2013. № 10. С. 3–15.

82. Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. М.: Политиздат, 1990. 488 с.

83. Медушевский А. Н. Сталинизм как модель социального конструирования: к завершению научно-издательского проекта // Российская история. 2010. № 6. С. 3–29.

84. Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: Сб. науч. ст. / Под ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюха, Г. М. Коваленко. Новгород: НовГУ, 2004. 404 с.

85. Мозохин О. Б. Без вины виноватые: Шахтинский процесс 1928 года // Родина. 2008. № 7. С. 105–110.

86. Мозохин О. Б. Вредительство в народном хозяйстве [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/moz_vrnar.php (дата обращения: 15.08.2018).

87. Мозохин О. Б. ВЧК–ОГПУ – карающий меч диктатуры пролетариата (ВЧК–ОГПУ на защите экономической безопасности государства и в борьбе с терроризмом). М.: Яуза, Эксмо, 2004. 448 с.

88. Мозохин О. Б. «Замешанных немцев арестовать... Англичан не трогать» // Отечественные архивы. 2008. № 6. С. 84–97.

89. Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М.: Кучково поле, 2006. 480 с.

90. Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние, 1922–1926 гг.: этика и тактика противоборства. М.: РОССПЭН, 2005. 737 с.

91. Морозова А. Ю. Меншевицкий процесс 1931 г. в ряду «вредительских» процессов // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: Сб. науч. ст. / Отв. ред. С. А. Красильников, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2010. С. 50–58.

92. Научно-техническая интеллигенция Урала в 1920-е – 1930-е годы: дела и судьбы / Под ред.: М. Е. Главацкого, В. Г. Чуфарова. Екатеринбург: УРГУ, 1993. 118 с.

93. Нежинский Л. Н. Была ли военная угроза СССР в конце 20-х – начале 30-х годов? // История СССР. 1990. № 6. С. 14–30.

94. Николаев Л. Н. Угроза войны против СССР (конец 20-х – начало 30-х гг.): реальность или миф // Советская внешняя политика, 1917–1945. Поиски новых подходов: Учебное пособие. М.: Междунар. отношения, 1992. С. 63–90.

95. Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока / Отв. ред. В. Е. Багно. СПб.: РАН, 1998. 462 с.

96. Панина М. Е. Понятийно-терминологические системы и методологии анализа образа «другого» в художественно-публицистических текстах // Известия Восточного института. 2015. № 2. С. 80–89.
97. Пивненко Р. Р. Шахтинское дело 1928 г. и советско-германские взаимоотношения // Вопросы истории Европейского Севера: Сб. науч. ст. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1995. С. 82–90.
98. Поляки и русские в глазах друг друга / Отв. ред. В. А. Хорев. М.: Индрик, 2000. 272 с.
99. Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966. 232 с.
100. Пыстина Л. И. «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х годов (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии, 1999. 159 с.
101. Роговин В. З. Власть и оппозиция. М.: Журнал «Театр», 1993. 400 с.
102. Рожнева Ж. А. Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920-1930-е гг. Томск: РауШ, 2008. 221 с.
103. Савин А. И. «Гнусности немецких корреспондентов были колоссальным затруднением... (восприятие советской стороной освещения в немецкой прессе “Шахтинского дела”» // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: Сб. науч. ст. / Отв. ред. С. А. Красильников, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2011. С. 85–93.
104. Санников С. В. Потестарная имагология и семиотика: «образ власти» как междисциплинарный феномен // Universum: филология и искусствоведение. 2017. № 2. С. 21–23.
105. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 287 с.
106. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 384 с.
107. Сергеев Б., Плесков В. Шахтинцы. История вредительства, суд, приговор. М.: Крестьянская газета, 1928. 75 с.

108. Симонов Н. С. Крепить оборону Страны Советов («военная тревога» 1927 г. и ее последствия) // Отечественная история. 1996. № 3. С. 155–161
109. Скипина И. В., Пастух М. П. Документы о формировании протестных настроений тюменских рабочих в годы НЭПа // Вестник ИГПИ. 2013. № 2. С. 111–117.
110. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛаг. 1918–1956 // Собрание сочинений: В 9 т. М.: Центр "Новый мир", 1999. Т. 4. 448 с.
111. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008. 472 с.
112. Соскин В. Л. «Шахтинское дело» в ракурсе социально-культурного подхода // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 1. С. 50–58.
113. Социальная мобилизация в сталинском обществе: институты, механизмы, практики: Сб. науч. ст. / Под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск: НГУ, 2011. Вып. 1. 179 с.
114. Социальная мобилизация в сталинском обществе: институты, механизмы, практики: Сб. науч. ст. / Под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск: НГУ, 2012. Вып. 2. 192 с.
115. Старков Б. А. Об истинных и мнимых врагах социалистического строительства // В поисках исторической истины. Л.: Лениздат, 1990. С. 92–95.
116. Такер Р. Сталин у власти. История и личность. М.: Весь мир, 1997. 645 с.
117. Трифонов И. Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921–1937). М.: Госполитиздат, 1960. 279 с.
118. Турицын И. В. Власть и пресса в советской России: проблема взаимоотношений и взаимовлияния в 20-е гг. М.: Диалог–МГУ, 1998. 248 с.
119. Тюрин А. О. «Правый Уклон» в повседневной жизни горожан Нижневолжского региона в 1928–1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №12-1. С. 188–192.

120. Тюрин А. О. «Критика снизу» на предприятиях и организациях Нижневолжского региона во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 3. С. 55–67.

121. Ульянова С. Б. «То на скаку, то на боку»: массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской / ленинградской промышленности в 1921–1928 гг. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2006. 529 с.

122. Ушакова С. Н. Идеолого-пропагандистская составляющая Шахтинского процесса // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: Сб. науч. ст. / Отв. ред. С. А. Красильников, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2010. С. 45–50.

123. Ушакова С. Н. Положительные и отрицательные образы акторов Шахтинского судебного процесса в фельетонах «Известий» и «Правды» // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: Сб. науч. ст. / Отв. ред. С. А. Красильников, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2011. С. 67–76.

124. Ушакова С. Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. М.: РОССПЭН, 2013. 215 с.

125. Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.

126. Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М.: Наука, 1972. 471 с.

127. Фельштинский Ю. Г. Разговоры с Бухариным. М.: Изд-во гум. лит, 1993. 142 с.

128. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. 336 с.

129. Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь вождя. М.: АСТ; Corpus, 2015. 464 с.

130. Чогандрян М. Г. Методы, способы и приемы советской пропаганды в 1920–1930-е гг. // Теория и практика общественного развития: История. Исторические науки. 2013. № 4. С. 181–183.

131. Шаповалова А. С. Кризис советско-немецких отношений («Шахтинское дело» глазами французских дипломатов) // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: Сб. науч. ст. / Отв. ред. С. А. Красильников, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2011. С. 94–102.

132. Шаттенберг С. Инженеры Сталина. Жизнь между техникой и террором в 1930-е гг. М.: РОССПЭН, 2011. 477 с.

133. Шейн С. Д. Суд над экономической контрреволюцией в Донбассе. Заметки общественного обвинителя. М.; Л.: Госиздат, 1928. 128 с.

134. Шепетов К. П. Немцы глазами русских. М.: Талицы, 1995. 270 с.

135. Шер О. В. Отношения власти и технической интеллигенции в процессе проведения кампаний по мобилизации специалистов в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, вып. 1. С. 160–164.

136. Щетинов Ю. А. Режим личной власти Сталина // Режим личной власти Сталина. К истории формирования / Под ред. Ю. С. Кукушкина. М.: МГУ, 1989. С. 56–61.

137. Экономическая контрреволюция в Донбассе (итоги шахтинского дела). Статьи и документы. М.: Юр. изд. НКЮ СССР, 1928. 305 с.

138. Fitzpatrick S. Cultural Revolution as Class War // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. Indiana: Indiana University press. 1978. P. 8–41.

139. Kenez P. The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge: Cambridge University press, 1985. 303 p.

140. Kotkin S. Stalin: Volume I: Paradoxes of Power, 1878–1928. New York: Penguin press, 2014. 976 p.

141. Kuromiya H. Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1931. Cambridge: Cambridge University press, 1988. 312 p.

142. Kuromiya H. Edinonachalie and the Soviet Industrial Manager, 1928–1937
// *Soviet Studies*. 1984. Vol. 36. Issue 2. P. 185–204.

143. Lenoë M. Closer to the Masses. *Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers*. Harvard: Harvard University press, 2004. 316 p.

144. Lyons E. *Assignment in Utopia*. New York: Harcourt, 1937. 246 p.

**Приложение А. Программа контент-анализа номеров газет «Правда»
и «Известия» за период с 10 марта по 31 декабря 1928 г.**

Контент-анализ представляет собой количественно-качественный метод анализа текстуальных массивов и заключается в фиксировании и подсчете упоминаний в тексте заранее определяемых исследователем смысловых единиц. Смысловые единицы выделяются в зависимости от содержания, целей, задач и гипотез конкретного исследования. Так, смысловыми единицами могут служить как отдельные понятия (выраженные в терминах), так и темы, выраженные в целых абзацах или частях текста. Во втором случае количественный анализ ведется на основе подсчета индикаторов соответствующей темы. Индикатором считается та часть текста, которая по смысловому содержанию непосредственно указывает на один из выделенных тематических сегментов / смысловых единиц.

Программа контент-анализа газет «Правда» и «Известия» продиктована целями и задачами диссертационного исследования. Сложность и специфика контент-анализа материалов периодической прессы заключается в том, что газетный или журнальный номер представляет собой совокупность публикаций разного объема, содержания и жанра (статьи, заметки, новостные сообщения, репортажи, опубликованные выступления, речи и т. д.). Текстовый массив газетных номеров неоднороден. В рамках данного диссертационного исследования единицей подсчета при проведении контент-анализа являлась целая публикация, содержащая в тексте искомую смысловую единицу, вне зависимости от ее жанра и объема (1 единица подсчета = 1 публикация). Данный подход к определению единицы подсчета имеет свои недостатки и преимущества. Недостатком является невозможность отразить в получаемых данных специфику публикаций (жанровую, содержательную). Однако преимуществом является возможность учесть неравномерность распределения смысловых единиц по текстам газетных материалов (одна публикация может содержать несколько идентичных смысловых единиц – в данном случае учитывается целая публикация вне зависимости от количества идентичных смысловых единиц в ее тексте). В

случае если одна публикация содержит индикаторы противопоставляемых смысловых единиц, она учитывается при подсчете количества упоминаний каждой из них.

На страницах газет публиковались материалы разного происхождения и характера. Наряду с пропагандистскими материалами (статьи, заметки, новостные сообщения и др.) печатались документальные публикации (резолюции пленумов, обвинительное заключение по «Шахтинскому делу» и др.). При проведении контент-анализа учитывались все публикации, размещавшиеся на страницах указанных газет, поскольку и содержание документальных публикаций также работало на формирование специфического пропагандистского фона, сопровождавшего «Шахтинское дело». В целом контент-анализ охватывал 239 номеров газеты «Правды» и столько же номеров «Известий» (газеты публиковались с равной периодичностью) за период с 10 марта по 31 декабря 1928 г.

Результаты контент-анализа представляются в виде долевого пропорционального соотношения частоты упоминания выделенных смысловых единиц. Критерии для долевого сравнения определяются исследовательскими задачами. Так, программа контент-анализа состоит из нескольких сегментов.

1. Долевое соотношение количества употреблений терминов «буржуазные», «старые» специалисты и нейтральных терминов, не указывавших на социально-групповую принадлежность «шахтинских вредителей» (рисунок 1.1).

Данный сегмент программы контент-анализа предполагает выделение в качестве смысловых единиц лексических форм (терминов / понятий), употреблявшихся для обозначения социальной принадлежности акторов «контрреволюционной организации». Исследовательская задача заключалась в выяснении того, насколько были распространены в текстах публикаций газет «Правда» и «Известия» прямые указания на принадлежность «шахтинских вредителей» к социальной прослойке «буржуазной» интеллигенции. Был

проведен подсчет количества публикаций, в текстах которых присутствовали термины, напрямую указывавшие на принадлежность «шахтинцев» к указанной социальной прослойке (фиксируются соответствующие термины «буржуазная», «старая», «дореволюционная» интеллигенция / специалисты или однозначные по смыслу словосочетания, например: «интеллигенция, доставшаяся советской власти в наследство от царизма» и т. п.). Полученное количество сравнивалось с количеством публикаций, в которых социальная принадлежность «вредителей» описывалась в терминах, не указывавших напрямую на прослойку «буржуазных» специалистов (фиксируется разнообразная лексика: «специалисты», «инженерно-технические работники», «контрреволюционно настроенные специалисты» и т. п.)

2. Долевое соотношение высказываний недоверия/товарищеского отношения к специалистам (рисунок 1.2).

Данный сегмент программы контент-анализа предполагал выделение следующих высказываний в качестве смысловых единиц.

– Высказывания о необходимости доверительного / товарищеского отношения к работе инженерно-технических специалистов.

Примеры: *«Мы достаточно морально сильны, чтобы привлечь на свою сторону большинство нужных нам специалистов-интеллигентов. Если в их среду затесалось некоторое количество провокаторов, то тем более нужно оказывать товарищескую поддержку и внимание честным, идущим вместе с нами людям»⁴²⁰;*

«Не может быть и речи, конечно, об огульном недоверии к специалистам. Наоборот, нужно создать атмосферу максимального содействия, внимательного товарищеского отношения вокруг тех многочисленных групп

⁴²⁰ Председатель ЦКК КП(б)У тов. Затонский о заговоре и об отношении к специалистам // Известия. 1928. 11 марта. № 61. С. 1.

специалистов, которые не прислуживаются, работают не за страх, а за совесть»⁴²¹.

– Высказывания о необходимости сохранить «здоровое» недоверие к работе инженерно-технических специалистов, поставить их работу под бдительный контроль.

Примеры: «... В то же время необходимо сохранить минимум здорового недоверия, тщательно контролируя и проверяя результаты их (специалистов) работы и рационализаторских мероприятий»⁴²²;

«Требуем от правительства сурового наказания виновных и их пособников, усилим рабочий контроль над буржуазными спецами, обеспечим полную помощь честным специалистам»⁴²³.

Единицей подсчета, как и во всех других сегментах, являлась целая публикация, в тексте которой был зафиксирован индикатор соответствующей смысловой единицы (т. е. часть текста, соответствующая выделенным категориям высказываний).

Отдельно было выявлено долевое соотношение общей совокупности высказываний доверия / недоверия по отношению к буржуазным специалистам до начала процесса и в период его проведения (рисунок 2.4). Данное долевое соотношение демонстрировало динамику пропагандистской кампании, изменение ее формата на разных этапах проведения.

3. Долевое соотношение призывов к технической интеллигенции теснее сплотиться с партией и пролетариатом / отмежеваться от «шахтинских вредителей» (рисунок 1.3).

Данный сегмент программы контент-анализа предполагал выделение следующих высказываний в качестве смысловых единиц.

⁴²¹ Жалкие попытки сорвать наше социалистическое строительство // Известия. 1928. 11 марта. № 61. С. 1.

⁴²² Обращение ЦК союза горнорабочих // Известия. 1928. 14 марта. № 62. С. 3.

⁴²³ Рабочие и специалисты о Шахтинском деле // Известия. 1928. 15 марта. № 63. С. 4.

– Высказывания / декларации / призывы / требования отмежевания «буржуазной» интеллигенции от «шахтинских вредителей».

Пример: *«Все эти резолюции и заявления позволяют уже сделать вывод, что вся многотысячная масса советских инженеров и техников с возмущением клеймит преступников и резко отмежевывается от них»*⁴²⁴.

– Высказывания / декларации / призывы / требования определения «буржуазной» интеллигенцией своих политических позиций, сплочения с партией и пролетариатом.

Пример: *«Перед интеллигенцией вообще и перед специалистами в особенности стоит сейчас задача – ясно, безоговорочно формулировать свое принципиальное отношение к социалистическому строительству»*⁴²⁵;

*«Мы призываем всех специалистов теснее сплотиться вокруг партийных и профессиональных организаций, чтобы совместными усилиями создать условия, при которых наше хозяйство было бы гарантировано от повторения подобных явлений»*⁴²⁶.

Исследовательская задача, руководствуясь которой мы провели указанное сравнение, заключалась в определении того, какой из предлагавшихся форматов реакции «буржуазной» интеллигенции на раскрытие «Шахтинского дела» доминировал в публикациях газет «Правда» и «Известия».

4. Долевое соотношение критики партийных, профсоюзных и хозяйственных организаций в связи с «недосмотром» в Шахтинском районе Донбасса (рисунок 1.4).

Данный сегмент программы контент-анализа предполагал выделение следующих высказываний в качестве смысловых единиц.

– Критические высказывания в адрес работы партийных организаций.

⁴²⁴ Ответ советских инженеров и техников // Известия. 1928. 11 марта. № 61. С. 5.

⁴²⁵ Специалисты и Шахтинское дело // Известия. 1928. 30 марта. № 76. С. 1.

⁴²⁶ Отклики на раскрытие контрреволюционного заговора в Шахтах // Известия. 1928. 14 марта. № 62. С. 3.

Пример: *«Парторганизация в лице бюро окркома и райкомов, которые должны были руководить как хозорганами, так и профорганизациями и постоянно проверять их деятельность, оказалась совершенно неспособной своевременно вскрыть контрреволюционных злоумышленников и проявить должную твердость в искоренении вопиющих недостатков...»⁴²⁷.*

– Критические высказывания в адрес работы профсоюзных организаций.

Пример: *«Если бы профсоюзы относились более внимательно и более вдумчиво к работе производственных совещаний, то шахтинский заговор был бы раскрыт значительно раньше»⁴²⁸.*

– Критические высказывания в адрес работы хозяйственных организаций.

Пример: *«Технически беспомощные, к тому же перегруженные канцелярщиной и другими внепроизводственными функциями, многие номинальные руководители-хозяйственники в действительности были всего лишь “плохими комиссарами в промышленности”. Они оказались в плену у специалистов, а некоторые не устояли и от обывательской смычки с ними»⁴²⁹.*

Выделение обозначенных категорий высказываний позволило на основании полученных данных количественного сравнения судить о том, какие из указанных организаций попали под наиболее интенсивную критику в публикациях газет «Правда» и «Известия».

5. Долевое соотношение упоминаний в публикациях газет «Правда» и «Известия» тем, заявленных в резолюции апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928 г. (рисунок 2.1)

В резолюции апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) был заявлен ряд направлений деятельности по ликвидации «ненормальностей», обнаруженных в связи с раскрытием «Шахтинского дела». Важной частью программы контент-анализа являлось определение долевого соотношения

⁴²⁷ Шахтинское дело // Известия. 1928. 31 марта. № 77. С. 4.

⁴²⁸ Всесоюзный съезд инженеров горняков // Известия. 1928. 4 апр. № 80. С. 2.

⁴²⁹ Объединенный пленум об уроках Шахтинского дела // Известия. 1928. 14 апр. № 89. С. 1.

упоминаний заявленных в резолюции мер в публикациях газет «Правда» и «Известия». Так, на основании текста резолюции в качестве смысловых единиц были выделены следующие требования / предложения.

– Поставить работу инженерно-технических специалистов под надежный контроль.

Пример: *«Использование старых специалистов может быть проведено только при условии критики и контроля со стороны масс, но для этого необходимо поднять культурный уровень широчайших масс»*⁴³⁰.

– Улучшить партийное руководство, партийный контроль над хозяйственными и профсоюзными организациями.

Пример: *«Крупным недостатком в работе шахтинской организации является то, что низовые звенья партийной организации медленно проводят в жизнь мероприятия партийного контроля»*⁴³¹.

– Интенсифицировать подготовку «красных» специалистов и привлекать их на ответственную работу.

Пример: *«Обязательным условием успешного строительства социализма, – отметил докладчик, – является подготовка новых инженерно-технических и научных кадров в основной массе из рабочих и крестьян»*⁴³².

– Вовлечь массы рабочих в управление производственными процессами.

Пример: *«Только вовлечение широких рабочих масс в управление производством сделает невозможным повторение экономических заговоров»*⁴³³.

– Усилить руководящую роль хозяйственников в управлении производством.

Пример: *«Перед хозяйственниками в связи со всем этим с особой остротой встала задача уметь разбираться не только в организационных вопросах*

⁴³⁰ Поднимем культурный уровень широких масс // Известия. 1928. 28 апр. № 99. С. 4.

⁴³¹ Как проводятся в жизнь решения пленума ЦК и ЦКК по шахтинскому делу // Известия. 1928. 6 июля. № 155. С. 1.

⁴³² Первая всесоюзная конференция ВАРНИТСО // Известия. 1928. 26 апр. № 97. С. 6

⁴³³ VI всесоюзный съезд горнорабочих // Известия. 1928. 21 апр. № 93. С. 3.

промышленности и общих вопросах хозяйства, но и в производственно-технических вопросах»⁴³⁴.

В рамках обозначенного сегмента программы контент-анализа отдельно было выявлено доленое соотношение двух из выделенных выше тем: вовлечения рабочих в управление производством и усиления руководящей роли хозяйственников (рисунок 2.3). Данное сравнение продиктовано задачей выяснить, какой формат производственно-трудовой субординации («единоначалие» хозяйственников или «рабочий контроль» на предприятиях) чаще предлагался в публикациях анализируемых газет.

6. Доленое соотношение тем повышения роли производственных совещаний и интенсификации выдвижения рабочих на ответственные посты (рисунок 2.2)

Данный сегмент программы контент-анализа предполагал выделение в качестве смысловых единиц следующих требований / констатаций.

– Усиление внимания хозяйственных и профсоюзных организаций к работе производственных совещаний.

Пример: *«Партийная организация главнейшее внимание обращала на стягивание рабочих масс в управление производством прежде всего путем оживления производственных совещаний»⁴³⁵.*

– Интенсификация выдвижения рабочих на ответственные руководящие посты в управлении промышленностью.

Пример: *«Выдвиженчество является одним из таких участков нашей работы, где перед нами стоят наиболее крупные и важные задачи»⁴³⁶.*

Кампания вовлечения широких пролетарских масс в дело управления производством включала в себя лозунги усиления роли производственных совещаний в управлении промышленными предприятиями и интенсификации

⁴³⁴ Речь тов. А. И. Рыкова, произнесенная на сессии 16 апреля // Известия. 1928. 20 апр. № 92. С. 2.

⁴³⁵ Как проводятся в жизнь решения пленума ЦК и ЦКК по шахтинскому делу // Известия. 1928. 6 июля. № 155. С. 1.

⁴³⁶ Внимание выдвиженчеству // Известия. 1928. 21 июня. № 142. С. 1.

выдвижения рабочих на ответственные посты. Метод контент-анализа позволил выяснить, какой аспект данной кампании получил наибольшее количество упоминаний в публикациях газет «Правда» и «Известия».

**Приложение Б. «Дело» Л. Г. Рабиновича на Шахтинском процессе 1928 г.:
сравнительный анализ материалов стенограммы и корреспондентских
отчетов газет «Правда» и «Известия»**

Л. Г. Рабинович, председатель научно-технического совета отдела каменноугольной промышленности ВСНХ СССР, был выведен в качестве подсудимого на Шахтинский процесс как предполагаемый член Московского центра «вредительской организации». Выведение на процесс Л. Г. Рабиновича, как и двух других предполагаемых членов Московского «центра» (С. Г. Именитова и Н. И. Скорутто), было сопряжено со значительным риском для организаторов процесса, поскольку к его началу следователям не удалось добиться от них признательных показаний, наработать достаточный базис обвинительного материала. К моменту открытия процесса ни один из числа «москвичей» не признал себя виновным.

Арест Л. Г. Рабиновича был произведен в начале марта 1928 г. В силу того что сроки следственных действий в отношении Л. Г. Рабиновича были ограничены (судебный процесс открылся уже 18 мая 1928 г.), обвинительный материал строился исключительно на показаниях признавших свою вину обвиняемых (Н. А. Гаврищенко, Ю. Н. Матова, А. И. Казаринова и др.). Л. Г. Рабиновичу было предъявлено обвинение по ст. 58 п. 7 УК РСФСР 1926 г. (противодействие нормальной деятельности государственных учреждений и предприятий или соответствующее использование их для разрушения и подрыва государственной промышленности, торговли и транспорта, в целях совершения контрреволюционных действий). Допрос Л. Г. Рабиновича на Шахтинском процессе прошел на вечернем заседании 25 июня. Корреспондентские отчеты в газетах «Правда» и «Известия» были опубликованы позднее, 27 июня.

Как и другие подсудимые, Л. Г. Рабинович начал свои показания с автобиографического рассказа. Корреспондент газеты «Правда» обратил внимание на уверенное поведение подсудимого на процессе: «...Рабинович свои объяснения суду дает в подчеркнуто спокойном тоне и даже не отказывает себе

подчас в “удовольствии” поиронизировать над превратностью судьбы»⁴³⁷. Текст стенограммы позволяет предположить, что замечание корреспондента об «иронии» Л. Г. Рабиновича вызвала следующая его реплика: «Ведь я был почетным членом Совета съезда горнопромышленников⁴³⁸, а сегодня я арестант. Мало ли что случается»⁴³⁹. В «Известиях» описательных характеристик поведению Л. Г. Рабиновича дано не было, однако эффект наглядности достигался иным способом – корреспондентский отчет сопровождался наброском художника Н. И. Кравченко, изображавшим Л. Г. Рабиновича перед микрофоном в зале суда.

Л. Г. Рабинович, начиная автобиографический рассказ, руководствовался твердым убеждением, что все обвинения, выдвинутые против него, держатся на оговорах: «Я отлично сплю на койке арестантской, на тюфяке соломенном и соломенной подушке. Обвинение против меня основано исключительно на оговорах, очень многочисленных, но я думаю, что по анализу всего удастся установить, что они имеют один первоисточник. Кроме того надо мною тяготеют грехи прошлого»⁴⁴⁰. Поскольку показания других подсудимых против Л. Г. Рабиновича на процессе уже прозвучали, он полагал, что встретится с предвзятым отношением: «Меня уже изобразили, и кажется, это проникло во многие умы, что я какой-то злой дух, витающий над безгрешной советской землей, сея везде вредительство, и состою каким-то всесоюзным контрреволюционером»⁴⁴¹. Поэтому Л. Г. Рабинович посчитал нужным составить свой подробный портрет, автобиографию, начиная с профессиональной деятельности в дореволюционный период, мировоззрения, с которым он встретил октябрьский переворот, заканчивая тем, какими путями строилась его карьера при советской власти.

Стиль корреспондентских отчетов в газетах «Правда» и «Известия» отличался. Если в «Известиях» выдерживалась стилистика информационного

⁴³⁷ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 27 июня. № 147. С. 3.

⁴³⁸ Имеется в виду Совет съезда горнопромышленников Юга России.

⁴³⁹ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 36. Л. 200.

⁴⁴⁰ Там же. Л. 160.

⁴⁴¹ Там же. Л. 161.

отчета, не предполагавшая художественно-публицистических отступлений, то корреспондент газеты «Правда» позволял себе иронизировать над словами подсудимого, избрав стиль, характерный скорее для фельетона. При всей стилистической разнице, воспроизводя автобиографический рассказ Л. Г. Рабиновича, корреспонденты обеих газет акцентировали внимание на финансово-денежной стороне его профессиональной деятельности до революции, предпринимательских операциях и связях с промышленниками и финансистами. Приводя показания подсудимого относительно его первого крупного дела в горнодобывающей отрасли (Л. Г. Рабинович убедил одного из промышленников вложиться в рудник, который, считаясь убыточным, принес в итоге прибыль), корреспондент «Известий» подчеркнул финансовую выгоду от предприятия: **«Короче говоря, в течение всего времени владелец рудника заработал тысяч 150, а я после окончания контракта ушел из этого дела с капиталом около 15 000 руб. Это была основа моего будущего капитализма»**⁴⁴². Это действительно цитата из показаний Л. Г. Рабиновича, которая, однако, была несколько изменена корреспондентом. Следуя стенограмме, приведенная часть показаний звучала следующим образом: «Владелец, который дал мне деньги, заработал на этом деле тысяч полтора. Затем, когда закончился контракт, я должен был уйти, расплатился с рабочими, и за каждый год работы уплатил месячный заработок им полностью. После этого я ушел с капиталом около пятнадцати тысяч рублей. Это была первая основа будущего капиталиста, которая была основана на большом труде и на восстановлении погибшего предприятия»⁴⁴³. Л. Г. Рабинович, очевидно, приводил данные сведения не с целью похвастать количеством заработанных денег. Об этом можно судить на основании последующих слов подсудимого, не процитированных в материале «Известий»: «Из этого первого опыта я вынес разные впечатления. Прежде всего, что понятие убыточности в горном деле довольно относительное, что оно зависит большей частью от умения управлять, и второе, что меня поразило, это то, что, получив

⁴⁴² Шахтинское дело // Известия. 1928. 27 июня. № 147. С. 3.

⁴⁴³ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 36. Л. 163.

пятнадцать тысяч, я должен был своей энергией, трудом и трудом рабочих отдать банкиру-капиталисту около двухсот тысяч рублей»⁴⁴⁴.

Отдельно Л. Г. Рабинович остановился на том, какие перемены в его жизнь привнесла Октябрьская революция: «После расплаты со всеми долгами на моем текущем счете в конце сентября оставалось или 860 тыс. руб., или 680 тыс руб. Наступила Октябрьская революция. Все эти деньги были конфискованы. К этому я отнесся совершенно хладнокровно, потому что раз дела нельзя было делать, то и деньги были не нужны. Вот история моей служебной и хозяйственной жизни»⁴⁴⁵. Корреспондент «Известий» процитировал Л. Г. Рабиновича следующим образом: «Я расплатился с долгами, и чистых у меня осталось не то 860 000 руб., не то 680 000 руб. К этому времени подошла Октябрьская революция, которая снова сделала меня нищим, хотя у меня и осталось тысяч 10 сбережений»⁴⁴⁶. Приписывание Л. Г. Рабиновичу слов о том, что Октябрьская революция сделала его нищим, выглядит закономерным для того способа освещения его показаний, который избрал корреспондент «Известий». Он последовательно и настойчиво выделял эпизоды накопления / растраты Л. Г. Рабиновичем капиталов: «Рабинович после продажи рудника получил около 27 000 руб. процентного вознаграждения», «Это предприятие окончилось для него неудачей, и он потерял там 250 000 руб.», «Таким образом, Рабинович стал московским домовладельцем. Впоследствии он этот дом продал за 250 000 руб.»⁴⁴⁷ и т. д. Хотя сам подсудимый на процессе не единожды настаивал на том, что его мировоззренческая позиция далека от позиции стяжателя: «Я ненавидел роскошь, ездил всегда в трамваях, был скромн в своих потребностях, а главное, так как меня все время эксплуатировали банки, то вся моя энергия и трудоспособность направлялась в другую сторону, капиталистов и силу денег я возненавидел»⁴⁴⁸. Свою роль Л. Г. Рабинович описывал следующим образом: «Я считал, что как капиталист, если я все свои заработки трачу на осуществление новых дел, обогащая

⁴⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 36. Л. 163.

⁴⁴⁵ Там же. Л. 173.

⁴⁴⁶ Шахтинское дело // Известия. 1928. 27 июня. № 147. С. 3.

⁴⁴⁷ Там же.

⁴⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 36. Л. 175.

государство или население новым основным капиталом, новым богатством – я делаю дело далеко не эксплуататорское, не плохое»⁴⁴⁹. Даже если подсудимый не был правдив в описании своего мировоззрения, это не оправдывает избирательность и односторонность передачи его слов корреспондентом «Известий».

Если в отчете «Известий» внимание аудитории искусственно концентрировалось на предпринимательской / капиталистической деятельности обвиняемого, то корреспондент «Правды» активно использовал уместные скорее в фельетоне журналистские приемы иронии и насмешки. «На собственном опыте, – писал корреспондент “Правды”, – Рабинович “познал всю несправедливость капиталистической системы”. Отдельные капиталисты и банки постоянно эксплуатировали его, забирая себе львиную долю того, что он создавал своими знаниями и трудом»⁴⁵⁰. При этом словам Л. Г. Рабиновича корреспондент противопоставлял факты из его биографии: «Между прочим, всего лишь за месяц до Октябрьской революции Рабинович вследствие финансовых затруднений оказался не в состоянии выполнить свои долговые обязательства и был объявлен банкротом. Это было 15 сентября, но всего через 5 дней, благодаря вмешательству известного в то время биржевого спекулянта Мануса, Рабиновичу удалось ликвидировать свое предприятие. В результате этой операции долги были погашены, а на текущем счету появился у Рабиновича “чистенький” миллиончик»⁴⁵¹. Также и отношение Л. Г. Рабиновича к Октябрьской революции было передано с долей иронии: «Неудивительно поэтому, что Октябрьскую революцию Рабинович встретил, имея уже в своем сознании “полный комплекс социалистического государства”, как он говорит. “Житейский опыт” ему и раньше уже подсказал несправедливость частной собственности на землю и недопустимость нахождения банков в частных руках. Отсюда сам собой напрашивается логический вывод, что и предприятия должны быть изъяты из рук частных владельцев»⁴⁵².

⁴⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 36. Л. 175.

⁴⁵⁰ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 27 июня. № 147. С. 3.

⁴⁵¹ Там же.

⁴⁵² Там же.

Тенденциозность в передаче показаний Л. Г. Рабиновича отчетливой проявилась, когда корреспондент «Правды» перешел к описанию допроса подсудимого Н. В. Крыленко: «Словесное здание, сооруженное на суде одержимым “благородной страстью” строить Рабиновичем, дало трещину, как только государственное обвинение коснулось его резцом критического анализа»⁴⁵³. Корреспондент полностью следовал линии аргументации государственного обвинителя Н. В. Крыленко, задачей которого было выставить Л. Г. Рабиновича дельцом-капиталистом, с тем отличием, что если порядок судебной процедуры не позволял Н. В. Крыленко до определенного момента выносить оценочные суждения, то корреспондент ничем ограничен не был. Поэтому в публикации «Правды» содержались выводы, не оставлявшие никакой лазейки для альтернативного толкования: «Но кому не понятно, что вращаться среди капиталистических акул – значит волей-неволей участвовать в их махинациях, пользоваться их методами “работы”. Сам Рабинович сознается, что для него нажать 200 000 руб. или потерять 300 000 руб. было все равно, что найти или потерять десять копеек. Таков был размах тех дел, к которым всю свою жизнь имел тяготение Рабинович»⁴⁵⁴. В данном случае корреспондент «Правды» исказил смысл «признания» Л. Г. Рабиновича. В стенограмме диалог Н. В. Крыленко и Л. Г. Рабиновича выглядел следующим образом: «**Крыленко:** Одним словом, эта борьба и проявление творчества сплошь и рядом шло вместе с крупными денежными выгодами, а также и потерями. – **Рабинович:** Деньги мне были не нужны, совершенно безразлично, я терял сотни тысяч, как и наживал сотни тысяч – все равно как десять копеек»⁴⁵⁵. Совершенно очевидно, что слова Л. Г. Рабиновича были истолкованы превратно – дело не в том, что суммы в сотни тысяч рублей являлись для Л. Г. Рабиновича пустяком, а в подчеркнута равнодушном отношении Л. Г. Рабиновича к деньгам как к таковым.

Далее корреспондент «Правды» обыгрывает отказ Рабиновича признать себя капиталистом: «Рабинович, хотя “и не особенно марксист”, напоминает, что

⁴⁵³ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 27 июня. № 147. С. 3.

⁴⁵⁴ Там же.

⁴⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 36. Л. 206.

его прошлую деятельность надо рассматривать “в исторической перспективе”, с точки зрения существовавших в то время социальных отношений. – Я – труженик, – аттестует себя в “историческом разрезе” Рабинович⁴⁵⁶. В этом изложении опять присутствует искаженная трактовка слов подсудимого, который, судя по стенограмме, высказывался следующим образом: «Здесь надо принять во внимание исторические перспективы, как это говорится, по Марксу, и экономические взаимоотношения классов. Я из этого вынес убеждение, что такой промышленник, как я, в то время полезнейший человек... не эксплуатирующий, а наоборот – эксплуатируемый, и интересующийся делом с точки зрения народного богатства»⁴⁵⁷.

Форма освещения допроса Л. Г. Рабиновича в публикациях «Правды» и «Известий» отличалась. Если в «Правде» корреспондент по большей части пересказывал его содержание, то в «Известиях» использовалась диалоговая форма – передавались якобы достоверные диалоги подсудимого и государственного обвинителя. При этом в публикации «Известий» часто были выделены шрифтом те или иные реплики, на которых корреспондент хотел акцентировать внимание. Так, например, выяснение Н. В. Крыленко «классовой психологии» подсудимого передано посредством следующего диалога: «– Тем не менее, вы не можете отрицать, что, вращаясь в этой сфере дельцов, **волей-неволей вам приходилось действовать так же, как действовали они?** – Мне приходилось это делать»⁴⁵⁸. Из приведенного отрывка следует, что Л. Г. Рабинович согласился с формулировкой Н. В. Крыленко. Однако в стенограмме этот диалог выглядит следующим образом: «**Крыленко:** Вы, вращаясь в этой среде, хочешь не хочешь, должно быть, принимали участие в операциях и считались с ними. Это неизбежный вывод. – **Рабинович:** Если я занимаю деньги, чтобы жить, разве я участвую в ростовщичестве. – **Крыленко:** Тем не менее, вам с желанием или без желания приходилось принимать участие во всех операциях, которые были, банковских, кредитных, продажи, перепродажи, игры на акциях. –

⁴⁵⁶ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 27 июня. № 147. С. 3.

⁴⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 36. Л. 201.

⁴⁵⁸ Шахтинское дело // Известия. 1928. 27 июня. № 147. С. 3.

Рабинович: Извините. Вы слишком обобщаете, игры на акциях не было, никакого участия я не принимал, я занимался тем, что брал в долг под залог имущества, что приходится делать каждому человеку в частной жизни, закладывая пиджак в ломбард»⁴⁵⁹.

На утреннем заседании 26 июля прошли очные ставки Л. Г. Рабиновича и тех подсудимых, которые дали против него показания. Перед судом поочередно предстали Н. К. Кржижановский, А. И. Казаринов, С. З. Будный, Ю. Н. Матов и С. П. Братановский. Показания названных подсудимых против Л. Г. Рабиновича в отчетах газет «Правда» и «Известия» были переданы в сокращенном виде, но без искажений: Н. К. Кржижановский заявил, что Рабинович как член технического совета не мог не замечать «вредительства» в работе УНС; А. И. Казаринов свидетельствовал, что фамилию Л. Г. Рабиновича как члена «организации» назвал ему Ю. Н. Матов, кроме того А. И. Казаринов якобы видел Л. Г. Рабиновича в июле 1925 г. на собрании организации; Ю. Н. Матов подтвердил слова А. И. Казаринова, а также сообщил суду, что узнал о принадлежности Л. Г. Рабиновича к «московскому центру» от Н. И. Скорутто; С. П. Братановский заявил, что видел Л. Г. Рабиновича на двух совещаниях донуглевской «организации»: одно состоялось в конце 1925 г., второе – весной 1926 г.

Допросу вызванных на очные ставки подсудимых Л. Г. Рабиновичем и его адвокатом М. А. Оцепом уделялось в корреспондентских отчетах значительно меньше внимания, нежели обвинительным показаниям. Хотя в обеих газетах действительно было отмечено, что Л. Г. Рабинович и М. А. Оцеп обнаружили несоответствия в показаниях обвиняемых. В «Правде» упоминался один такой эпизод: «Защитник Оцеп указывает на неувязку в показаниях Казаринова и Братановского. Оба указывают разные сроки конспиративного совещания, но устанавливают одну общую для обоих совещаний тему – обсуждение вопроса о новом шахтном строительстве и распределении ролей в УНС». Однако эта неувязка в изложении корреспондента снимается уточняющим вопросом А. Я. Вышинского: «– Может быть, было несколько совещаний по этому вопросу?

⁴⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 36. Л. 201–202.

– спрашивает тов. Вышинский. Казаринов, Братановский, Матов подтверждают, что могло быть несколько таких совещаний и что на одном из них, во всяком случае, Рабинович присутствовал»⁴⁶⁰.

На то же самое несоответствие обратил внимание и корреспондент «Известий»: «Рабинович отрицает, что присутствовал когда-либо на совещании организации. Он обращает внимание суда на следующие противоречия в показаниях Казаринова, Братановского и других. Во-первых, **он не был в июне 1925 года в Харькове**, а первый раз приехал в Харьков в октябре 1925 года, и, во-вторых, Казаринов и Братановский не могли быть одновременно на совещании организации, как они это указывают, и вот почему: Казаринов был в октябре за границей, следовательно, если верить Братановскому, что совещание было в октябре, значит, там не было Казаринова; если допустить, что совещание происходило в июне 1925 года, то опять там не мог быть Братановский, который, по его словам, был только в октябре 1925 года привлечен к организации»⁴⁶¹. При этом корреспондент «Известий» также оговаривается, что эта неувязка может быть снята: «Что касается противоречивых показаний Казаринова и Братановского, то этот вопрос остается открытым, ибо тут возможны отдельные неточности в датах со стороны обоих»⁴⁶².

Указывая на одно несоответствие, обнаруженное Л. Г. Рабиновичем и Оцепом, которое при этом могло быть снято, ни «Правда», ни «Известия» не упоминают целый ряд других противоречий, которые сам Л. Г. Рабинович и его защитник М. А. Оцеп выявили в показаниях других подсудимых. Например, в соответствии со стенограммой, в ответ на показания А. И. Казаринова о собрании членов контрреволюционной организации в июле 1925 г. о распределении ролей в УНС (управление нового строительства Донугля), Л. Г. Рабинович указывает на ошибку, которая заключалась в том, что УНС было создано в августе 1926. Обсуждение УНС за 13 месяцев до его создания, заявляет Л. Г. Рабинович, было

⁴⁶⁰ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 27 июня. № 147. С. 3.

⁴⁶¹ Шахтинское дело // Известия. 1928. 27 июня. № 147. С. 3.

⁴⁶² Там же.

бы абсурдным⁴⁶³. Подсудимый С. З. Будный перед судом дал показания о том, что Л. Г. Рабинович якобы передал ему письмо от И. Дворжанчика⁴⁶⁴ в здании ГУТа ВСНХ (Главное управление по топливу), располагавшемся, по словам С. З. Будного, в Москве на Ильинке. Л. Г. Рабинович, в свою очередь, заявил, что ГУТ никогда не располагался на Ильинке, соответственно передать письмо С. З. Будному там он не мог⁴⁶⁵. Подсудимый Ю. Н. Матов утверждал, что встречался с Л. Г. Рабиновичем по делам «организации» в сентябре 1926 г. или в Главгортопе, или в представительстве Донугля. Л. Г. Рабинович же, по его словам, служил в это время в Госплане, поэтому встречаться с Ю. Н. Матовым в указанных им учреждениях не мог⁴⁶⁶.

После очных ставок с подсудимыми на допрос был вызван свидетель со стороны обвинения бывший заместитель управляющего Южно-рудным трестом (ЮРТ) Мухин. Свидетель Мухин находился в то время под следствием по другому делу, связанному с «вредительством» в ЮРТ. Свидетельские показания Мухина были чрезвычайно важны, поскольку подтверждали тезис о распространении «вредительства» на другие хозяйственные объекты страны. Речь шла о существовании параллельной «контрреволюционной организации» ЮРТ, которая, однако, держала связь и взаимодействовала с донуглевской. Неудивительно, что и в «Правде», и в «Известиях» значительная часть корреспондентских отчетов была занята изложением показаний свидетеля Мухина – фигуры, которая могла расширить масштабы «вредительства». Задача Мухина на процессе, и это нашло прямое отражение в корреспондентских отчетах, заключалась в том, чтобы показать, что нити от «вредительской организации» ЮРТа, так же как и от донуглевской «организации», ведут в один и тот же «центр» в Москве – в ВСНХ, членом которого якобы был Л. Г. Рабинович. Мухин утверждал, что делал Л. Г. Рабиновичу подробные отчеты о своей

⁴⁶³ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 37. Л. 29.

⁴⁶⁴ Бывший директор-распорядитель французского «Товарищества по разработке каменного угля в южной России», предполагаемый следствием член заграничного центра «контрреволюционной организации».

⁴⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 37. Л. 12.

⁴⁶⁶ Там же. Л. 70.

вредительской деятельности, получал от него инструкции и деньги, передавал через него письма за границу.

Однако и свидетель Мухин был выведен на Шахтинский процесс, по всей видимости, не до конца подготовленным для дачи непротиворечивых показаний. Описание «вредительства», с его слов, выглядело весьма надуманным, что отметил и сам Л. Г. Рабинович. В стенограмме зафиксирован следующий диалог, состоявшийся между Мухиным и Л. Г. Рабиновичем: «**Рабинович:** ...Что, собственно, я желал, чтобы организация делала на Криворожском руднике? – **Мухин:** Чтобы предприятие было оборудовано лучшим образом, чтобы марганцевые рудники пускались, чтобы процесс возрастания сопровождался разными задержками, препятствиями, помехами. – **Рабинович:** Возрождалось и задерживалось – это ведь противоположные понятия. – **Мухин:** Рудники могут оборудоваться очень хорошо, но вместе с тем затраты могут быть более рациональными. – **Рабинович:** Значит больше затрат? – **Мухин:** Кроме того, подготовительная работа с таким расчетом, чтобы результаты сказывались впоследствии. Широкий размах строительства, широкий размах подготовительных работ»⁴⁶⁷.

Несмотря на неясность показаний Мухина, газеты «Правда» и «Известия» полностью занимали сторону свидетеля и обвинения. Вот как интерпретировал попытки Л. Г. Рабиновича прояснить суть данных свидетелем показаний корреспондент «Правды»: «Затем подсудимый задает свидетелю ряд вопросов, имеющих целью сбить Мухина и доказать лживость данных им суду показаний, но свидетель твердо стоит на своем»⁴⁶⁸. Обвинения Мухина в том, что именно через Л. Г. Рабиновича поступали деньги от заграничного центра, встретили, в соответствии со стенограммой, замечания со стороны подсудимого в отсутствии логики: «Каким образом люди, мне совершенно не знакомые или мало знакомые с которыми я встречался раза три во время Съезда, присылают деньги и, очевидно, большие, и я эти деньги передаю без расписок. Есть ли тут какая-нибудь логика,

⁴⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 37. Л. 97–98.

⁴⁶⁸ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 27 июня. № 147. С. 3.

вероятность, и для чего все это делается? Причем тут Криворожский рудник? Если говорить об угольном – другое дело, может быть, но я никакого отношения к Криворожским рудникам и к тем лицам не имел. Какая тут связь? В чем же тут собственно дело? Я бы вам не доверил денег без расписки, по тем деньгам, по которым я должен отчитываться. И мне не доверили бы. Это не десять рублей, а двадцать четыре тысячи. Как вы все это считаете?»⁴⁶⁹. Возражения Л. Г. Рабиновича корреспондент «Правды» трактовал как попытку «дискредитировать показания свидетеля»⁴⁷⁰. При этом, как отмечалось в отчете, попытку «дискредитации» отразил государственный обвинитель Г. К. Рогинский, который установил, «что подсудимый был в очень хороших отношениях с Прядкиным⁴⁷¹ и Дворжанчиком, которые ему доверяли, следовательно, нет ничего удивительного в том, что парижский центр, к которому принадлежали эти лица, доверял Рабиновичу большие суммы». Действительно, если следовать стенограмме, Л. Г. Рабинович, отвечая на вопросы Г. К. Рогинского, подтвердил, что он хорошо знал Я. Д. Прядкина и И. Дворжанчика, однако это не отменяло всех прозвучавших на суде вопросов к логике показаний Мухина.

Реагируя на особый статус свидетеля, который одновременно находился под следствием по другому делу, адвокат М. А. Оцеп выступил перед судом с ходатайством. Акцентируя внимание суда на том, что показания Мухина невозможно проверить, поскольку следствие по делу контрреволюционной организации ЮРТ еще не завершено, М. А. Оцеп ходатайствовал о вызове на судебный процесс других лиц, работников ЮРТ, которые упоминались Мухиным в связи с Л. Г. Рабиновичем⁴⁷². Ходатайство М. А. Оцепа было отклонено. В «Правде» это объяснялось тем, что Крыленко, «основываясь на ряде статей процессуального кодекса, указывает на абсолютную невозможность вызова

⁴⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 37. Л. 102.

⁴⁷⁰ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 27 июня. № 147. С. 3.

⁴⁷¹ Бывший главный директор Общества Криворожских рудников, бывший директор общества «Продуголь», предполагаемый следствием член заграничного центра «контрреволюционной организации».

⁴⁷² ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 37. Л. 112–113.

указанных лиц», так как «это приведет к разглашению материалов предварительного следствия»⁴⁷³.

Далее суд перешел к допросу Л. Г. Рабиновича его адвокатом М. А. Оцепом. Ни в отчете «Правды», ни в отчете «Известий» содержание допроса подсудимого стороной защиты не было изложено ни в какой форме. Корреспонденты, отбрасывая аргументацию одной из сторон состязательного процесса, демонстрировали явную тенденциозность и перекося в пользу освещения позиции государственного обвинения. Позиция защиты, ее аргументы и доказательства если и приводились, то трактовались как попытки манипулировать фактами, запутать суд или дискредитировать показания свидетелей. Более того, обе газеты допускали прямые искажения содержания показаний и допросов. Де-факто рассматриваемые отчеты не столько несли сугубо информативную функцию, сколько работали на формирование образа «контрреволюционера-вредителя», часто предвосхищая выводами / оценочными суждениями приговор суда.

28 июня начались прения сторон. Обвинительная речь Н. В. Крыленко заняла утреннее и вечернее заседания суда. В газетах «Правда» и «Известия» пересказ речи Н. В. Крыленко в силу ее продолжительности был разбит на две части и опубликован в номерах от 30 июня и 1 июля 1928 г. Н. В. Крыленко последовательно останавливался на каждом из 53 подсудимых, обобщая выясненные в ходе процесса «факты» и запрашивая суд о той или иной мере наказания. Та часть обвинительной речи, в которой прокурор остановился на случае Л. Г. Рабиновича, была передана в газетных публикациях без явных смысловых искажений. Н. В. Крыленко уделил особое внимание описанию классового и психологического портрета подсудимого. В «Правде» это объяснялось следующим образом: «Останавливаясь на характеристике Рабиновича, т. Крыленко указывает, что важно не то, чем он был в прошлом. Важно то, что объективно и неизбежно его прошлое внесло в его сознание, в его психику, то, от чего он не способен был в дальнейшем отмежеваться»⁴⁷⁴. Далее

⁴⁷³ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 27 июня. № 147. С. 3.

⁴⁷⁴ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 1 июля. № 151. С. 6.

весьма последовательно был изложен ход рассуждений Н. В. Крыленко: поскольку основной целью Л. Г. Рабиновича в работе до революции было «наживать, чтобы творить», а затем «творить, чтобы опять нажить», следовательно, несмотря на уверения подсудимого в том, что он творил для народного хозяйства, Л. Г. Рабинович являлся эксплуататором, так как наживать в условиях капиталистической системы – означает эксплуатировать. Поэтому Л. Г. Рабинович не вправе отделять себя от класса капиталистов-эксплуататоров. Эта принадлежность к классу буржуазии якобы и определяла психологию Рабиновича, которая, в свою очередь, детерминировала его «контрреволюционное» отношение к советской власти и побудило к «вредительству».

Далее, Н. В. Крыленко перешел к перечислению тех материалов следствия и суда, которые свидетельствовали в пользу участия Л. Г. Рабиновича в «контрреволюционной организации». Корреспондент «Правды», не воспроизводя вслед за Н. В. Крыленко всех аргументов, ограничился констатацией: «Шаг за шагом, перебирая улики, определившиеся в процессе судебного следствия, тов. Крыленко устанавливает, что Рабинович являлся членом вредительской организации и членом ее московского центра. Слишком сильны улики, как бы ни пытался опровергнуть их или уйти от них Рабинович»⁴⁷⁵. В оценке, данной корреспондентом газеты «Правда», однако, можно усомниться на основе текста стенограммы. Аргументы Н. В. Крыленко, прозвучавшие перед судом, вряд ли можно назвать неопровержимыми. К примеру, утверждение Н. В. Крыленко о том, что Л. Г. Рабинович получал письма от Дворжанчика, зиждется на весьма странном умозаключении: «Едва ли можно допустить, чтобы Дворжанчик, который лично знал Рабиновича, который рассылал письма всем, всем, всем, – чтобы он не посылал письма Рабиновичу»⁴⁷⁶. Описание сути вредительских акций Рабиновича также порождает сомнения: «Сам Рабинович здесь пересчитал девять фактов, кажется семь или девять фактов, которые он признал явно вредными, а

⁴⁷⁵ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 1 июля. № 151. С. 6.

⁴⁷⁶ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 40. Л. 218.

если сказать больше, то вредительскими. Он, правда, сказал, что по всем этим фактам он остался при особом мнении. Я его спросил: ну а результаты этого вашего особого мнения, – на что Рабинович ответил: что же я могу сделать один. Вот это и требовалось доказать, что ничего не делалось, что ничего не было сделано для пресечения вредительской деятельности, это и требовалось доказать, что там, где нельзя было допускать или пропускать проектов явно вредительского характера, дальше бумажных протестов дело не шло, и тем самым основная цель вредительства – торможение проектов – эта цель достигалась»⁴⁷⁷. При этом для Н. В. Крыленко не имело значения, что технический совет при Донугле, в который входил Л. Г. Рабинович, имел ограниченные полномочия: «...Разве авторитет Рабиновича был не настолько велик, что он мог, если бы захотел, это дело провернуть. Нельзя говорить, что я, мол, хотел сделать, но не мог. Если бы хотел – сделал бы, а не хотел – и не сделал»⁴⁷⁸. Все оставшиеся аргументы Н. В. Крыленко – это показания других подсудимых и свидетеля Мухина. При этом Н. В. Крыленко оправдывает все неточности и несоответствия в их показаниях: «Нам легко в процессе судебного следствия требовать эту точность, но мы с вами забываем, что человеческая память есть человеческая память и что мы не можем, логически не имеем права, этой точности требовать. Поэтому, когда Рабинович ставит вопрос, сколько раз его видели, когда и где, – это в смысле судебного доказательства ничего не дает. Мы реальные люди и реально оцениваем человеческую память»⁴⁷⁹. Такого рода доказательную базу нельзя назвать крепкой. Специфика обвинений Н. В. Крыленко заключалась в том, что утверждения о якобы «вредительской» деятельности Л. Г. Рабиновича выводились главным образом не из улик, а из «понимания» психологии подсудимого, которая определялась его социально-классовым положением. Этот ход рассуждений привел к тому, что государственный обвинитель запросил высшую меру наказания для подсудимого.

⁴⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 40. Л. 220.

⁴⁷⁸ Там же. Л. 221.

⁴⁷⁹ Там же. Л. 222.

Краткое изложение ответной речи защитника М. А. Оцепа, как и других адвокатов на Шахтинском процессе, было опубликовано в номерах газет «Правда» и «Известия» от 4 июля. В целом, несмотря на сокращения, общий смысл выступления М. А. Оцепа искажен не был. Тактика адвоката заключалась в том, чтобы доказать, что обвинение против Л. Г. Рабиновича строится исключительно на оговорах. Доказать это было непросто, поскольку, как признавал перед судом сам М. А. Оцеп, «против оговора может быть <только> отрицание, против слова может быть только слово»⁴⁸⁰. По версии М. А. Оцепа, первоисточником всех оговоров были показания инженера Н. А. Гавришенко, арестованного одним из первых по «Шахтинскому делу», но в ходе следствия покончившего с собой. Именно Н. А. Гавришенко первым назвал фамилию Л. Г. Рабиновича как члена Московского центра «контрреволюционной организации». Эти показания были даны Н. А. Гавришенко 29 января 1928 г., когда Л. Г. Рабинович еще был на свободе.

Ни в публикациях «Правды», ни в публикациях «Известий» не была приведена значительная часть аргументации М. А. Оцепа, который пытался реконструировать механику и психологию оговоров, возникших на стадии предварительного следствия. М. А. Оцеп утверждал, что Н. А. Гавришенко назвал фамилию Л. Г. Рабиновича под давлением следователя. На основании текста допроса Н. А. Гавришенко на предварительном следствии М. А. Оцеп обращает внимание на то, что следователь по собственной инициативе задал Н. А. Гавришенко прямой вопрос о составе Московского «центра», хотя до этого Н. А. Гавришенко ни разу не упоминал о существовании такового. М. А. Оцеп расценивал это как «внушенный наводящий вопрос», при ответе на который сломленный Н. А. Гавришенко по неизвестным причинам назвал фамилию Л. Г. Рабиновича⁴⁸¹. М. А. Оцеп призвал суд с недоверием отнестись к данным показаниям, поскольку на следующий день после указанного допроса Н. А. Гавришенко покончил с собой. В связи с этим должен был быть поставлен

⁴⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 42. Л. 140.

⁴⁸¹ Там же. Л. 151.

вопрос, в каком психологическом состоянии находился Н. А. Гавришенко, называя фамилию Л. Г. Рабиновича. Далее фамилия Л. Г. Рабиновича фигурировала уже в показаниях инженеров Ю. Н. Матова и А. И. Казаринова. Подозрение у Оцепа вызывает тот факт, что указанные подследственные, к тому времени уже признавшие себя виновными, начали давать показания против Рабиновича в один и тот же день 17 апреля 1928 г., когда дело перешло в следственное производство к Э. Э. Левентону⁴⁸². До этого ни один из них Л. Г. Рабиновича как члена «организации» не называл. По мнению М. А. Оцепа, признавшие свою вину подследственные пошли на оговор, пытаясь во всем потакать следствию и рассчитывая на смягчение приговора. Оговор, по словам М. А. Оцепа, был методом «самозащиты от грядущей, ожидаемой репрессии»⁴⁸³.

В завершение процесса подсудимым была дана возможность выступить с последним словом. Газеты крайне лаконично передавали содержание последних выступлений подсудимых на процессе. При этом общий смысл речи Л. Г. Рабиновича искажен не был⁴⁸⁴. Подсудимый еще раз заявил о своей невинности и добросовестности в работе. В заключение Л. Г. Рабинович выступил с просьбой к суду. В силу пожилого возраста и проблем со здоровьем, в случае если суд признает его виновным, Л. Г. Рабинович просил назначить ему высшую меру наказания, поскольку пребывание в местах заключения для осужденного будет сопряжено с дополнительными физическими мучениями. Несмотря на просьбу подсудимого, суд признал Л. Г. Рабиновича виновным и приговорил к 6 годам лишения свободы со строгой изоляцией, конфискацией 1/3 имущества и поражением в правах сроком на 3 года. В соответствии с формулировкой приговора, суд «установил», что Л. Г. Рабинович неоднократно присутствовал на совещаниях «вредительской организации» и, не осуществляя

⁴⁸² ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 42. Л. 154.

⁴⁸³ Там же. Л. 140.

⁴⁸⁴ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе // Правда. 1928. 4 июля. № 153. С. 5; Шахтинское дело // Известия. 1928. 4 июля. № 153. С. 4.

«вредительства» в своей личной деятельности, оказывал поддержку членам «организации» в установлении связей с «различными учреждениями»⁴⁸⁵.

Рассмотренный случай Л. Г. Рабиновича позволяет выделить основные черты освещения Шахтинского процесса в советской центральной прессе. Занимая сторону обвинения, корреспонденты, находившиеся вне рамок правил судебной процедуры, транслировали картину судебного процесса, преломленную в соответствии с общей пропагандистской линией. Пользуясь возможностью выносить оценочные суждения, произвольно компоновать и интерпретировать содержание показаний и допросов, корреспонденты газет приводили сказанное на суде в соответствие с заданной пропагандой перспективой процесса, где присутствовали свои «герои» (государственные и общественные обвинители, свидетели рабочие) и «антигерои» (подсудимые, защитники). В условиях когда обвинительный приговор был предрешен, требовалось доказать обоснованность его вынесения. Для советской массовой аудитории подтверждением обвинительного приговора было не само содержание судебных заседаний (присутствующим на которых позиция защиты могла показаться более обоснованной), а их преломленное отображение в материалах прессы. Освещение Шахтинского процесса в прессе, таким образом, имело большое значение, восполняя лакуны и провалы обвинения во время судебных заседаний.

⁴⁸⁵ Шахтинское дело. Приговор // Известия. 1928. 7 июля. № 153. С. 3–4.